

Бадбуля- суперопекун

КЕҮТ ЛӨНГ

• РОСМЭН •

Бадбуля-суперопекун

КЕҮТ ЛӨНГ

• РОСМЭН •

Кэтфин восемнадцать, и она живет с бабушкой, которая ее ужасно достает, навязывает свои стариковские представления о жизни и никуда от себя не отпускает. Девушка и сама не решается уехать из родного дома, потому что боится всего на свете. И, несмотря ни на что, мечтает хоть что-то узнать о матери, которая бросила ее, когда Кэтфин была грудным младенцем.

Полл за семьдесят, у нее отвратительный характер, она вечно ворчит, терроризирует внучку, и ее могут терпеть лишь два человека на свете: противный старикашка по прозвищу Собачник и давняя подруга, которая по доброте душевной всегда всех жалеет.

И тут один за другим появляются два человека, которым известны семейные тайны этого дома и которые резко меняют судьбу девушки и ее воинственной бабули.

ISBN 978-5-353-02602-0

9 785353 026020

КЕЙТ ЛОНГ

Бабуля- суперопекун

Kate Long

SWALLOWING GRANDMA

Перевод с английского Е. Нарышкиной

МОСКВА
«РОСМЭН»
2007

УДК 821.111-311.1
ББК 84(4Вел)6-44
Л68

ISBN 978-5-353-02602-0

© Kate Long, 2004

© Издание на русском языке.

ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2006

Моим родителям

Выражаю признательность за поддержку Молли Томпсон, Дженнифер Лиминг, Джудит Меджилл, Деборе Клесел, Джейн Смелли, Руби Парр, Джону и Маргарет Грин, а также Грэхему Диксону.

Благодарю за участие и редакторскую помощь Дэвида Риса, Кэт Пилсбери, Питера Штрауса и команду RCW, а также Симона Лонга, Урсулу Дойль и моих друзей в издательстве «Пикадор».

Глава первая

Ровно в девять по ступенькам нашего дома поднялся Собачник, держа на поводке дворнягу, смахивавшую на волка.

— Хорошая новость, — сказал он, — я принес насадку на пылесос.

— Впусти его! — завопила Полл из кухни.

Он прошуршал мимо в своем грязном плаще, и я прижалась спиной к стене, чтобы он не задел меня. Собака понюхала у меня между ног и засеменила следом.

— Вот, пожалуйста, — сказал он, роясь в одном из своих пластиковых пакетов и вытаскивая эту штуку на мое обозрение. И правда, я мечтала о ней целых шесть месяцев. Наша куда-то запропастилась, скорее всего, Полл ее случайно выбросила. Такая участь постигла множество наших вещей.

Решительным шагом вошла Полл и выхватила насадку из рук Собачника. Она внимательно ощупала ее со всех сторон, потом поднесла к лампе, чтобы лучше рассмотреть.

— Ну вот, тебе повезло, Кэтрин Миллер! Она постоянно ноет, что в доме полно собачьей шерсти. Уинстон линяет круглый год, непонятно, как он еще не облысел. Скажи спасибо Дикки. Где ты достал ее, Дикки? На распродаже?

Собачник ухмыльнулся:

— Я ее нашел.

Стибрил где-нибудь, это больше похоже на правду.

Полл протянула ее мне, и я посмотрела на этикетку.

— Но ведь это совсем другая марка, — сказала я, — это «Дайсон», а у нас «Лервия». Она не подойдет.

— Да перестань, — сказал Собачник, — намотать на конец трубки немного изоленды, и все дела.

Вот бы запихнуть ее тебе в глотку, в духе Тома и Джерри.

— Вы что, в самом деле думаете, что я стану обматывать эту штуку изоляцией каждый раз, когда соберусь пропылесосить?! Наматывать и разматывать? Я фигней страдать не собираюсь!

Я бросила его подарок на диван. Если Полл хочет, пусть сама возится.

Полл злобно фыркнула, а Собачник огорченно покачал головой.

— Эта теперешняя молодежь, — сказала Полл, — им подавай жизнь в подарочной упаковке. Не обращай на нее внимания, Дикки. Она все время на взводе. Думаю, это гормоны. По крайней мере, надеюсь, что ничего другого. — Она взглянула на него, подняв бровь.

«Да пошла ты!» — чуть не сказала я.

— Когда-нибудь я умру, — любит твердить Полл, — и тогда ты пожалеешь, деточка.

Ну уж нет. Я вывешу флаги. Я повяжу красный атласный бант на шею Уинстону, нагишом пущусь в пляс по всему Месенс-Парку и помещу объявление в праздничной колонке «Wigan Observer».

*У ней был злобный язычок,
Ей было что сказать.
Но нет ее, и я могу
Сначала жизнь начать.*

Памяти Полианны Миллер,
злобной стервы и раздражительницы собак.

Вечером, когда Полл ошупью выбралась из ванной, я записала в своем дневнике:

ЧТО Я ДОЛЖНА СДЕЛАТЬ В НОВОМ ГОДУ

В новом году я собираюсь:

1. Перестать есть (сбросить 10 кг ко Дню св. Валентина).
2. Сделать так, чтобы в школе все называли меня Кэт, а не Кэтрин — это звучит круче.
3. Постараться подружиться с Донной Френч. Обожаю, обожаю, обожаю!!!
4. Решить вопрос о Моем Будущем.

Потом я легла на кровать, обвешанную старыми отцовскими постерами с изображением Блонди, и попыталась выбросить из головы дурные

мысли, не дающие мне покоя, когда я вспоминаю об экзаменах. В конце концов я выключила свет и послала отцу воздушный поцелуй, как делаю каждый вечер. Может, это глупо, однако помогает.

Я живу в комнате с двумя мертвецами. Кроме отца в урне, что стоит на подоконнике, на дне платяного шкафа в черной с золотом банке покоится прабабушка Флоренс, мать Полл. Если честно, я никогда о ней и не вспоминаю, разве только когда ишу свои туфли.

Остальные члены семейства Полл похоронены на кладбище Бэнк Топ — покатою участке, с которого потихоньку сползают могильные камни вместе со стеной, предназначенной для их поддержания. Если взобраться на памятник жертвам войны, расположенный в центре кладбища, перед вами откроется неплохой вид, во всяком случае весьма обширный, на грязный городок Харроп, раскинувшийся внизу, с его заброшенной бумажной фабрикой и бездействующим локомотивным депо. Может, туда направляются обитатели кладбища? Меня, во всяком случае, туда не тянет.

Больше всего на свете мне бы хотелось быть такой, как все. Выбросить носочки и короткие платица и стать похожей на моих ровесниц, но это непросто с такой бабушкой, как у меня.

— Косметика? Для чего это тебе косметика? Ты испортишь кожу. А кончишь тем, что станешь выглядеть как клоун или проститутка, одно другого хуже. Нанести немного вазелина на лицо, вот все, что тебе нужно в твоём возрасте. Я была уже замужней женщиной, когда у меня появилась первая помада.

И все время у нас такая хрень.

Теперь, когда мне уже почти восемнадцать, до меня стало доходить, что на самом деле многое из убеждений Полл — беспросветный вздор. Например, утверждение, будто, зашивая на себе колготки, можно накликать страшное несчастье.

— Ты пришьешь страдания к своему сердцу, — вечно твердит она, — и пожалеешь об этом.

Она также считает, что мыть голову во время месячных чревато сумасшествием, а если положить перед сном около подушки помидор, это помогает от судорог.

Когда я была маленькая, то верила ей, а другие дети тоже считали меня чокнутой и не хотели дружить со мной. Кроме того, я не могла поймать брошенный мяч, школьный джемпер носила домашней вязки и на пуговицах, а не купленный в «Литтлвудсе». Я делала вид, что меня это не волнует.

— Не у всех есть мамы и папы, — повторяла я, когда они загоняли меня в угол, — моя семья — это мы с бабушкой.

— Да пошла ты, жирдяйка, — кричали они, — ты даже не зовешь ее бабушкой. С чего это?

— Она этого не любит.

— Она тебя не любит. Ты сдвинутая. Твоя мамаша прикончила твоего отца и сбежала! А ты психованная!

Потом они убегали, вопя и крутя пальцами у виска. А психованная сидела, притаившись за мусорными ящиками, а потом шла на урок и ошивалась возле учительницы, пока не звонил звонок.

Проблема Бэнк Топ в том, что здесь все про всех знают.

Полл не любит, когда люди ее жалеют — что очень кстати, потому что ее мало кто жалеет. Она настолько слепа, насколько ей это удобно: сегодня вы почти не замечаете, что у нее не все в порядке со зрением, а завтра она уже прикована к постели.

— Как будто кружок черной бумаги приклеен на твое глазное яблоко, — говорит она. — Когда я сейчас смотрю тебе в лицо, то вижу только пустое пространство.

Тем не менее периферическое зрение у нее работает, так что бесполезно при ней делать что-то исподтишка.

Чиновник службы социального обеспечения любит оставаться непобежденным.

— Вообще-то мы предпочитаем термин «частично зрячий», — говорит он, когда Полл приходит на переаттестацию, чтобы получить ходунки, увеличительные линзы или телефон с большими кнопками. Не то чтобы она особенно нуждается во всех этих приспособлениях, поскольку у нее есть я. Я — ее двуногая собака-поводырь...

Когда она только начала терять зрение, ей дали буклет «Как успешно преодолеть возрастную дегенерацию свойств роговицы». В нем полно полезных советов для людей с разумным отношением к жизни:

Используйте яркое освещение во всем доме, особенно на лестнице.

Полл говорит:

— Если ты думаешь, что я собираюсь повесить еще один светильник, ты глубоко заблуждаешься. Не нужен мне в доме прожектор!

При этом наши розетки нагружены до предела, и у нас девять настольных ламп только в гостиной.

Четко и ясно скажите окружающим, в чем вы нуждаетесь.

Здесь никаких проблем. Об этом я слышу целыми днями с утра до вечера. Я хожу в магазин, готовлю, убираю, стираю, глажу, чищу ее одежду каждый вечер и подаю ей капли для глаз. Ей не нужны глазные капли, ее вдохновляет сам факт. Ей нужны диетические пищевые добавки, но их-то она как раз не принимает.

Если вам требуется помощь, используйте вашу трость для привлечения внимания.

Еще ее можно использовать в качестве оружия. Зрение, у нее, конечно, не того, но она преспокойно определяет, куда ею ударить, чтобы было больнее.

Не заикливайтесь на своих проблемах. Относитесь к ухудшению зрения как к испытанию, которое вам нужно преодолеть.

Если честно, она не испытывает особой жалости к себе. Злоба, мелочность, упрямство — вот от чего бы ей полечиться.

Подружитесь со своими соседями; организуйте вокруг себя сообщество.

Ну не знаю, можно ли считать сообществом Дикки-собачника, хотя он постоянно торчит в нашем доме. Полл его обожает, потому что он всегда подробно сообщает ей, какое барахло принес с рынка: подпорченные овощи, бракованные рулоны туалетной бумаги, жирнящую грудинку. И еще они подолгу болтают и сплетничают на кух-

не, а Вульфи в это время лежит, развальясь, на ирисах и пытается сжевать собственную лапу.

— Вы знаете ту женщину, которая живет позади Нетти Фолд, она еще шила свадебное платье для дочери Мэгги?

— Да, и что?

— Она медиум.

— Какой-такой медиум?

— Она разговаривает с духами.

— А, ну да. Работа по совместительству?

— Что-то вроде. Мэгги сказала, что она беспрестанно сообщает ей о всяких предстоящих событиях.

— То есть она может предсказывать будущее?

— Мэгги говорит, что может.

— Правда жалко, что она не рассказала директору школы, что жених соблазнит и бросит его дочь?

Я никогда не обращала особого внимания на Дикки-собачника, хотя поначалу он казался мне забавным. Он появился у нас в доме, когда мне было около пяти. Постучал в дверь и предложил нам песок, который где-то нашел.

— Сделаете песочницу для малышки, — сказал он.

— Хорошо, вот вы и сделайте, — неожиданно сказала Полл.

Подарок доставлял мне одни неприятности. Я все время ходила с желтыми от песка руками, а окрестные кошки прямо-таки облюбовали песочную кучу. Однако Дикки все-таки втерся в нашу жизнь. Он знал кучу шуток и умел показывать фокусы со спичками. Иногда я бродила по полям вместе с ним, Вульфи и другими собаками, которые

тогда у него были. Весной он помогал мне ловить головастика, которые пару недель стояли в банке на кухне, а потом Полл выбрасывала их, выливая на них расплавленный жир или хлорку. Осенью Собачник любил находить грибы и колошматить по ним палкой:

— Это мухомор, вот это что! С этого мерзавца мы и начнем.

Я ясно помню, как он сидит на ступеньках крыльца, а на рукав его пальто уселась бабочка-адмирал.

— Посмотри на нее, — говорит он, глядя, как она раскрывает крылышки и выпускает язычок, — чудо природы. Ой, улетела.

Но больше всего он любил подбирать порно-журналы, которые валялись около стоянок грузовиков. Долгое время я думала, что он просто убирает мусор.

Достигнув половой зрелости, я разглядела в Собачнике того, кем он был на самом деле, — грязного старикашку. Я видела, как он смотрит на мою грудь и облизывается. С тех пор, как мне стукнуло четырнадцать, стоило мне простудиться, и он немедленно предлагал растереть мою грудь «Виксом».

А прошлым летом вообще случилось ужасное.

Я вышла из библиотеки и увидела Собачника, сидящего на скамейке и разговаривающего с кем-то по своему мобильнику. Он сидел ко мне спиной и не знал, что я слышу его разговор. Вульфи замахал хвостом, приветствуя меня, но Собачник этого не замечал. Он был поглощен разговором.

— Ты же меня знаешь, — говорил он, — мне нравятся большие... Ну да, сиськи почти не прикрыты,

всё наружу. — Его плечи затряслись от смеха. — Она меня не видела. Ну да, такие здоровые. С черного хода, через кухонное окно. Эй, да ну тебя, я же не виноват, что она щеголяет без лифчика. Я просто невинно стоял себе у задней двери.

Пока он хихикал в трубку, я вспомнила субботнее утро, когда я в полдевятого спустилась на минуту, чтобы открыть дверь Уинстону. Я не успела одеться, но с Уинстоном нельзя мешкать, потому что его мочевой пузырь очень старый и ненадежный. Буквально минут через десять Собачник возник у задней двери с радостным известием, что у Лидла продают очень дешевые телевизоры, не хотим ли мы, чтобы он добыл для нас один. Мне он показался странно возбужденным, но я отнесла это за счет необычайно низкой цены телевизоров.

С тех пор я старалась держаться от него подальше. Но это непросто. Ведь он фактически живет в нашем доме. Как же, лучший друг Полл.

Собачник здесь не единственный извращенец. Я увидела пенис, когда мне было всего восемь. Один престарелый господин остановил меня на улице около аптеки Флакстона и попросил помочь достать его щенка из сточной канавы.

— Бедный щенок, он так скулит. Как тебя зовут, милая? Кэтрин? У тебя сильные руки, Кэтрин, ты сможешь достать его, ухватив за шкуру.

— Я в школу опоздаю, — сказала я.

Потому что все это звучало подозрительно.

Но он взял меня за руку и потащил во двор за магазином — грязное обнесенное стеной пространство, заваленное мешками с мусором и

картонными коробками, где в углу виднелась канавка.

Я стояла, напрягая слух, чтобы услышать скулеж попавшей в беду собаки. Он велел мне опуститься на четвереньки и приложить лицо к трубе.

— Позови его по имени. Ну, давай же.

И вот я стою на четвереньках, кричу: «Бивер, Бивер!» — и таращусь в темноту, пытаюсь уловить звуки барахтанья и царапанья маленьких коготков. Не услышав ничего похожего, я повернула голову, чтобы спросить его, что делать дальше и, мать твою, увидела во всей красе его прибор, который он успел выставить наружу. Он торчал из его шинки, как будто ошипанный цыпленок головой вперед.

— Поздоровайся с моим мальчиком, Кэтрин. — Он, облизываясь, смотрел на меня.

Я вылетела из этого двора, как бильярдный шар из лузы. До сих пор спокойно не могу входить в лавку мясника.

С ревом я помчалась прямо домой, и Полл никогда не была так мила со мной, как в тот раз. Она приготовила мне горячий шоколад и достала кусок бисквита, и еще мы на пару умяли целую кучу ломаного кит-ката, который принес Собачник. Она даже разрешила мне в тот день не ходить в школу, что было самой большой удачей.

— Я тебе все время твержу, что мир вокруг очень опасен, — сказала Полл, жуя вафлю, — давай по такому случаю откроем пачку печенья с джемом.

Одно время нам кто-то постоянно звонил и молчал в трубку. «Алло, кто это? Кто это?» В трубке

была тишина, внушавшая мне непонятный страх. Несколько недель спустя оттуда стали доноситься грязные ругательства. Я сама не слышала, но Полл повторяла мне кое-что, в основном про нижнее белье. Она не отличается особой щепетильностью, бесчувственная старушка Полл, но это здорово ее раздражало. Ее теперь всю трясло, когда звонил телефон. Иногда она говорила: «Не снимай трубку!» Я так и делала. Но как-то раз она сама ее схватила и вдруг побелела, как простыня. Она поднесла трубку к моему рту, но прежде ладонью прикрыла микрофон и велела мне крикнуть: «Отстань от нас и живи спокойно!» Обалденно. Самый волнительный момент в моей жизни. И что удивительно — звонки прекратились.

Так что наша деревушка Бэнк Топ представляет собой копию большого мира, разве что там, снаружи, еще хуже, там живут серийные убийцы и взрываются дома, люди страдают от голода и сибирской язвы.

— Грустно жить на свете, — сказала за обедом на прошлой неделе Мэгги, партнерша Полл по бинго, — наши сверстники мрут, как мухи. В прошлом месяце я побывала на трех похоронах. А на той неделе умерла Мэй Пауэлл, об этом писали в газете.

— Мэй Пауэлл? Это та, с которой мы учились в школе? — Полл оторвала взгляд от тарелки с супом.

— Именно. Дочка владельца похоронного бюро. В школе она была страшной воображалой, помнишь? Нет, я совсем не желала ей смерти. Кто-нибудь хочет эту последнюю булочку?

Полл пододвинула к ней блюдо.

— Она любила повторять, что, если она будет лениться, отец положит ее в один из своих гробов и заколотит крышку.

Собачник подавился чаем, как будто это была самая остроумная шутка, которую он когда-либо слышал.

— А теперь они могут даже пойти пожаловаться на родителей в социальную службу. — Полл безнадежно покачала головой. — Теперь вообще нельзя наказывать собственного ребенка, потому что кто-нибудь обязательно сунет в эти дела свой нос. И они еще удивляются, почему дети стали такими неуправляемыми. В наши дни у родителей был авторитет. И это не приносило детям вреда, не так ли?

— Нет, — сказала Мэгги, — конечно, не приносило.

— И как же умерла Мэй?

— Она покончила с собой.

— Моя жизнь тоже настоящая трагедия, — вдруг встрепенулся Собачник, — страшное дело. — Он вытащил носовой платок и стал прочищать нос, издавая трубные звуки.

— Неужели, мой дорогой?

— Ей-богу. — Он утер глаза. — Я так рано потерял отца. Несчастный случай.

Мэгги с удивлением взглянула на Полл.

— Как это произошло, Дикки?

— Это было ужасно. Ведь он работал на пивоваренном заводе, вы, наверно, в курсе?

— Нет, откуда нам знать?

— Так он там работал. Отвечал за цистерну. И вот, большая лопасть, предназначенная для раз-

мешивания, почему-то застряла, а он полез посмотреть, что случилось. И упал в цистерну.

Полл поднесла ладонь ко рту.

— Ох, Дикки. Я об этом ничего не знала.

Собачник печально кивнул:

— Моя мать чуть с ума не сошла. Она спросила старшего мастера: «Он хотя бы не мучился перед смертью?» И тот ответил: «Почти нет, только три раза вылезал, чтобы сходить в туалет».

— Ох, Дикки, — захихикала Полл, — все время ты несешь невесть что.

Говорю вам, иногда у нас в доме бывает весело.

Судя по всему, наибольшей опасности члены нашего семейства начинают подвергаться, перешагнув рубеж совершеннолетия. Ключ от двери и удары судьбы мы получаем в один и тот же день.

Через неделю после своего двадцать первого дня рождения отец Полл потерял руку по самый локоть вследствие несчастного случая на работе. Сохранилось фото добродушного вида мужчины с запавшими глазами и пустым рукавом, заправленным в карман. Имеющейся рукой он опирается на маленький столик, а в кулаке зажата свернутая в трубку бумага.

— Это его свидетельство на изобретение в области текстильной промышленности, — торжественно заявляет Полл, как будто речь идет о Нобелевской премии.

Следующим по списку идет Роджер, мой отец. В восемнадцать лет он разбился вдребезги в машине, подаренной ему на день рождения, — ярко-красном «Mini Metro Vanden Plas». Мы все знаем, кто был тому виной. (То есть доподлинно ничего не

известно, но почти наверняка это была моя несчастная сумасшедшая мать, с которой случился приступ безумия: она перехватила у него руль как раз в тот момент, когда навстречу мчался огромный грузовик. Имеется также мнение, что, если бы моему отцу не подарили эту машину по инициативе Винса, катастрофы вообще бы не случилось.) Так что автомобили тоже смертельно опасны, и я никогда, никогда не буду брать уроков вождения, ведь я обязательно или сама разобьюсь, или задавлю какого-нибудь беднягу. От дороги вообще лучше держаться подальше (Полл видела однажды, как автобус, следовавший из Селнека, сбил мальчишку, который шел в школу).

Жениха Кисси, тетки Полл, убили на войне за две недели до ее совершеннолетия, она и ее сестра как раз разрезали старые простыни на длинные узкие ленты для госпиталя, когда пришла телеграмма. Теперь ей за восемьдесят, и с тех пор у нее никогда не было возлюбленного.

Сама Полл преодолела совершеннолетие невредимой, но только потому, как она считает, что ее спасло предчувствие. С настораживающей регулярностью ей снилось, как ее выбрасывает на скалистый берег огромной волной, которая едва ее не поглотила. Она нанесла визит ясновидящей в Блекпуле, которая подтвердила ее опасения, и с тех пор она жила с твердым убеждением, что должна держаться подальше от воды, дабы обмануть судьбу.

А посему, находясь на пороге восемнадцатилетия и будучи избавленной от всяких полезных снов о том, как избежать несчастного случая, мне сле-

дует серьезно озаботиться этим вопросом. При желании я могла бы уехать из Бэнк Топ, в общем-то мне есть куда податься. Но стоит ли? Может, судьба приготовила мне какую-нибудь подлянку. По ночам я лежу в темноте без сна, охваченная страхом, до причины которого никак не могу докопаться.

Не знаю, что хуже — страх или скука.

Как ни странно, но Полл почему-то решила, что умрет в этом году. «Мне уже трижды по двадцать и десять. Теперь я живу взаймы».

Ну ладно. Нужно честно играть в свою игру. Что-нибудь придумаем.

Бывают ночи, когда я просыпаюсь, увидев ее во сне. Может, в эти самые минуты я тоже снюсь ей. Но сны не приносят радости. Я всегда плачу. Иногда я измазана кровью. Однажды мне приснилось, что я держу мешок с головой ее отца и никак не могу выпустить его из рук.

Я физически ощущаю необходимость дать ей знать о себе. Я постоянно борюсь с собой. Но мне нет места в ее жизни. Я ей не нужна. Я призрак.

Глава вторая

Что мне действительно хотелось получить на мое восемнадцатилетие:

- маму с папой,
- менее дурацкий тембр голоса,
- уверенность в себе,
- маленький зад, как у Кортни Кокс.

Я больше не жду вестей от матери, я перестала ждать с четырнадцати лет, хотя прилагаю серьезное усилие, чтобы не ждать. Это говорит о моем взрослении, ведь Полл все еще ждет вестей от моего отца, который умер в 1984 году.

Когда я спустилась в гостиную, на столе лежало семь открыток.

Поздравление с восемнадцатилетием от Полл и Уинстона. На обложке изображение яхты — рисунок, который явно предназначался мужской особи, хотя, принимая во внимание зрение Полл, мне, наверное, надо было радоваться, что я не получила открытку «Выражаем глубокое соболезнование». Подарок был прикреплен к обратной стороне открытки с помощью клейкой ленты: два

пакетика с утягивающими колготками, на первый взгляд ден на сорок.

— Надо же, теперь тебе восемнадцать, — вздохнула Полл.

Заставить ее признать мой реальный возраст — это само по себе уже победа. В закоснелом мире Полл долго царили пятидесятые, а я последние семь лет оставалась для нее одиннадцатилетней. У меня есть одно выходное ситцевое платье, сшитое как мешок, в котором вырезаны дырки для рук, все остальное время я ношу юбки-трапеции из полиэстера и трикотажный свитер, купленный в уцененке. На ногах гольфы защитного цвета, я все время их подтягиваю вверх, повыше колен, чтобы они выглядели, как колготки. Летом их сменяют белые носки, что еще хуже, потому что у меня икры, как у игрока в регби — круглые и волосатые. Ночами, когда не могу уснуть, я сажусь и начинаю отхватывать самые толстые волоски маникюрными ножницами, но они потом вырастают чуть ли не в два раза толще. У меня даже есть волос на животе и два на правом соске. Уродина. Порой мне кажется, что я слишком отвратительна, чтобы жить.

Я просила Полл купить мне колготки с тех пор, как пошла в шестой класс.

— Зачем они тебе? — сказала Полл, когда я впервые подняла этот вопрос. — От твоих длинных ногтей на них через пять минут поползут стрелки. Ты думаешь, что у меня денег куры не клюют?

Я едва удержалась от того, чтобы не сказать, что у нее куры не клюют в банке тараканов.

«Желаем круто провести день рождения» — на открытке номер два был изображен пес, похожий

на Уинстона, в шляпе для пикника и солнечных очках. Тетя Кисси жутко любит все такое. Если бы вы видели стены в ее комнате в пансионе — сплошные собачки и кошечки во всевозможных нарядах. И, кстати, ни одного ребенка. Тошниловка, хотя и грустно, если подумать.

«С днем рождения, детка!» — открытка от Собачника была явно куплена на рынке, с нее на меня уставилась карикатурная блондинка с талией Барби в оранжевом мини-платье.

«Это твой день». — Мэгги оставила открытку с прикрепленным к ней пластиковым золотым ключом.

— Ей в следующий вторник надо быть в суде, — напомнила мне Полл, — как мило, что она про тебя помнит.

«Через много миль посылаю тебе лучшие пожелания. Я с тобой». — Изысканная открытка пратети Джин, тисненная, с шелковой кисточкой.

— «У нас появилась очаровательная внучка, маленький Стрелец», — прочла я вслух.

— Я уже читала, — Полл указала на свое увеличительное стекло, прислоненное к каминным часам, — знаешь, как ее назвали? Федя Луиза. Чего только не взбредет в голову этим австралийцам.

Ребенка вообще-то назвали Фея Луиза, но я решила не спорить. Джин никогда не забывает про мой день рождения, несмотря на то, что она перебралась в другое полушарие еще до моего появления на свет. Слишком хороша для нас, как говорит Полл. Мне довелось видеть старое фото с изображением маленькой пухлой девочки в джемпере, ситцевом платьишке и сандалиях, сидящей на ка-

менной ограде и кормящей зябликов. «Инвернесс, 1947», — написано на обратной стороне. У маленькой Джин улыбающееся личико, и она совсем не выглядит высокомерной.

«Поздравляю с днем рождения! Есть надежда, что будет тема о трагических героинях!» — Ребекка — моя-единственная-школьная-подруга — явно опасалась, что я забуду о сочинении на следующей неделе. Совершенно напрасно, я и так время от времени чуть не лезла на стенку от страха.

«Поздравляем с совершеннолетием» — открытка с изображением Бронте от мисс Мегеры и мисс Мыши из библиотеки. Я была тронута. Кисси и Полл добавили деньги к своим поздравлениям, хотя я знала, что они тут же будут переведены на мой счет. Только моргни — они проплывут мимо. Собачник подарил коричневый бумажный пакетик с парой «золотых» сережек в форме сердечка, хотя мне категорически запрещено прокалывать уши, поскольку я могу получить заражение крови и умереть. Имелись также набор ручек от Мэгги и книга в подарок от библиотекаря.

Но самый лучший подарок ждал меня на крыльце.

Я убрала обрывки оберточной бумаги и пошла в прихожую за курткой.

— Если ты собираешься выйти, возьми собаку. Она уже еле терпит! — заорала Полл из гостиной, где она стояла, задрав юбку и грея ноги у газового камина.

Я застегнула молнию на куртке, прицепила поводок Уинстона к ошейнику, открыла дверь и чуть не растянулась, споткнувшись о черную сумку, стоявшую на ступеньках.

— Ты надела шарф? — Это снова Полл. — Не забудь про шапку и пододень что-нибудь теплое. Тебя может продуть.

— Неплохая мысль, — сказала я, а сама лихорадочно соображала, что делать, заметив приклеенный сбоку конверт: «Для Кэтрин. Секретный сюрприз ко дню рождения». — Я надену свой серый джемпер. Погоди, Уинстон.

Я схватила сумку за ручки и закрыла дверь перед мордой Уинстона. Потом взбежала по лестнице, пока Полл меня не заметила, и бросила сумку на кровать. Я разорвала полиэтилен и в изумлении застыла на месте.

Шмотки. Не какое-нибудь дешевое барахло. Судя по запаху, свежевыстиранное, один или два предмета даже на плечиках. Я вытащила блузку темно-бордового цвета с фигурным вырезом и серебряными рюшками на рукавах. Сзади болталась этикетка: XL. С бьющимся сердцем я распахнула дверцу платяного шкафа, чтобы увидеть себя во весь рост в зеркале, и приложила к себе шелковую ткань. Выглядело офигительно. На меня смотрела какая-то другая девушка.

Я осторожно положила блузку на кровать и вытащила из сумки пару широких брюк. Они составляли что-то вроде костюма, который можно надеть, ну, не знаю, на какой-нибудь торжественный вечер или роскошный обед. Под ними лежала красная бархатная блузка в талию — но какая! Я однажды видела похожую на рекламном плакате «Мулен Руж». Это было не совсем нижнее белье, скорее топ для вечеринки. (Вечеринки, на какой, конечно, мне еще не доводилось бывать.)

Затем я вытащила черную обтягивающую юбку, очень длинную и очень соблазнительную. И, наконец, там был обалденно сексуальный фиолетовый свитер с v-образным вырезом как раз моего размера. К тому времени, когда сумка опустела, я была вся потная от волнения, и мои пальцы оставляли влажные следы на записке, которую я перечитала и перевернула, чтобы проверить, нет ли чего на обратной стороне. Конверт был заклеен, но, когда я разорвала его, внутри оказалось пусто.

— Ты идешь или нет? — завопила Полл. — Собака сейчас наделает на ковер. Я думала, ты только наденешь кардиган. Ты его уже связать могла за это время!

Послышалось сопение, свидетельствовавшее о том, что Уинстон пытается взобраться вверх по лестнице, и приступ кашля, когда Полл стащила его вниз.

— Иду! — пробормотала я и сгрэбла одежду в кучу. Я бросила ее в самый дальний угол платяного шкафа и закрыла дверцы. Разберу позже. Полл ждала внизу, у столба винтовой лестницы.

— И где же твой джемпер после всего этого? Ты что, издеваешься?

Я что-то пробормотала и резко развернулась.

— Ты производишь много шума, — проворчала она мне вслед, когда я стремглав сбегала вниз.

Мы уже выходили за дверь, когда я испытала второй шок за этот день, столкнувшись нос к носу с Собачником.

Я постаралась проскочить мимо, но он преградил мне дорогу, растопырив руки.

— Кошелек или жизнь! — радостно воскликнул он.

«Да пошел ты», — мысленно ответила я и оттолкнула его. Но он продолжал ухмыляться.

— Кошелек или жизнь! — заорал он в дверь гостиной.

Полл вышла на порог с поднятыми вверх руками.

— Жизнь, только жизнь.

Собачник сделал вид, что выстрелил в нее, и они оба расхохотались.

— Я принес пару баллончиков геля для ванной, — услышала я его голос, — больших. Нашел возле муниципалитета. В них нет давления, зато почти полные. Бьюсь об заклад, гель можно оттуда извлечь, если нож засунуть. — Он повысил голос: — У меня есть кое-что и для Кэтрин.

— Подожди! — крикнула мне Полл, но я была уже у ворот и не собиралась останавливаться. — Дикки принес тебе чудесный календарь с видами Стрэтфорда и шекспировских мест. Разве ты не хочешь поблагодарить его?

Я и не глядя знала, что календарь за прошлый год.

— Пошевеливайся! — сказала я замешкавшейся собаке.

Мы медленно взбирались по склону горы к главной дороге. Я представила всю свою новую одежду на движущихся по кругу вешалках и как я восхищаюсь каждым предметом, когда он приближается ко мне. Не то чтобы я собиралась носить эти вещи. Если я пройду по деревне в ярко-красной блузке в обтяжку, у Полл может случиться

сердечный приступ. Санитары найдут ее на полу в гостиной, в отчаянии цепляющейся за мой серый кардиган.

«Все началось с этих колготок», — тихо промолвит она, отходя в мир иной.

Кто, во имя всего святого, мог принести мне такой подарок? Я потянула Уинстона за поводок и снова мысленно открыла входную дверь. Вот он где был, мой подарок, лежал на коврик. Может, кто-нибудь из соседей что-то видел? А может, его и принес кто-то из соседей? Вряд ли, потому что Полл рассорилась со всеми, и я уверена, что они считают меня темной девицей. Если кто из них заговаривает со мной, то произносит слова ме-е-едленно, будто беседует с умственно отсталой.

Может, это Мэгги? Но у нее нет денег, и это не в ее манере. Кроме того, она подарила мне набор ручек. Если судить по времени, то это мог сделать Собачник, но если бы это был он, то уровень его компетентности неизмеримо вырос. Два года назад он послал мне «валентинку», напечатав поздравление внутри конверта. Я немедленно выбросила его в мусорное ведро.

Взобравшись на Броу, мы повернули на главную улицу, которая непременно есть в каждой деревне. «Являя собой пример ленточной застройки, — как написала я в своей работе по географии, — Бэнк Топ возник вокруг горнодобывающего и хлопчатобумажного производств, но сегодня это просто деревушка, примыкающая к городским кварталам». А это просто дорога, которая идет вдоль гребня длинного плоского холма. Спустишься с одной

стороны — и ты на пути в Болтон; спустишься с другой — и ты на дороге в Уиган.

Это замечательное историческое место, деревушка Бэнк Топ. Для генерала Юлия Агриколы она была удобным форпостом для слежки за бриттами, скрывавшимися в лесах вниз по склону. Перепутанные подданные Елизаветы зажгли здесь сигнальные огни, чтобы предупредить о приближении Армады, а Сэмюэль Кромптон совсем недалеко отсюда изобрел прядильный станок. Но время идет, и к началу третьего тысячелетия Бэнк Топ уже пережил свои лучшие годы. Конечно, это мило, когда местные газеты печатают фото очаровательных детишек, играющих на бульжной мостовой, но все мало-мальски живописное исчезло отсюда много лет назад. Ряды каменных коттеджей, построенных для ткачей, что работали на ручных станках георгианской эпохи, кормушка для лошадей у церкви, истертый временем трехсотлетний гранитный подъемник разрушены полвека назад. Самые старые здания, дожившие до наших дней, — это ряды викторианских домиков. Все остальное — послевоенная застройка с беспорядочными уродливыми вкраплениями шестидесятых годов. Молодежь Бэнк Топ стонет, что здесь совершенно нечего делать, разве что таскаться по пабам. (Я могла бы тоже пойти в паб, если бы захотела. Но я не хочу.) Выбор развлечений для молодежи невелик. Можно вечером спуститься к подножию Броу и поджечь ангар. Но это еще не самое плохое место, бывает и хуже. Здесь есть библиотека и кладбище, где я общаюсь с отцом.

Напротив кладбищенских ворот автобусная остановка. Мне всегда это казалось забавным.

Можно себе представить, как мертвецы стоят в очереди, ожидая автобуса до Болтона. Сегодня мне не повезло, потому что я встретила здесь приятельниц Полл, которым за семьдесят.

— Тихий ужас, ей-богу, они содрали всю гидроизоляцию с его крыши, когда его не было дома... Ой, здравствуй, дорогая. С днем рождения, девочка. У меня для тебя открытка. — Это миссис Бэтли, почти до носа укутанная от холода. Порывшись в сумке, она выудила оттуда розовато-лиловый конверт и, черт возьми, упаковку шоколадных «Smarties». Она явно думает, что сегодня мне исполнилось шесть лет. — Вот, возьми, дорогая. Как поживает бабушка?

Я опустила голову и посмотрела на них через упавшие на глаза волосы.

— Спасибо, хорошо. — Сунув «Smarties» в карман, я поспешила прочь.

— Дорогая, спроси ее, пожалуйста, получила ли она уведомление на пособие по отоплению! — Это миссис Трелфолл (хорошее дорогое пальто, меховая шляпка, не какой-нибудь теплый шарф). — Потому что мы все должны получать его, а если вы нет, вам следует позвонить в управление...

Я что-то промямлила в ответ, протиснувшись через калитку и ступила на тропинку из гравия, ведущую к памятнику героям войны. Уинстон внезапно потянул поводок, бог знает, что он унюхал или увидел. За спиной я все еще слышала бормотание старушек. Бедная девочка, бедняжка Полл, она большой ребенок, просто стыд какой-то. Можно спорить на что угодно, они еще долго нас обсуждали. Ну и ладно. Все равно они умрут раньше, чем я.

Мы прошли по скрипящему гравию мимо часовни, потом я нагнулась и спустила Уинстона с поводка. Я уселась на ступеньки памятника, а собака, немного помешкав, исчезла за надгробиями.

Закинув голову, я уставилась в небо. Оно было зимним, ясным и синим, с летящими белыми облаками. Мои глаза исследовали пространство в поисках какой-нибудь весточки.

— Ты здесь, папа? — проговорила я вслух.

В тот самый миг по радио играли мелодию из «Страны фантазий». В тот самый миг, когда он вошел в меня.

Я смотрела, как Бакс Физз выиграл первое место на Евровидении, как девушки в финале сдернули юбки. Никогда не предполагала, что подобные сцены будут сопровождать мое грехопадение. Он сказал, что все будет okay, он повторял это все время, пока не перестал говорить вообще и не начал судорожно дергаться и покусывать меня за шею.

Он был умным, уже сдал несколько предметов «о»-уровня и ожидал самых высоких оценок по «а»-уровню. Он сказал, что все знает, что изучал женское тело и что в моем цикле имеется «окно», когда не может произойти оплодотворение. У него был учебник с диаграммой, мы открыли его на кровати после того, как он снял брюки.

Мама была в больнице, она медленно умирала, и мне не с кем было посоветоваться. Верь мне, сказал он, я без пяти минут доктор.

Глава первая

Отец мне оставил:

- свои постеры, долгоиграющие пластинки и кассеты,
- коллекцию галстуков,
- маникюрные щипчики, украшенные маленькой эмалевой скрипкой,
- несколько книжек по медицине, кучу научно-фантастических романов,
- золотое кольцо и соверен.

То есть он оставил их не мне, но Полл никогда не говорила, что мне нельзя их брать. Все остальное после автомобильной аварии она выбросила.

— Почему ты оставила его галстуки? — спросила я ее однажды, когда она была в относительно сносном настроении.

— Он так красиво носил их, — сказала она, а потом на час заперлась в ванной.

Никто из нас не может надеть это кольцо, ни Полл с ее распухшими суставами, ни я со своими связками сосисок вместо пальцев, так что оно жи-

вет в моей шкатулке для драгоценностей на бархатной подушечке.

От мамы осталась только одна фотография 6х4. Я нашла ее между страниц «Иллюстрированного курса биологии». Она лежала в разделе «Симбиоз», хотя я не думаю, что это имеет большое значение. Я оставила ее в книге, потому что там она в безопасности от Полл. Когда я впервые на нее наткнулась, мне было тринадцать, и я смотрела на нее каждый день.

Она блондинистая, пухленькая и юная, но ведь тогда ей было столько, сколько мне сейчас. Ее волосы схвачены в два хвостика, у нее голубые тени для век, черная футболка и цветастая юбка до колен. Ноги отрезаны краем фотографии, так что я не знаю, какие туфли ей нравились. Она сложила руки на большом животе (в котором нахожусь я) и прислонилась к капоту смертоносного «Метго». Я сказала бы, что она выглядит весьма счастливой. Совсем не похоже, что она собирается бросить своего ребенка.

Я не могу узнать дом позади нее. Это, конечно, не наш дом, потому что справа под окном я вижу маленькие восьмиугольные фонари. А у нас перед домом всегда были две панели цветного стекла, но, когда они начали барахлить, Полл велела Собачнику отвезти их на тележке на свалку, чтобы сэкономить на починке. Не сомневаюсь, что он продал их в утиль.

Фотографии отца найти легче. У Полл их десятки, от младенца до выпускника. Из очаровательного толстощекого малыша он постепенно превращается в по-настоящему красивого молодого чело-

века с темно-каштановыми волосами, зачесанными на лоб, и упрямым взглядом. Он напоминает мне рисунки в старых ежегодниках доктора Килдэра у тети Джин.

Я знаю, что отец, вернее, урна с тем, что от него осталось после кремирования, хранится в доме. Но почему-то я чувствую себя ближе к нему, когда прихожу на кладбище. Здесь так тихо, хорошо думается. Это самая высокая точка в деревне, а значит, она ближе всего к небу.

В тот год, когда меня в конце концов выперли из начальной школы, потому что нормальные дети от меня шарахались, я часто приходила сюда. Если бы меня не запирали в библиотеке, я все время проводила бы здесь. Тем летом, когда я была в отчаянии, отец послал мне свой поцелуй. Иные стали бы утверждать, что то были следы от самолетов, пересекшиеся друг с другом, но я-то знала, что это гигантский белый поцелуй, который он начертил для меня в небесном пространстве.

Поэтому я смотрю в небо в поисках посланий от него и иногда вижу их, а иногда нет. Обычно, если хорошо взглядеться, можно рассмотреть важное сообщение в скоплениях облаков. Я, например, уверена, что группа кучевых облаков поведала мне, что с Уинстоном все будет окей после операции, которую ему сделали шесть лет назад. А когда я ждала результатов экзаменов по грамматике и пришла сюда, убежденная, что провалилась, я вначале увидела плоский серый покров слоисто-дождевых облаков. Потом небо прояснилось, и тонкий луч солнечного света осветил Болтон. Я не знаю, сиял ли он именно по поводу моих экзаменов в средней

школе, но на следующий день пришло письмо, где мне предлагалось место в университете. Прошлой весной я была убеждена, что завалила экзамен по французскому, но «барашки» на небе расположились таким образом, что я получила «а».

Сегодня я опять увидела «барашки», составившие фантастический клубящийся спинной хребет прямо над моей головой, анатомически абсолютно идентичный, вплоть до количества позвонков и маленького копчика; это точно был знак от отца. Я решила, что позвоночник высотой в милю означает скорое разрешение проблем.

Для начала я послала к черту все диеты, потому что это ужасная чушь. Какие я только не испробовала! Ты становишься голодной и несчастной, потом легкой и бездумной, потом голодной как волк и неуправляемой, с жуткой головной болью, будто тебе в брови вонзили огромные скрепки. На этом диета заканчивается. Еда — это мое самое главное удовольствие, она даже опережает чтение; еда в нашем доме — не просто прием пищи. Это сладкая вина, толстозадый упрек и вызов, брошенный высокому содержанию натрия.

— Что происходит? Почему ты не доела чипсы? — спросила Полл, когда я в последний раз попыталась прибегнуть к самому простому способу: сократить количество съеденного.

— Я уже сыта.

— Сыта? Ты сыта? Да ты обычно съедаешь в два раза больше и вдобавок кусок пирога. И десерт.

— Я хочу потерять пару фунтов.

Полл раздраженно засучила рукава, потом нагнулась и стала собирать тарелки.

— Я тебе уже говорила — напрасно тратишь время. Твои размеры — это генетика. Причем со стороны матери. Нет способа изменить то, что есть. Ты просто родилась толстой.

— Люди не рождаются толстыми, — попыталась возразить я.

Она пошлепала по своему круглому животу.

— Нет, это неизбежно. Посмотри на меня. Ноги как палочки и огромное пузо. Это саутворкский живот. У Кисси такой же, все женщины по этой линии выглядят точно так же. У тебя гены Кэслов — ты крупная со всех сторон. Невозможно побороть наследственность. Скажи спасибо, что это всё, что она передала тебе. Ты могла вообще стать недееспособной. Ну, будешь ванильное мороженое?

Высоко надо мной позвоночник превратился в длинные, тонкие, как дымка, пальцы, пальцы духа, указывающие на юг. Я поднялась выше по ступенькам.

— Папа? Если ты все еще здесь, мне действительно нужна помощь. Насчет будущего. Можешь дать мне знак?

Я смотрела, как у меня изо рта шел пар, который тут же растворялся в воздухе. Вдалеке слабо затарахтел вертолет. В двух метрах от того места, где я стояла, вьюрок вспорхнул на ветку боярышника, покачался на ней и улетел.

В это мгновение появился Уинстон, держа в пасти какую-то гадость. Я нагнулась, чтобы вытащить ее, но он оказался проворнее. Отдернув голову, он заглотил свою добычу, давясь и сопя.

Возможно, он вернет ее позже, блеванув на ковер в гостиной.

— Ну-ка, псина, пошли домой, — проворчала я, — вечно ты все испортишь. Что за манера?

Я вспомнила про позвоночник, вернувшись домой. Орал телевизор. Стоя в прихожей и отстегивая поводок Уинстона, я сказала:

— Полл, я хочу, чтобы ты звала меня Кэт.

Я говорила громко, потому что это была наболевшая тема, и я хотела сразу дать понять, что больше шутить не намерена.

Хмурое лицо Полл возникло в дверном проеме.

— Ты хочешь, чтобы я звала тебя кошкой?

— Нет, — раздался голос Собачника позади нее, — не глупите. Она хочет, чтобы вы называли ее кэб.

Уинстон медленно потащился на свое место, и я повесила поводок. Побуждение насадить себя на один из крючков для пальто было почти непреодолимым. Вместо этого я сдернула с себя куртку и повесила ее так резко, что порвала ворот. К счастью, Полл этого не заметила.

— Войди и расскажи нам все по порядку, — сказала она.

— Ты можешь выключить телевизор?

— Я выключу звук, — сказал Собачник.

Хорошо бы выключить твой звук хоть ненадолго, подумала я.

— Так зачем тебе нужен кэб? — спросила Полл, ненавидевшая любые причуды.

Я тяжело опустилась на диван.

— Мне он не нужен. Забудь о кэбах. У меня есть к тебе просьба.

— Никаких домашних животных у нас больше не будет, если ты об этом. Потому что это неспра-

ведливо по отношению к Уинстону. А кошек я не люблю, они приносят в дом всякую падаль.

— Так точно. — Собачник кивнул своей щетинистой головой. — А иногда и всякую гадость, которая еще жива. Моя мать однажды подцепила паразитов от мыши, после того как ее Бруно принес беременную мышку, и она убежала в подпол. Я ей говорю: «А я думал, что кошкам полагается ловить мышей, а не разводить их». — Он замолчал и уставился на экран, где грудастая женщина в футболке что-то мастерила у верстака.

— Никаких кошек и никаких кэбов. Просто послушайте меня, ладно? На самом деле я хочу немного изменить свое имя.

— Зачем это? — Полл перенесла вес на одну ногу и начала махать другой, выставя на всеобщее обозрение свои панталоны. — Что плохого в твоём имени?

— Ничего.

— Так зачем же его менять?

— Ну, так проще.

— Что проще?

— Ну, Кэт — это короче, чем Кэтрин.

Они оба уставились на меня.

Полл медленно проговорила:

— Ты хочешь, чтобы мы звали тебя Кэт?

Я кивнула.

— Может, тебе еще привязать колокольчик на шею и ставить на кухне блюде с молоком? — Она захихикала, а вслед за ней и Собачник. — Кэт? Кошечка? Кстати, ты действительно напоминаешь животное. Но тогда лучше уж звать тебя бегемотом. Или слоном: Хочешь, будем звать тебя Слонни?

Я встала, чтобы отправиться в свою комнату, и по дороге хорошенько наступила Полл на ногу.

— Ооо, черт возьми, смотри, куда ступаешь! — завопила она.

— Киска, — отчетливо расслышала я шепот Собачника, поднимаясь по лестнице.

Этой ночью я не могла заснуть. Через стенку Полл спала крепким сном человека, у которого нет совести. После чая у нас произошла еще одна шумная ссора. Поводов было несколько. Во-первых, я уже месяц не навещала тетю Кисси. Во-вторых, вместо того, чтобы выслушать захватывающую историю об опасной болезни соседки дочери мясника, в выходные поевшей кальмаров, мне захотелось читать. Прежде чем она поднялась к себе, я как бы между прочим завела разговор о том, что хорошо бы купить мне что-нибудь из одежды, может, на деньги, подаренные ко дню рождения. Стоя на лестнице, она смерила меня взглядом.

— Да, ты немного пообносились, это правда. — Она нахмурилась. — Джемпер растянут, потому что не умеешь его носить и таскаешь в карманах бог знает что. Ладно, я посоветуюсь с Дикки. Он говорит, что ожидается привоз секонд-хенда от «Маркс & Спенсер» на следующей неделе в магазин Манвера. Манвер сказал ему, что Дикки может посмотреть все первым.

— И что же привезут?

— Не знаю. Трикотаж, должно быть. Обычно он продает именно его. — Она отвернулась и потащилась вверх по ступенькам. За ее спиной я высу-

нула язык. — В прошлый раз у него были симпатичные джемперы с вышивкой, помнишь? Но они были не твоего размера. Я попрошу Дикки сказать, когда их привезут снова.

— А нельзя мне иметь что-нибудь немного... немного более молодежное? Ну, я не знаю, например брючный костюм?

— Брючный костюм? — Она замедлила шаги и полуобернулась ко мне, схватившись за перила веснушчатой рукой. — Для чего тебе брючный костюм? Ты и так выглядишь громоздкой, как стена дома, причем задняя. Так что тебе лучше носить юбки. Брючный костюм! Может, тебе еще джинсы купить?! И как ты будешь во всем этом выглядеть? Надо знать, что тебе идет, а не подражать толпе.

Да, черт возьми, именно этого я и хочу, подумала я.

— Брюки «палаццо» вполне подходят полным.

— Брюки «палаццо»? Это что, такие длинные брюки, на края которых постоянно наступаешь и которые вечно пачкаются? У тебя их не будет, потому что ты их тут же разорвешь, а у меня нет денег на...

— Да нет, послушай, они просто широкие...

— Знаю, знаю, похожие брюки носят в армии и на них чуть не сто маленьких карманчиков во всяких удобных местах и складках...

— Да нет же, это просто широкие брюки...

— Ну да, они должны быть очень широкими, чтобы на тебя налезть...

Вот мерзавка! Мне захотелось заорать на нее, но я задохнулась на мгновение, как бывает в кошмарных снах.

— Ты никогда не позволяла мне носить то, что хочется, — с трудом выдавила я и бросилась из кухни.

— Тебе надо трезво смотреть на вещи, сколько можно повторять! — крикнула Полл мне вслед. — Ты не сможешь выйти на улицу в таких нарядах, если не хочешь, чтобы над тобой смеялись. Забыла, что случилось, когда ты надела обтягивающий трикотажный топ? Тогда ты была тоньше, чем сейчас. Помнишь, как ты плакала? А ведь я тебя предупреждала.

Пауза.

Чтоб тебе сдохнуть, старая ведьма. Прямо сейчас. Чтоб тебе потерять равновесие и трахнуть башкой о гладильную доску. Полежи тут немножко, вопя о помощи.

Скрип-скрип вверх по лестнице.

Я стояла в лунном свете и вся горела. В такие мгновения помогает, если изо всех сил нажать пальцами на собственный скальп. В один прекрасный день я надавлю так сильно, что пальцы вопьются в мозг.

Отдаленный звук льющейся воды в туалете. Гудение труб. Я представила отца, сидящего за кухонным столом и с сочувствием глядящего на меня.

— Это был не настоящий топ, вот почему все смеялись, — проговорила я, и он ободряюще взглянул на меня, как смотрит с одной из фотографий. — Полл заставила меня надеть под него теплую майку, хотя был июль. Она сказала: «Ты долго будешь на улице, когда вы пойдете смотреть зверей. Перестань хныкать. Когда я была маленькой, нас никуда не водили с классом».

Я представила себе, как папа улыбается. Он-то знал, какой она может быть.

В автобусе никто не сел рядом со мной, поэтому я открыла книжку и притворилась, что читаю, в то время как другие девочки угощали друг друга всякими вкусностями. Джули Берри перегнулась со своего места и болтала с Клер Гринхолф, которая сидела сзади, а миссис Киртлэн постоянно поворачивалась и орала на нее, чтобы она села как надо и пристегнула ремень. Все рисовали сердечки на окнах, а потом стирали их, болтали и веселились. Одна моя половинка очень хотела присоединиться к ним, но я уткнулась в книгу и делала вид, что настолько захвачена сюжетом, что мне нет дела до остальных.

— *Я и сам так делал,* — молча сказал папа.

— И тогда меня поразило, откуда люди знают, что им надевать? Потому что, когда я оглянулась вокруг, все девочки, казалось, были соучастницами одного великого заговора: у всех были одинаковые браслеты, две маленькие косички, спадающие на лицо, и подвернутые джинсы. Этого требовал этикет. И если я на следующее утро отваживалась появиться, имея в наличии хоть один из этих аксессуаров, оказывалось, что он вышел из моды вечером предыдущего дня.

— *Гораздо проще быть мужчиной,* — сказал папа.

— У всех девчонок были эти топы, даже у Салли Ральфс, которая была второй толстухой в классе и по правилам тоже должна была стать мишенью для насмешек. Теперь у нее появился бойфренд, я видела их на автобусной остановке перед Рождеством.

— У тебя тоже будет бойфренд.

— Не очень-то и хочется. От них одни неприятности. В общем, на полпути к зоопарку, когда мне было до смерти жарко, я подумала, что хорошо бы снять джемпер и обвязать его вокруг талии. Я подумала, что смогу так выйти из положения.

— Ты просто раньше начала развиваться, чем другие девочки, еще в десять. Наверное, они тебе завидуют.

— Нет, наверное, они просто решили подразнить меня. Еще это дурацкое теплое белье. Они так кричали и улюлюкали, что миссис Киртлен пришлось свистеть в свой свисток.

— Я бы с ними разобрался.

Я вообразила, как папа стучит кулаком по столу и хмурит брови.

Наверху в комнате Полл хлопнула дверь, и папа исчез. Я открыла стенной шкаф над раковиной, вынула коробку с хлопьями «Фростикс» и съела дюжину пригоршней. Лунный свет, проникая в окно, чертил на линолеуме серебристые параллелограммы. Я думала о больших руках Салли Ральф.

Когда всё в доме затихло и закончились сладости, я поднялась на цыпочках наверх, подошла к двери Полл и стала прислушиваться. Потом прокралась в свою комнату, подперла стулом ручку двери, как это делают в кино, и вытащила шуршащий полиэтиленовый пакет из глубины платяного шкафа.

Было так приятно снова достать всю эту одежду и рассматривать каждый предмет в деталях, как рождественский подарок. Свитер и юбка были явно новыми, потому что на них болтались ярлыки, и мне пришлось отрезать их щипчиками

для ногтей. Мне показалось, что блузку в обтяжку уже носили, потому что у нее на вороте был маленький черный бант, который немного обвис. Я просто отхватила его щипчиками, и вырез стал еще лучше.

Потом я приступила к примерке всех нарядов, одного за другим. Вещи выглядели просто фантастически. Моя глупая физиономия, торчавшая сверху, немного портила впечатление.

Я собрала в пучок свои длинные волосы, как это делает Эстер в «Холодном доме», когда смотрит в зеркало после ужасного несчастного случая, обезобразившего ее внешность. С любопытством разглядывая себя через падающие пряди волос, я подумала, что выгляжу не так уж плохо. Ну да, я большая, но пропорциональная, у меня есть талия и тело довольно упругое. У Полл руки тонкие, но нет никаких мускулов, и все болтается и свисает — довольно неприглядное зрелище. Некоторым мужчинам нравятся крупные девушки (например, Собачнику).

Я опьянела от возможных предположений. А вдруг у меня есть поклонник? Тайный влюбленный издали разглядел мои достоинства и оставил мне эту одежду в подарок. Интересно, какая обувь подошла бы к этим нарядам? Уж точно не те коричневые сандалии, которые на мне. Матери знают о таких вещах, но у меня ведь нет матери.

Мне так был нужен отец. Красивый, умный, сидящий на кровати; я его почти видела. С которым я могла поговорить о своих планах, своем отъезде, а он дал бы мне совет. Я хотела новой жизни, соответствующей этой одежде.

Почему вместо нормального живого отца у
меня есть только этот мертвец?

Я сунула в мешок для мусора простыни с пятнами
и выбросила их в соседний сад. Мама могла бы это
замечать, но я знала, что отец не видел. Кровь за кровь,
вот как это вышло.

Глава четвертая

— Я не могла заснуть всю ночь, — вздохнула Мэгги, бросая подсластитель в чай.

Полл покачала головой и кивнула:

— Я тоже. Совершенно не спалось. Два, три часа ночи. А я все думаю о готических элементах в «Джейн Эйр». До какой степени они помогают формировать повествовательную структуру?

— Мне не очень нравится окончание, — проговорила Мэгги.

— О, мне тоже. Возьми еще печенье. — Полл указала на тарелку.

— Спасибо. Меня раздражает религиозная параллель с историей Савла и отношение к искуплению грехов. Мне кажется, мораль здесь чересчур дидактична и слишком тесно связана с библейскими поучениями, что в конечном итоге ослабляет эмоциональный посыл произведения. Такой романтической писательнице, как Бронте, не следовало ограничивать художественную перспективу узкими рамками викторианского протестантизма. Эти два элемента диаметрально противоположны по определению.

— Дикки думает то же самое. — Полл поджала губы. — Он полагает, что это так же умно, как подавать к грудинке заварной крем.

— Он на удивление проницателен.

Когда Мэгги и Полл встречаются, они говорят о книгах, болезнях, добрых старых временах или уровне преступности. Они любят сидеть рядышком, уткнувшись в местную газету, и выбирать какие-нибудь жуткие сообщения о престарелых леди, которых прибили до бесчувствия за два пенни. Когда я нахожусь в комнате, то олицетворяю упадок общества или (если Полл в хорошем настроении) редкое приятное исключение из оного. Молодежь, какой она должна быть, если ее правильно воспитывать.

«Она замечательно разгадывает кроссворды, — гордо произносит Полл, — и всякие там головоломки».

Я молчу. В такой ситуации не стоит выказывать наличие интеллекта.

Иногда мы играем в слова на огромной разграфленной доске, но даже здесь мне обычно не везет. Если я начинаю побеждать, то это «неудивительно, ведь ты учишь английский. У меня никогда не было систематического образования». Если я проигрываю: «Как же это могло случиться, с твоими-то мозгами?» Между тем орфография Собачника — это что-то несусветное. Он пишет «цылиндер», «лошка», «лошадь». Когда я начинаю оспаривать эту чушь, он клянется, что это особенности местного диалекта, а Полл кричит, чтобы я перестала к нему придирааться.

Если бы жизнь была похожа на экзамены.

В реальной жизни, например, я почти всегда теряюсь в разговоре и испытываю ненависть к звучанию собственного нудного голоса. Кто-нибудь скажет: «Эй, привет, что новенького?» — и я робею, даже если это тот, кого я знаю, особенно если знаю. Я регулярно впадала в панику, когда миссис Трелфолл спрашивала, не встречаюсь ли я уже с кем-нибудь.

Я провела бог знает сколько времени, уставившись в пол и глупо улыбаясь. Но на бумаге я так же хорошо выражаю свои мысли, как и остальные. *(Миссис Трелфолл, ваш вопрос, заданный как бы между прочим, отчасти неуместен, поскольку вам следует знать, что я решила избегать ритуалов спаривания, присущих двадцать первому веку, в отличие от большинства моих сверстниц. В современной Британии женщины могут вести счастливую независимую жизнь, не обремененную ложными ожиданиями патриархального общества. Так что засуньте ваши вопросы себе в задницу.)*

Люди явно недооценивают экзамены как род особого спорта. Повышенный адреналин, непрерывная изоляция, упорядоченность экзаменационных переживаний — все это создает ощущение, будто школьный холл — это часть меня. Это удовольствие иного рода, чем то, которое я получаю от коробки шоколадных драже «Maltesers», но я классно себя чувствую, поскольку в это время могу плевать на все остальное. У меня десять А-звезд, кто бы догадался? Иногда они просвечивают на моем лбу в виде короны, но чаще всего составляют созвездие под названием «Увы и Ах».

Когда сдала последний экзамен по английской литературе, я почувствовала душевный подъем.

Я блестяще разобрала «Сыновей и любовников» Лоуренса, потому что являюсь настоящим экспертом по деструктивным отношениям и всяким несбывшимся надеждам. В разгар экзамена на мой листок приземлилась оса. Она решительно поползла к первому вопросу, на который я уже ответила, потом остановилась на мгновение, шевеля усиками, побродила по второму и отправилась в гости к Лисе Харгривз, сидевшей передо мной. У той, конечно, случился нервный припадок, потому что это была не ее оса. Это была моя оса, и она прилетела, чтобы сообщить мне, что я поступлю в Оксфорд. В конце концов подошла миссис Уиллс и прогнала ее экземпляром «Правил для поступающих».

Я выполнила задание за пять минут до конца, бегло перечла написанное, дрожа от возбуждения, потом, когда миссис Уиллс отошла дальше по проходу, вытащила из волос все заколки и встряхнула головой. Я чувствовала, что сейчас взлечу, как бумажный змей. Когда она сказала, что мы свободны, я натянула джемпер, схватила свой пластиковый пакет и почти бегом бросилась к двери. Ребекка догнала меня, и мы вышли из класса. Я думала только о булочках с беконом, которые ждут меня в столовой.

— Я совершенно не была готова к вопросу о Лоуренсе. В конце такую чушь написала, потому что не укладывалась во время. Я не успела даже перечитать, — тараторила она.

Мы обе знали, что это неправда. Просто так принято говорить по неписаному школьному кодексу.

— Я тоже, — проговорила я.

Мы спустились по каменным ступеням и проследовали мимо школьной галереи со всеми этими глянцевыми старостами и ученицами старших классов, а в самом нижнем ряду — десятком собак-поводырей в рамочках из серебряной фольги.

— Ты хотела бы, чтобы тебе вернули работу еще на час, чтобы привести все в порядок? — Ребекка оглянулась назад с убедительным выражением страстной тоски. Может, она действительно что-то напутала. — Какой вопрос по Харди тебе достался?

Теперь мы проходили по подземному коридору, ведущему к столовой. Короткие волосы Ребекки вздыбились над высоким лбом. Ее прямота иногда меня раздражает, хотя я знаю, что это глупо. И уж во всяком случае одевается она лучше, чем я. А если у нее нет достойного упоминаний бюста, то это недорогая плата за вполне приличный зад.

— Что-то о пейзаже, — я поморщилась, — «...разве мы не мухи, ползущие по огромной скатерти судьбы?»

— Повезло, ведь мы повторяли это в классе. Мне кажется, я правильно ответила на вопрос. — Она придержала дверь тонкой рукой, потом на лбу ее появилась морщинка. — Господи, хотя я ничего не знаю. Мне надо поговорить об этом с миссис Клеменс после обеда. Хочешь, пойдем вместе?

— Зачем? — Я нырнула вслед за ней в столовую; запах был будоражащим. — Все закончилось. Постарайся забыть об этом. — Я слегка подтолкнула ее в конец обеденной очереди, и мы встали у стены, в то время как семиклассницы толпились впере-

ди. — Послушай, пока не забыла. Мне надо тебе кое-что сказать. Я думаю изменить имя.

— Твое имя? — Ребекка посмотрела на меня, как на ненормальную. — Интересно, на какое?

— На Кэт. Я хочу, чтобы с этого момента меня звали Кэт.

— Зачем?

— Ну, мне так нравится. Я считаю, что оно мне больше подходит.

— Кэт?

— Ну да, — не сдавалась я, — разве ты никогда не хотела изменить свое имя? Бекки, Бекс, Бекхэм? Ну, ради смеха?

Ребекка помотала головой:

— Честно говоря, терпеть не могу, когда люди сокращают мое имя. Ну, хорошо, если ты действительно хочешь, чтобы я называла тебя Кэт, я постараюсь запомнить. — В ее голосе послышалось легкое неодобрение. — Кэт? Кэт! А что потом? Татуировки и легкие наркотики?

Очередь продвинулась вперед, и она стала вытаскивать деньги.

Внезапно в приступе паники я шлепнула себя по бокам.

— О, черт!

— Что случилось?

— Надо же, я ушла и оставила свой пояс с кошельком в экзаменационном классе.

Я точно знала, где он лежал. Я встала и вышла, а он остался на стуле. Еще один экзаменационный ритуал, который у меня есть, это снятие пояса с кошельком. Кроме всего прочего, он мешает, когда я наклоняюсь вперед.

— Ты имеешь в виду твой поясной кошелек? — Ребекка начала рыться в сумке. — У меня достаточно денег, если ты, конечно, просто хочешь перекусить. Я могу одолжить...

— Нет, все в порядке. Мне надо пойти и забрать его, я не могу его там оставить — вдруг кто-нибудь стащит.

На самом деле такое вряд ли могло произойти. Для начала в нем было едва ли больше двух фунтов, и, что более существенно, он ужасно выглядел. Племянница Мэгги сшила его для меня, когда мне исполнилось девять и когда школьный форменный пояс-кошелек — странный предмет туалета, носимый только по причине некоего социального абсурда, стал мне слишком тесен, даже застегнутый на самую последнюю дырочку. Дома по этому поводу случилась ссора. Полл сказала, что самое безопасное — это носить деньги при себе. Я спросила, а как насчет карманов, но она заметила, что я постоянно сую руки в карманы и проделываю в них дырки. Так что племянница Мэгги сшила этот огромный поясной кошелек темно-синего цвета, и с тех пор я вынуждена его носить. Он, конечно, уродливый, но удобный, хотя я скорее отрежу себе язык, чем признаюсь в этом Полл.

Пыхтя, я устремилась обратно по подземному коридору, а затем вверх по широкой лестнице. Я проскользнула во вращающиеся двери и остановилась как вкопанная. Подробности увиденной сцены глубоко запечатлелись в моей памяти.

В дальнем конце холла гигантские красные с золотом органные трубы вздымались асимметричными зигзагами к потолочным балкам. Перед ними

располагалась деревянная сцена с одинокой кафедрой, по обе стороны которой были устроены места для посетителей. За ними — ряды стульев с плетеными сиденьями, которые громко скрипели, когда на них садились.

Все это я прекрасно знала, видела раньше тысячу раз на собраниях и актовых днях, но без представшей передо мной совершенно невероятной картины.

Две девушки застыли, будто вставленные в раму высокого окна с каменной аркой по правую руку, где стулья сменялись рядами столов. Донна Френч, да, Донна Френч и Никки Хантер стояли, прижавшись друг к другу. Лицо к лицу, живот к животу, в положении, похожем на объятие, смеясь легким сдавленным смехом.

Они подпрыгнули от неожиданности при моем появлении и еще раз — когда дверь за моей спиной с шумом захлопнулась, но, как ни странно, не отодвинулись друг от друга.

— Ой! — вскрикнула Донна. На ее лице была смесь испуга и веселья.

Никки пронзительно взвизгнула и отвернулась к оконному стеклу. Донна убрала руки за спину и потупила глаза. Я видела, как они одновременно выгнули спины, и их тонкие тела извернулись в стороны в стиле произведений Ар-нуво, но я все еще не понимала. Потом раздался негромкий глухой стук, и мой поясной кошелек, обвивавший их талии, упал на деревянный пол.

Освободившись, девочки отпрянули друг от друга. Никки смущенно хихикала. Она все еще отворачивала от меня лицо, но я ясно могла видеть

ее отражение в зеркале. Ее глаза расширились от ужаса, а на лице застыла глупая ухмылка.

Я все еще неподвижно стояла на месте. Донна пошевелилась первая, нагнулась и подняла пояс. Никки восприняла это как сигнал, и со всех ног бросилась вон.

— Извини, — пробормотала Донна, протягивая мне пояс и сдерживая смех. Надо отдать ей должное — она хотя бы покраснела. — Я собиралась отдать его...

Мы обе услышали отдаленный смех Никки, после чего самообладание Донны улетучилось. Бросив пояс на ближайший стол, она выскользнула из холла. Громко хлопнула дверь, пояс соскользнул с лакированной поверхности пряжкой вперед, упал и свернулся в кольцо. Он лежал, как мертвая змея, и я его ненавидела.

Он впервые заговорил со мной за полгода до этого, под каштанами. День был похож на летний, хотя было совсем другое время года. Мы тогда учились в шестом и были королями игровых площадок и монархами песчаных карьеров. «Иди сюда, хочешь взглянуть?», — крикнул он, когда я проходила мимо, уставившись в книгу. Оторвав взгляд от страницы, я увидела его сидящим на спинке скамьи у памятника Вассерману. Огромные ботинки упирались в перекладину. Даже будучи в состоянии замешательства, я подумала, что кто-нибудь ведь может сесть сюда, на всю эту грязь, которую он развел.

Я нерешительно подошла. Может, он звал вовсе не меня.

— Что читаешь? — Он взял у меня книгу и взглянул на обложку. — «Парк Мэнсфилд»? Немного старовато. — Он прищурился и улыбнулся, хотя, как бы объяснить, это была скрытая улыбка. Я подумала: он смеется надо мной. — Читать, конечно, неплохо. Но ведь книга — еще не жизнь. А надо жить. Лови.

Я умудрилась поймать книгу за уголок, когда она падала, и прижала роман к груди. Я хотела защитить ее или, скорее — чтобы она защитила меня.

— Она мне нравится, — сказала я, запинаясь. Я не осмелилась сказать, что героиню зовут Фанни.

За его спиной конский каштан с глухим стуком упал на землю, но он даже не вздрогнул.

— Нет, — сказал он, — вот что должно нравиться. Смотри.

Он вытянул руку и показал мне коробочку конского каштана, зеленую, с коричневыми крапинками. Маленькие темные шипы врезались в его ладонь.

— Возьми.

Я осторожно взяла коробочку с его ладони. Какая-то шутка, наверное. Через полчаса он будет смеяться надо мной в компании своих приятелей.

— Открой ее. Ну же.

— Зачем?

Он вздохнул и взял ее у меня.

— Хорошо, я сам. — Он сдвинул края, и на зеленом фоне появилась темная трещина. Потом эта трещина раскрылась, как рот, и часть содержимого коробочки упала на траву. Своими длинными пальцами он раскрыл створки и положил их на ладонь левой руки. Каштан лежал в центре как драгоценная бусина. — Вот, смотри.

Я наклонилась вперед и увидела завихрения линий на его ладони и стыдливую обнаженность бледной кожи выше запястья. Она была гладкой и почти прозрачной. Когда я дотронулась до его ладони, то ощутила ее мягкость и тепло. Я отпрянула. У моей правой ноги с глухим стуком упал еще один каштан.

— Знаешь, что это такое?

Он положил фрагменты скорлупы на скамейку рядом со своими ботинками и стал перекачивать каштан между пальцами.

— Знаю, что когда-нибудь из него вырастет огромное дерево. — Я изо всех сил сжала в руках книгу. Похоже, я завалю этот экзамен.

— Да нет же! Как ты не видишь?

Я опустила голову, мечтая снова очутиться в библиотеке, где я писала свое эссе.

— Это новый сорт. Никто никогда не видел его раньше. Мы с тобой — первые, кто лицезреет этот каштан. — Он подбросил его высоко в воздух и ловко поймал двумя ладонями. — Он особенный, понимаешь?

— Да, конечно.

— Потрогай. — Он протянул мне одну из колючих коробочек, и я взяла ее более уверенно. — Только не снаружи, а внутри, вот эту белую штуку.

Мне пришлось положить «Парк Мэнсфилд» на подлокотник скамейки, чтобы сделать так, как он велел. Я взяла скорлупу и потрогала ее внутри, — она была очень мягкой. Совсем как шелк, вернее, как замша.

Он кивнул:

— Фантастика, правда?

Я протянула руку, чтобы отдать ему скорлупу каштана, но он быстро ударил снизу по моей ладони, скор-

лука улетела куда-то в ветки и исчезла. Мое сердце чуть не остановилось от неожиданности.

Он рассмеялся, глядя на мое растерянное лицо, и я рассмеялась вместе с ним.

— Как это тебе удастся, — спросила я, — сидеть под этим деревом, когда вокруг постоянно падают каштаны, но в тебя не попадают?

Он пощупал свою голову, потер пальцами макушку, потом усмехнулся:

— Как же они могут в меня попасть? Ведь я волшебник. Я заколдован.

Я тоже теперь заколдована, подумала я.

Глава пятая

День начался паршиво.

После завтрака появился Собачник. Выглядел он ужасно.

— Вульфи сдох, — объявил он и в изнеможении упал на диван.

Пришлось приготовить ему чашку чая в качестве успокоительного, хотя оказалось, что Вульфи присоединился к собачьим ангелам еще вчера вечером.

— Он повернулся и уставился на меня своими большими глазами, как будто говорил: «Я так больше не могу». — Подперев щеку рукой, Полл опустилась на стул. — Он еще стоял на ногах. Но я-то знал, что с ним неладно. И ветеринар сказал, что у него отказала печень, вот почему у него было такое зловонное дыхание, и было милосердием усыпить его.

На глазах Полл выступили слезы.

— Никто нас так не любит, как наши собаки, — вздохнула она.

— Ох, правда, — отозвался Собачник.

Я покинула сцену до того, как они совсем утонули в печали, чтобы не потерять последнее тер-

пение и не сказать Собачнику, что с тем же успехом надо усыплять людей со зловонным дыханием. Мне, наверное, следовало пожалеть этого бессобачного Собачника, но что-то не хотелось.

Я была слишком голодна. Облака в небе были похожи на комья картофельного пюре и густую сметану. К тому времени, как я добралась до Кисси, я ослабела от голода. Я готова была вырыть и съесть луковицы нарциссов у парадных ворот. Только мысль о пояском кошельке заставила меня пройти мимо автомата, продающего при входе чипсы.

— Так что они вставили катетер и выкачали две пинты черной... Я вас слушаю.

Меня знали служащие пансиона, но это была новая женщина. Стоячий воротничок, в ушах большие серьги с жемчугом.

— Я к Кисси Саутворт.

— Запишитесь в книгу посетителей, пожалуйста. — Она указала мне страницу.

Я взяла шариковую ручку на веревочке, которая болталась на уровне моего живота, и нацарапала свое имя, потом проверила, как обычно, были ли у Кисси какие-нибудь другие посетители после того, как я побывала у нее последний раз. Только ее бывшая парикмахерша, Эдит, ей, должно быть, сейчас около шестидесяти, и викарий. Интересно, есть ли у нее еще кто-нибудь?

Кроме трагически погибшего на войне жениха, имелась еще ее сестра, моя прабабушка Флоренс, урна с прахом которой хранится в моем платяном шкафу, — она умерла от удара более двадцати лет назад. Однорукий отец Полл, который приходился

бы Кисси зятем, умер от перитонита, кажется, в год коронации Елизаветы II, так что он тоже не считается. Из трех ее племянниц Мэри умерла в детстве, Джин жива и здорова, но живет в Австралии, а Полл сюда не затащишь, потому что они при встрече тут же начинают ссориться. Я иногда заглядываю в книгу посетителей, ища имя Винса, хотя в действительности и не ожидаю его увидеть.

Я с удовольствием посещаю Кисси. С ней, по крайней мере, можно поговорить, не впадая в гнев или замешательство. Я могу спокойно болтать с ней о Полл, имея в ее лице сочувственную слушательницу. Также она (вот это действительно глупо) верит, что у меня может быть своя жизнь. Если я могу посоветоваться с кем-нибудь (не умершим) по поводу того, чтобы жить отдельно от Полл, то только с Кисси.

Она сидела в гостиной у телевизора и смотрела «Технику акварельного письма» вместе с уродливой сморщенной женщиной.

— Он правильно сделал из этого собачий завтрак, — говорила Кисси, — вообще неизвестно, для чего это предназначалось.

Она заметила меня, и ее лицо просветлело.

— О, — сказала она, сжав мою руку, — Кэтрин пришла, как мило. Ты выглядишь прекрасно, дорогая. Пойдем ко мне.

Я помогла ей подняться, и она самодовольно улыбулась женщине, оставшейся в компании Ханы Гордон.

— Просто стыд, — прошептала она мне, — она вообще никто.

Я не поняла, что Кисси имеет в виду: эта женщина была никем раньше или она сейчас никто. А может, и то, и другое.

Мы медленно прошли по коридору к ее комнате и осторожно стали пробираться через ее коллекцию мягких игрушек.

— У меня прибавилось еще несколько с тех пор, как ты была здесь последний раз, — радостно проговорила она, — их приносит Эдит. А вон ту, розовую, я выиграла в лотерею для сердечников.

— А прислуга не ругается? В смысле они все очень милые. — Я взяла с кресла пару собачек и огляделась, куда бы их сунуть, потом незаметно ногой затолкала под кровать. — Когда так много всего, то, наверное, трудно убирать? Они не возражают?

— Думаю, нет. Они так добры ко мне. Нам здесь не разрешают иметь домашних животных. Когда доживешь до моих лет, тебе тоже нужен будет кто-нибудь, кого можно погладить. — Она погладила собачку, как будто та была живая, и я увидела, как пучок белого меха спланировал на пол. — Это мой новый пес. Я собираюсь назвать его Дьюлакс.

Он неуклюже свешивался у нее с руки, так что можно было подумать, что его сбила машина.

В дверь просунула голову кухарка Элли.

— Принести вам что-нибудь выпить? Я как раз собираюсь проехаться с тележкой.

Вид Элли всегда вызывал у меня дрожь. Когда я увидела ее впервые, то решила, что ей около пятидесяти, но как-то она стала рассказывать о себе, и я узнала, что она всего на десять лет старше меня. Да, ее кожу не изрезали морщины, а волосы с химичес-

кой завивкой не были седыми. Но она напоминала чудовище. Руки как гигантские окорока, сама она едва могла протиснуться в дверной проем. Такая жуткая фигура неизменно обращала на себя внимание, так что совершенно незнакомые люди на улице останавливались и глазели на нее. Мне следовало бы чувствовать к ней нечто вроде солидарности — толстухи, объединяйтесь! Но она была мне отвратительна. Вот что тебя ждет, говорил мне внутренний голос, когда на горизонте возникал ее силуэт.

— А вот и моя прекрасная няня, — сказала Кисси. — Нам, пожалуйста, два чая и по пирожному. Забудем о фигурах!

Элли плутовски подмигнула:

— Сейчас все будет готово.

Все здесь ее любили.

— Мне чай без сахара, — крикнула я в ее массивную спину.

Элли принесла нам чай и тяжелой походкой удалилась. Кисси повернула голову сначала вправо, потом влево, беззаботно болтая о пустяках, потом понизила голос:

— Как там твой тайный бойфренд?

Конспирация, чтоб ей пусто было.

— Положи сюда печенье, я его съем.

Я распахнула пластиковый пакет, и мой желудок заурчал, когда я почувствовала запах шоколада. (Представь, промчалось у меня в голове, представь, что оно уже у тебя во рту.)

— Мы поссорились, — сказала я решительно.

— Ах, милая! Какая жалость! Что случилось?

— Он слишком большой собственник. Мне нужна свобода. — Я вспомнила силуэт Донны в высоком

окне, и у меня кольнуло в сердце. — Он недостаточно уважает меня. — То есть он оказался не таким замечательным, как я думала.

Кисси нахмурилась и пригорюнилась.

— А что, Полл до сих пор ничего не знает? Это очень умно. — Она откусила печенье и задумчиво стала жевать. — Итак, вы поссорились. А ты не можешь с ним помириться?

— Нет. Некоторое время мне нужно побыть одной. У меня экзамены...

— Ну да, тебе следует сосредоточиться на занятиях, это верно. Почему ты не берешь пирожное?

— Я так плотно позавтракала (крошечная упаковка диетического йогурта, с которой я управилась за тридцать секунд), я оставлю его на потом. Кисси, скажи мне, а что, Полл действительно бедная? Я не о том, хватает ли ей на хлеб. Мне интересно, есть ли у нее сбережения? Или, может, старинные вещи, которые можно продать? Что-нибудь на черный день?

Кисси вытерла салфеткой следы шоколада на губах.

— Это не мое дело, дорогая. Не думаю, что у нее есть что-нибудь в этом роде, она никогда мне не говорила. — Она скомкала салфетку. — Ты ведь знаешь, я уже отдала ей каминные часы Флоренс. У меня есть совсем небольшой вклад в «Эбби Нешнл», и больше ничего. Все это перейдет к тебе вместе с кольцами моей матери...

— О господи, — сказала я в замешательстве, — я совсем не думала об этом. Во всяком случае, в ближайшее время ты ведь никуда не собираешься?

— Будем надеяться, что нет. — Она рассмеялась, но потом пробормотала что-то неразборчивое.

— Привет, подружки! — Сияя лысиной, вошел мистер Пул, в прошлом мясник в Бэнк Топ. — Как поживаете? Извините за вторжение. — Он прислонил свои ходунки к дверному косяку. — Присмотрите за моим байком! Я шел к выходу, но решил передохнуть. И вот я подумал, не зайти ли к милой миссис Саутворт?

Кисси вся так и сияла:

— Несносный вы человек!

— Проба, проба. — Мистер Пул постучал по своему наушнику. — Мамочка, вы меня слышите?

— Чем могу быть полезна, сэр?

— Я не стану вас затруднять.

Они иногда хуже детей, когда разойдутся.

— А как поживает твоя бабушка Полл? — отдышавшись, мистер Пул обратился ко мне. — Все такая же чудака?

Я увидела краем глаза, что Кисси мне кивает.

— Полианна Миллер была грозой крикетной площадки шестьдесят лет назад. У нашего Джона все еще шрам от ее удара, когда она стукнула его, требуя, чтобы он вступил в «Овалтиниз». Она переживала, что он выиграл соревнования и золотой значок. Чуть не сделала его калеккой.

— В конце концов и она разжилась золотым значком, — сказала Кисси. — Носила его в школу. Помню, Флоренс чуть ли не каждый день его отцепляла. Из-за нее многим пришлось несладко. Она подходила к малышам, заставляя их записываться в клуб. И многие новички боялись ее.

— У него до сих пор шрам на голени.

Я переводила взгляд с одного на другую.

— Да, но это было шестьдесят лет назад. У него не может остаться шрам, ведь прошло столько времени.

— Может, если треснуть изо всех сил. — Мистер Пул поднял шишковатый палец. — Страшное дело. У нее были металлические набойки на подошвах. Она раскроила голень нашему Джону. Она была та еще штучка, твоя бабушка, — мистер Пул взглянул на Кисси, — я не сказал ничего лишнего?

Кисси покачала головой:

— Нет. Она стукнула американского военнотружущего лакированной палочкой. Пробила ему барабанную перепонку. — Я начала хихикать. — Это не смешно. Бедный парень. Они ведь были наши союзники.

— Полл не виновата. Она говорила мне, что это случилось потому, что он ее доставал. Она тогда еще училась в школе. Он наговорил грубостей, и она испугалась. Так она мне рассказывала.

— Она это рассказывала всем, чтобы не нажить неприятностей. Она бьет тебя?

— Да нет, — мне стало смешно. — И никогда не была, даже в детстве. А сейчас я в два раза больше ее. Я бы просто увернулась, если бы она попробовала.

— Однако у нее дьявольский язычок, и уж она разберется, как с кого три шкуры спустить. Не забывай, — заключила Кисси, — я знаю ее дольше, чем ты, и довольно часто видела тебя в слезах. Она может быть такой язвой, если захочет!

Я почувствовала, что мои щеки пылают, и уставилась в пол.

Мистер Пул кивнул:

— Такая зараза! Из-за ее самодельного фейерверка Эрик Бенсон чуть не лишился пальца, помнишь? Она делала патроны из использованных картриджей и наполняла их порохом, который крала из каменоломни. Она считала себя мальчишкой, в этом была проблема. — Он замолчал, но затем продолжил после паузы: — Хотя в молодости мы все делаем вещи, о которых потом стараемся забыть.

— Ох, как это верно! — сказала Кисси.

— Тем не менее я лучше пойду. Людей посмотреть, таблеток покушать. — Он похлопал себя по груди. — Леди, оставляю вас наедине с вашей болтовней.

— Пока, — сказала Кисси, посылая ему воздушный поцелуй. Дьюлакс соскользнул вниз и упал на пол, но она этого не заметила.

Резиновые наконечники ходунков мистера Пула издавали легкий, постепенно удаляющийся скрип. Кисси казалась немного подавленной.

— Я думаю, все мы бываем грубы время от времени. Помню, как мы выбросили всю косметику Флоренс из окна верхнего этажа. Я злилась на нее, потому что ее муж был все еще жив. Сейчас-то я понимаю, как это глупо. Когда ты молод, делаешь много вещей, за которые бывает стыдно.

Я не знала, что сказать, поэтому опустила на колени и подняла ее собачку.

— Вот, возьмите. Он хотел сбежать.

— Ой, спасибо, детка. Ну, расскажи мне еще о своем друге. Донни, так его зовут? Расскажи мне, что случилось. Ты уверена, что не сможешь исправить положение?

Я вышла от нее без сил. Я не очень-то умею врать, несмотря на весь опыт, который я получила, отражая постоянные попытки Полл что-либо вызнать о моей жизни. Я придумала этого бойфренда для Кисси. Решила, что это порадует ее, даст нам повод для разговоров. Я придумала его не для себя. Мне не настолько одиноко. Может, стоило убить его — передоз или пьяная прогулка по рельсам в темное время суток. Но тогда она стала бы каждый вечер просматривать «Болтонские вечерние новости» и мне пришлось бы отвечать на целую кучу новых вопросов.

Подойдя к дверям, я заметила мистера Пула, сидевшего на высоком стуле и полускрытого фиговым деревом. У него на колене лежала салфетка, а рука под ней резко двигалась вверх-вниз, вверх-вниз. Боже, подумала я, даже здесь полно извращенцев.

Я слегка изменила направление, чтобы пройти мимо него, и прошипела:

— Какая гадость! — прямо ему в макушку. Он в удивлении поднял голову. Его лицо показалось мне удивительно незащитным. Я свирепо взглянула на него, салфетка упала с его колен, и я увидела, что он держит в руке очки. Ширинка была застегнута. Полностью.

— Минуточку, — сказал он, укрепляя очки на носу, — так будет лучше. Как это я раньше не видел столь очаровательное существо? — Он пристально посмотрел на меня. — Итак, что ты говоришь?

— Тут надо хорошенько убрать, а то полно пыли.

Он склонил голову набок.

— Правда? Я бы не сказал.

— Наверно, поэтому ваши очки так запылились.

— Ах, да! — сказал он.

— Ну как что случилось? — Женщина в приемной говорила в телефонную трубку. — Она упала на свой зонтик и спица угодила ей в глаз.

Я быстрым шагом вышла за ворота, на ходу запихивая в рот пирожное.

Отец разрешил мне включить радио «Опе» в то последнее утро, когда мы с ним приехали в больницу. Сама доброта. Я была занята своими мыслями. Все песни имеют смысл, но ни в одной не говорится о смерти, и я решила, что с нами будет все в порядке.

Отец провел целую вечность с доктором, а я в это время читала статью в журнале про красоты Венеции. Потом вышла сестра. Она отвела меня в боковую комнату и сказала:

— Знаешь, твоя мама была очень больна. Она держалась молодцом, но ее состояние было очень тяжелым. Бывает, что нельзя преодолеть болезнь, потому что организм слишком долго боролся.

Я взглянула на нее.

— Твоя мама умерла этой ночью. Она не испытывала боли.

Я сказала:

— Ей должно было быть очень больно. Ведь мне же больно. — И все это время песня в моей голове крутилась так громко, что я вообще не могла думать. Мой разум словно помутился. — А где папа? — наконец вымолвила я. — Мне надо его видеть.

— Дай ему несколько минут, дорогая, — сказала сестра, — и я отведу тебя к твоей маме.

— А какой смысл? — крикнула я.

— Тогда я оставлю тебя на минуту, — сказала она.

Несколько секунд я стояла совершенно неподвижно, потом легла на линолеум и стала бить себя по животу так сильно, как только могла. Я даже не видела, как вошел доктор.

Глава шестая

Несмотря на свою зловредную натуру, Винс, перед тем как уйти, привел в порядок много домашних дел. Он заново оклеил фронтальную часть нового газового камина, положил линолеум поверх треснувших плиток при входе и заменил старую ограду на новую, более долговечную, из лиственницы. Он даже покрыл ее креозотом, чтобы на нее не покусились крысы.

Но это было почти двадцать лет назад, и, хотя обои в цветочек и линолеум были еще хорошими, ограда уже разрушилась в середине, а некоторые доски отставали. Собачник был привлечен для замены нескольких самых ветхих секций.

— Вам не придется платить за столбы цену, по которой они продаются в садовом центре, — сказал он Полл, — за них требуют сумасшедшие деньги. Я могу достать их для вас. У меня везде знакомые.

Так что этим солнечным утром они с Дикки работали: Полл пыталась удерживать укороченный столб в вертикальном положении, а Дикки вбивал его в землю деревянным молотком. Я им не меша-

ла. Они пели друг другу куплеты из рекламных роликов и глупо хихикали. Как хотелось схватить этот деревянный молоток и вырубить их обоих одним хорошим ударом. Я же пыталась смотреть по ТВ программу, которая изменит мою жизнь.

*Лишь продавец раскроет рот,
На все скажи ему в ответ:
Сосисок лучше Доннелби
На целом свете нет.*

Я напряженно вслушивалась в телебеседу сквозь тирольские рулады Дикки.

«Я вообще ничего не делала, — говорила молодая женщина с волосами морковного цвета, — вообще ничего. Настоящая квашня. Кожа желтая, под глазами круги. И зубы были в ужасном состоянии — сошла эмаль. Зубной врач чуть в обморок не упал при виде моих зубов, так что я перестала к нему ходить. Но самое худшее было то, что у меня постоянно болело горло. Я все время чувствовала себя как... короче, как настоящая развалина».

«И вы, по вашим словам, “зациклились на контроле”». — Ведущий снова сунул ей в лицо микрофон.

«Ну, вроде того, я не могу контролировать некоторые вещи, например, принятие пищи, так что я решила взять под контроль то, что мне под силу. Я же шлепаю детей за то, что они разбрасывают игрушки, потому что не могу, знаете ли, мириться с беспорядком. Вы понимаете?»

«Я еще вернусь к вам, Элайн», — сказал ведущий.

Легко перепрыгнув расстояние между рядами, он подсел к женщине средних лет в красном костюме.

«Что вы хотели сказать э-э-э...»

«Йо».

«Йо, у вас есть вопрос к Элайн?»

Йо близко наклонилась к микрофону.

«Со мной такая же история. Пять, шесть раз в день. Я перепробовала кучу зубных щеток. И освежителей рта. В нашей мансарде воняло, как на собачьей площадке». — Она издала короткий смешок, и аудитория одобрительно захихикала.

«И ваш муж ни о чем не догадывался?»

«Нет, что вы».

«Разве у него не возникало подозрений, когда вы отправлялись в туалет после каждого приема пищи и возвращались, благоухая дезодорантом и духами?»

Крупный план ведущего с выражением удивления на лице.

«Вовсе нет. Понимаете, тут становишься очень изворотливой, придумываешь разные трюки. Можно сказать: «Пойду приму горячую ванну» — и сделать это, пока течет вода, чтобы заглушить звуки. Или включить радио. А если заниматься этим в течение нескольких месяцев, можно наловчиться и делать все очень быстро. А упаковку и рецепты можно бросать на дно мусорного ведра или еще как-нибудь уничтожать. Я обычно сжигала в камине».

По аудитории пронесся легкий шум. Ведущий вскочил и трусцой засеменил к Элайн.

«Кроме того, есть множество мужей и любовников, которые просто не хотят ни о чем знать.

Даже если подозревают. Ведь так просто не замечать того, чего не видишь. — Многочисленные кивки. — Я хочу спросить, как рассказать об этом? Своему... близкому, которого вы, так сказать, любите и уважаете? Неужели вы скажете: «Дорогой, тебя от этого не тошнит?» Ведь это ужасно, не так ли? Разве можно сказать такое?»

Камера замерла на лице Элайн, когда раздалась чья-то реплика сзади. Ведущий на мгновение положил руку на ее плечо.

Потом действие переместилось к безвкусно одетой женщине лет пятидесяти, сидевшей в первом ряду. Оказалось, она врач или что-то в этом роде и написала книгу.

— Убирайся, толстая корова, — проговорила я в экран. Она жужжала что-то об уровнях электролитов и вреде для пищевода, а я проклинала себя за то, что не выключила телик раньше.

Вошла Полл и спросила, не хочу ли я горячую булочку, она как раз печет их для Дикки. Я сказала — хочу, чтобы выпроводить ее из комнаты.

Я действительно набирала вес. Ей-богу. Шесть дней голодала изо всех сил, а потом во мне как будто что-то переключилось, и я стала есть и есть. Невозможно соблюдать диету, когда ты единственная отвечаешь за готовку и покупки. Как могла я довольствоваться тарелкой супа и парой кусочков «Nimble», если Полл, сидящая за столом напротив, уплетала за обе щеки? Это совершенно немыслимо. Полл была счастлива, когда я снова начала есть.

— Я боялась, что ты заболеешь, — сказала она, разливая заварной крем, — ты была страшна, как смертный грех. Хочешь доесть то, что осталось в кастриоле?

И я доела. Потом пошла в свою комнату и примерила обтягивающую блузку. Она еле налезла.

Минуту или две я была так зла, что могла разодрать себе щеки ногтями или биться головой о стену, пока из глаз не посыплются искры. В конце концов я пошла вниз, открыла кухонный буфет и вынула большие ножницы. Потом вернулась к себе и разрежала свой серый кардиган на кусочки. Полл взбесилась бы, если бы нашла их, зато она-то могла объедаться сколько угодно. Когда дело было сделано, большой палец распух, а там, где кожу натерло кольцо ножниц, осталась красная полоса. Но оно того стоило.

С одной стороны, глупо было огорчаться, потому что я никогда не носила обтягивающих блузок, но все же. Она была такой красивой. Привет из другой жизни.

Шли титры, когда появилась Полл с целым блюдом горячих булочек.

— Угощайся. Наверное, я положила многовато масла.

Она порезала руку хлебным ножом, и на некоторых булочках были капли крови. Я схватила чистую и снова уставилась в телевизор:

«Если вас заинтересовали вопросы, которые мы затронули в этой программе, вы можете позвонить по нашей горячей линии или посетить нашу страничку в Интернете по адресу www.talkinghelps.co.uk».

Голос ведущего был полон участия. Я представила себе, как по всей стране одинокие женщины бросаются к телефону, чтобы спросить его, как разобраться с собственной жизнью. Потом титры

закончились, и голос ведущего стал более жизне-
радостным:

«Вы пережили курортный роман? Встретили свою вторую половину на экзотических берегах? Или ваш черноглазый партнер или партнерша оказались мошенниками? Если хотите принять участие в шоу о курортных романах с иностранцами, можете позвонить нам по телефону...»

— Чертов ремень, — пробормотал Собачник.

Я старалась не смотреть, но он так широко открывал рот, что я видела там разжеванную булочку с маслом.

— Чертов — это ключевое слово.

— Мне иногда кажется, что ты проглотила словарь, — съязвил он, роняя крошки изо рта, когда проходил мимо.

— В таком случае ты, должно быть, проглотил книжку «Собачка по кличке Спот». — Огрызнулась я. — У тебя словарь четырехлетнего ребенка.

Он ухмыльнулся, и я снова увидела обслюнявленный кусок булки у него во рту.

— Думай, что говоришь, — нахмурилась Полл, — у Дикки никогда не было твоих возможностей. Его отец постоянно колотил его, если видел, что он читает хотя бы комиксы. У него никогда не было своей спальни, он всегда спал на лестничной площадке, попробовала бы ты так. — Собачник скорбно кивнул. — Думай, когда говоришь. И переключи канал. Он пришел посмотреть бега.

Пора линять отсюда.

— Пойду в библиотеку. Надо там кое-что посмотреть.

Полл не особенно жаловала библиотеки.

«Захламление полезной площади» — вот ее вердикт. Во времена ее молодости школьная библиотека представляла собой шкаф высотой семь футов, которым пользовалась вся деревня. «Этого было вполне достаточно для нужд местного населения, — говорила она мне много раз, когда я собиралась туда. — Не понимаю, зачем тебе тащиться в такую даль. Сегодня вечером хорошая программа по телевизору».

С тех времен, когда библиотека Бэнк Топ помещалась в шкаф, многое изменилось. Снаружи — современное дымчатое стекло и шлакобетон, внутри — уютные помещения с оранжевыми коврами и синими стульями, аквариумом, постерами, привычными мобильниками. А самое главное — в дальнем углу стоят три компьютера, потому что библиотека Бэнк Топ наконец-то подключена к Интернету.

— Дай мне знать, если он зависнет, — сказала мисс Мегера, с недоверием уставившись на экран. — С утра барахлит. Надо позвонить. Посмотри, как пойдет дело, и позови меня, если будет сбой.

Когда она отошла, я проводила ее взглядом. Я почти люблю мисс Мегеру, вернее, мисс Стокли. Это женщина с каменным лицом, твердым характером и в старомодной одежде. Всем своим видом она как будто говорит: «Я здесь не для того, чтобы нравиться, а для того, чтобы обеспечить хорошую работу библиотеки». Вестерн, политическая болтовня, исторический роман — мисс Мегера всегда подскажет, где это найти. Стоя у стола для выдачи литературы, она окидывает хмурым взглядом чи-

тателей, листающих книги грязными руками. Она всегда носит одну и ту же ситцевую блузку, а поверх нее длинный трикотажный жакет. Ее седые волосы коротко острижены.

Но если бы вы решили, что она просто старая зануда, то оказались бы неправы.

Когда Полл слепо уронила «Гордость и предубеждение» в полный таз воды для мытья посуды, мисс Мегера была очень мила со мной.

— Такие вещи я делаю сама, — сказала она, когда я стала объяснять, что пыталась сушить книгу в раскрытом виде на батарее.

Она сказала, что рада встретить девушку, которая интересуется классикой, и спросила, читала ли я Диккенса. Я сказала, что начала читать «Дэвида Копперфилда» и бросила, тогда она дала мне почитать «Холодный дом» и сказала:

— В следующий раз, когда придешь сюда, я спрошу твое мнение об этой книге.

Я пришла через три дня.

— Ну, как, — спросила она, — тебе понравилось?

— Нет, — сказала я, — мне захотелось плакать.

— Было бы лучше, если бы ты ее не читала? — озадачила она меня.

— Нет.

Казалось, она довольна моим ответом.

Через месяц после этого разговора я была с позором исключена из начальной школы Бэнк Топ, и именно мисс Мегера помогла мне восстановиться. Она даже предложила прийти на мой первый родительский вечер в средней школе, когда узнала, что Полл туда не собирается. Иногда я смотрю на

мисс Мегеру и думаю, что она никогда бы не смогла бросить своего грудного ребенка и исчезнуть в никуда.

Она разрешает мне первой выбирать самые интересные книги из тех, что они распродают, и спрашивает мое мнение о новых поступлениях. Ей интересно мое мнение. Вообразите. И когда я попросила ее называть меня Кэт, она не стала смеяться.

— Кейт? — Она поднесла ладонь к уху.

— Нет, Кэт.

— Категорически?

— Катастрофически.

— Надеюсь, что нет. Я внесу это в реестр своей памяти, хотя моему языку потребуется время, чтобы переключиться.

Я знала, что мисс Мегера не стала бы препятствовать моим поискам, а если бы кто-нибудь спросил, я ответила бы, что делаю школьную работу. Я напечатала адрес, подождала, когда откроется страничка. Полистала, нашла нужный указатель и щелкнула мышкой.

Вот оно, подумала я.

Буллимикеры — люди, которые заболевают от переедания, — часто имеют ЗАНИЖЕННУЮ САМООЦЕНКУ. Возможно, они испытали СЕРЬЕЗНЫЙ СТРЕСС в своей жизни. У них могут быть трудности с негативными эмоциями, такими, как гнев или чувство одиночества. Некоторые люди, страдающие от булимии, говорят, что испытывают потребность контролировать свою жизнь, строго дозируя прием пищи. Почти все говорят, что находятся под СОЦИАЛЬНЫМ ДАВЛЕНИЕМ, ведь телевидение, журналы,

знакомые и т.д. проповедуют стройность и отсутствие лишнего веса.

Авторами этого сайта явно была целая бригада отщепенцев.

Осложнения, возникающие при искусственно вызываемой рвоте: головокружение, слабость, потеря ориентации, чувствительность к перепадам температуры, низкое кровяное давление, высокое кровяное давление, низкое число тромбоцитов, гиперактивность, синдром хронической усталости, ломкость ногтей, выпадение волос, отек конечностей, потеря мышечной массы, судороги, запоры, диарея, недержание мочи, болезни брюшной полости, остеопороз, артрит, дегенерация тканей челюстной мышцы, прекращение менструальных циклов, бесплодие, разрушение зубов, лопнувшие капилляры на коже, пониженное содержание сахара в крови, диабет, анемия, респираторные инфекции, повышенный рост волос, временный паралич, язва желудка, прободение желудка, желудочное кровотечение, рак желудка, рак гортани, потеря сознания, почечная недостаточность, цирроз печени, слабоумие, слепота, инсульт, аритмия, сердечная недостаточность, смерть.

Ну ладно, ладно, главное, чтобы вес уменьшался.

Я щелкнула, чтобы перейти на следующую страницу, но там говорилось лишь, как вырваться из круга и что надо любить и ценить себя, и ни слова о том, чем можно воспользоваться для достижения эффекта. Так что я нажала на кнопку поиска и задала поиск на расстройства пищевого поведения. Я хотела найти что-то вроде руководства для пользователя.

Внезапно уголком глаза уловила какое-то движение. Мисс Мышь, то есть мисс Оллертон, слонялась по комнате, прижимая к груди стопку книг и имея при этом не очень веселый вид. Она ужасно нервная, никогда не смотрит в глаза. Я не могла представить ее выполняющей какую-нибудь другую работу, кроме этой, и живущей где-нибудь в другом месте, кроме этой обители слов. Я на всякий случай наклонилась вперед, закрывая собой экран. Иногда выгодно быть такой большой. Мисс Мышь медленно продрейфовала мимо в своем подобии балахона, одарила меня полуулыбкой и исчезла в секции «Увлечения и ремесла». Я услышала осторожный шорох по ту сторону полок, когда она ставила каждую книгу на ее законное место. Ее кожа и волосы были такими бледными, будто она жила в книжном шкафу.

Когда я отодвинулась от экрана, моему взгляду открылось голубое небо, перерезанное радугой, а в левом нижнем углу — сверкающий водопад. «Добро пожаловать на «Домашнюю страничку Черри», — прочитала я. Что-то меня зацепило, и я стала читать дальше.

Черри (это оказался ник) было двадцать, и она училась в колледже в Висконсине. У нее несколько хобби: собирание пуговиц, конный спорт и булимия. Она заболела булимией в семнадцать, и повода к этому вовсе не было. Друзья пытались ее убедить, что она классно выглядит, но она точно знала, что лишь ей решать, а потому дала волю болезни, ибо никто так и не сумел ее разуверить. Там были разделы «Коллекция моих пуговиц»,

«Лучшие фильмы о лошадях», «Гостевая книга Черри». Вопреки собственному желанию, я раскрыла страничку о пуговицах. Возможно, эта девочка была еще более несчастной, чем я. Пуговицы? У Полл их было около пятисот в жестянке под лестницей, главным образом от старых рубашек Винса.

Оказалось, что она имела в виду значки, эмблемы, а это не так уж тупо. *«У меня больше 2000 значков! Я сделала каталог по рубрикам: животные, названия марок, лекарства, юмор, разное, музыка, страны, политика, портреты, религия, старина».*

Я открыла гостевую книгу.

«Поздравляю, Черри, у тебя классный сайт. Ты говоришь все, как есть. Я это делаю с помощью зубной щетки!» — первое послание, которое я прочла, было от Свихнувшегося Монстра. Черри ответила: *«Облом, я попробовала однажды, но расцарапала себе горло».*

«Но ведь ты засовывала конец не со щетиной, верно?» — напечатал Свихнувшийся Монстр.

«Именно, — был ответ Черри, — так все и было! Ха-ха, я шучу, не парься!» Потом шли смайлик и поцелуй.

Затем Гениальная Девушка сообщала, что щечочет свои миндалины линейкой, потому что не любит, когда от пальцев пахнет блевотиной. *Вроде подходяще, в математике я спец.*

Анни86 все еще жила со своими родителями и придумала клёвую отмазку для того, чтобы торчать в ванной комнате. *«Я говорю, что делаю косметическую маску и чтобы меня не тревожили двадцать минут.*

Потом включаю радио на полную громкость. Я всегда стражусь и намазываю немного маски вокруг слива, прежде чем выйти, а иногда оставляю мазки у линии волос или на щеке».

«Это очень умно», — Черри.

«Надо как-нибудь попробовать», — Лесная Фея.

«Кто-нибудь пробовал патентованное рвотное средство?»

«Слишком рискованно. Невозможно рассчитать, когда блевнешь. Люди начнут задавать вопросы», — Гениальная Девушка.

«Хочешь обмениваться пуговицами? Только сначала напиши, что тебя интересует», — Дикий Фэн.

Я медленно читала сообщения. Это верно, когда говорят, что Интернет открывает новые миры.

«Спасибо всей честной компании, — могла бы я добавить, — вы просто открыли мне глаза» — и подписаться: «Пирожное с кремом».

Я закрыла сайт и поднялась с вращающегося стула. Если ничего не случится, скачки в Чепстоу продлятся еще час.

* * *

Иногда мне кажется, что я потеряла девственность именно тогда — под конским каштаном, при лунном свете. Землю под моей головой устилал мох, от движения наших тел шуршали листья. На его сомкнутых веках играли тени. Я не могла оторвать глаз от его прекрасного грустного лица. «У тебя каштановые волосы», — прошептал он. Дождь начал барабанить по листьям, когда он вошел в меня, но я не чувствовала

влаги на своей коже. Он рассыпал звезды по всему небу, как ребенок машет бенгальским огнем. Боли не было.

— Я не поеду в университет, — сказал он, — я не смогу вынести разлуку с тобой.

Глава седьмая

Я думаю, у Полл какая-то болезнь на почве еды. Количества продуктов в кладовке хватило бы для осады, атаки террористов, вспышки смертельного вируса, столкновения астероидов и экономического кризиса, вместе взятых. Кисси говорит, что это у нее с войны, когда приходилось ухитряться готовить завтрак, обед и ужин из картофельных очистков и воздуха. Она рассказывает, как готовили заменитель чая (терли морковку и сушили ее на противне на медленном огне), джем (из всевозможных остатков получалась бесформенная масса соответствующего цвета, которую томили в духовке) или заменитель миндаля (раскалывали косточки чернослива и вынимали ядрышки). В дело шли листья черной смородины, луковая шелуха, одуванчик и крапива; она знает рецепт приготовления кондитерских изделий без масла, может консервировать фрукты без сахара и сделать омлет из одного яйца, которым могут наесться двое (добавить пол-унции кукурузной муки с вашим маслом).

— А что к чаю? — спрашивала маленькая Полл у матери.

— Три прыжка перед буфетом, — говорила Флоренс, сверившись со своей кулинарной энциклопедией. И никакого просвета.

Это с тех голодных времен, утверждает Кисси, у Полл осталось не совсем нормальное отношение к пище. Так что у нас две хлебницы — одна для хлеба, а вторая — для липких пирожных дурного качества с отвратительной глазурью и иностранной надписью на упаковке. Она покупает их где-то за рынком Чорли. Иногда их приносит Собачник, и они исчезают по мановению ока. «Нельзя дать им зачерстветь, — говорит она, облизывая кончики пальцев. На завтрак у нас бывает гигантский тост — куски в два дюйма толщиной, а на ужин — сэндвичи со сгущенным молоком. В промежутках — непрерывные перекусы. Единственная причина, по которой Полл не стала борцом сумо, — это то, что она Королева Суеты.

Моя проблема в том, что я слишком много сижу на своей заднице и читаю.

И еще моя проблема в том, что Полл всегда рядом.

— Это в твоих же интересах. — Я запомнила их слова.

Они сказали это, когда с меня сняли одежду, привели в плохо освещенную комнату и пытались показать мне экран. Я не стала смотреть.

— Нарушений нет. — Я слышала, как доктор сказал это сестре.

— Есть. Есть! — хотела крикнуть я. — Есть нарушения — в моей голове. Как может это существо быть живо, когда мама умерла?

Но я не сказала ни слова, просто изо всех сил сжала кулаки.

В конце концов они выключили сканер, потому что я все время держала глаза плотно зажмуренными и отворачивала голову. В темноте я видела:

Его, держащего ветку сирени у моего лица. Закрой глаза, сказал он.

Я закрыла.

Открой рот, прошептал он.

Я раскрыла губы, и он положил мне на язык что-то прохладное, влажное и плоское.

Теперь ешь.

Я осторожно стала жевать.

Продолжай вдыхать сирень, когда ешь, сказал он.

Я открыла глаза и увидела, что он держит яблоко и перочинный нож отдельно, потом соединяет их и ровно отрезает еще один тонкий ломоть белой плоти. Он протянул его мне на лезвии.

Сделай это снова, сказал он.

Зачем? Спросила я.

Потому что я хочу, чтобы ты это сделала. Я хочу, чтобы ты почувствовала вкус жизни.

Когда они снова включили свет, по краю моей ладони шел лиловый полумесяц отпечатков зубов. Я быстро убрала руку за спину, но доктор увидел.

— У вас есть какие-нибудь вопросы на данном этапе? — спросил он, собирая записи. У сестры, стоявшей позади него, было лицо, от какого мухи дохнут.

— Да, — сказала я, — как я дошла до положения, в котором нахожусь сейчас?

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — сказал он.

— Я имею в виду, что этого не должно было случиться. Я хочу обратно. Перемотать пленку. Шесть месяцев назад я была счастлива. А теперь меня засушили сюда, и вы рассказываете мне разные небылицы. Вы не можете держать меня здесь, вы прекрасно это знаете.

Я думала, что теперь они отдадут мне мою одежду, но они этого не сделали. Вместо этого они привели отца.

— Они все врут, папа! — крикнула я. — Нет никакого ребенка. Не может быть, у меня даже еще не было секса. Честно. Они все выдумали.

Но его глаза стали стеклянными, и он покачал головой. А маму в это время везли на тележке в подвал.

Было не особенно трудно скрыть мое новое хобби от Полл, хотя Мэгги однажды застала меня в ванной как раз после моих упражнений и несколько раз изучающе взглянула на меня.

— Что с тобой происходит, Кэтрин? — услышала я.

— Что ты имеешь в виду?

— Похоже, она рехнулась. — Полл, вероятно, пожалала плечами. — Может, Дикки сказал что-нибудь не то?

Я сбежала по задней лестнице и вошла с невинным видом, шумно сморкаясь в один из больших носовых платков Винса.

— Вот что я вам скажу, — проговорила я, — у меня дикая аллергия с тех пор, как старики Роулэндсы посадили этот дурацкий рапс у подножия Броу.

— А, — сказала Мэгги. Она сидела у камина и пила чай из сахарницы. Она не из тех, кто будет ябедничать, эта Мэгги. — Слушай, у меня кое-что есть для тебя, если ты подождешь минуту. Можешь принести мою сумку из кухни?

Я принесла, стараясь не зацепиться колготками за ужасную плетеную аппликацию.

— Вот. Попробуй его надеть. Я увидела его в Скоуп и поняла, кому он подойдет.

Она протянула мне простой коричневый кожаный кошелек на ремне.

— Что это? — Полл искоса посмотрела на кошелек и потянулась за лупой. Я протянула его ей. — Гмм, очень мило. — Она пощупала кошелек, потом раскрыла его и понюхала внутри. — Кожа. Что скажешь?

— Спасибо.

— Но я все же считаю, что это ужасно, когда какие-то неотесанные парни хватают твой поясной кошелек и швыряют из окна автобуса. Ты ведь сообщила о них?

Я кивнула:

— В нем не было денег.

— Не в этом дело. Теперь ты будешь думать, что спокойно можно проехать в автобусе только в дневное время. Все идет к тому, что скоро ты вообще не сможешь выходить из дома. Болтон становится похож на зону военных действий. Вот так, дорогая. — Она заставила меня нагнуть голову, чтобы надеть кошелек. — Ты будешь носить его на шее. Смотри, какая у меня картинка. Она из журнала, который я листала в парикмахерской. — Она растянула кошелек и вынула страничку обычного

формата, сложенную вчетверо. На ней была изображена супермодная модель с полудюжиной шарфов и таким же, как мой, кошельком на шее и кучей бижутерии в рыжих волосах. Она выглядела сногшибательно. Может, этот магический кошелек поможет мне выглядеть так же. — Ты будешь вылитая она, если наденешь его. Он достаточно большой, в нем поместится твой проездной на автобус, ключи и всякая всячина. Даже кухонная утварь.

— Спасибо, — сказала я.

— Убери волосы назад, чтобы мы могли видеть твоё хорошенькое личико. Она красивая девочка, правда, Полл? И прячется за своими волосами. Как, интересно, парни, смогут увидеть твою прелестную улыбку, если ты прячешь её за копной волос?

— Меня не интересуют мальчишки, — сказала я, встряхнув головой, как девушка в рекламе «Rap-tene».

Полл скорчила недовольную гримасу:

— Не обращай внимания, Мэгги. Это безнадежный случай. Я лично давно уже перестала обращать внимание. Ты можешь пообедать со мной, потому что у меня пирог и соленая капуста, очень вкусная.

— Гм. — Мэгги похлопала себя по животу. — Насчет пирога не знаю, но я могу налечь на капусту.

Я ускользнула в свою комнату, помахивая кошельком. Мальчишки? Ладно. Разберемся.

— Я потерял жену и дочь в один день.

Я слышала, как он сказал это, выходя из комнаты.

Не бывает так, чтобы все сбылось в точности как себе представляешь. Именно это позволяет играть в игру «обмани судьбу». Например, можно вообразить, что открываешь конверт с результатами своих экзаменов и видишь целый ряд отметок «у». Вообразив такое, избавляешь себя от подобного ужаса в жизни. Я все время играю в эту игру, но не могу не помечтать порой о чем-то хорошем, что глупо, ведь с этого момента то, о чем мечталось, мне точно не светит.

Я месяцами думала о том, как буду учиться в одном классе с Донной Френч и она наконец увидит, какая я клевая, и что мне просто нужно преодолеть свою замкнутость.

Тогда она пригласит меня пройтись по магазинам (только я и она) или зайти в кафе, и очень скоро я так сильно ей понравлюсь, что стану ее лучшей подругой. Ребекка уйдет из школы или заведет себе новую подругу, в общем, куда-нибудь исчезнет, как и все остальные из компании Донны.

Под влиянием Донны я стану тоньше и умнее, она подберет мне подходящую одежду, научит пользоваться косметикой и расскажет, какую музыку надо слушать. (Сейчас я в основном слушаю папины записи 1980-х годов. Ребекка слушает только классику.)

Как-нибудь Донна пригласит меня в свой прекрасный дом, который выглядит точь-в-точь как на страницах журнала «Хелло!».

И в интимной обстановке ее суперкрутой спальни что-нибудь случится. Может, поцелуй.

Объятия, ласки. Может быть, поглаживание по волосам.

Но теперь было уже слишком поздно, потому что через полсеместра мы должны были покинуть школу, к тому же я видеть ее не могла после случая с поясом. Я представляла, как она погибает: во время спуска на лыжах, столкнувшись со скалой или сбитаая машиной своего ревнивого бывшего бойфренда, который ждал, пока она выйдет из паба, или старым добрым способом — упав с лестницы на высоких каблуках. Неприятности предназначались и Никки Хантер, только, пожалуй, без роковых последствий, потому что ее я не любила.

И вот как-то утром, в среду, Донна и я сидели в разных углах одной комнаты во время перерыва на полдник, и она была все еще жива, а я была такая же толстая. Она в дальнем углу, полускрытая автоматом для напитков, уткнувшись в своего Дискмана. Я — в противоположном конце, тоже углубившись в книгу. Вокруг было не более полудюжины людей, и я подумала, что, если в конце концов мы с ней останемся одни, я встану и выйду.

Дверь распахнулась, и появилась миссис Ло. С миссис Ло нельзя шутить, ведь она главный психолог и заместитель директора в одном лице. Если ей кто-то не понравился, бедняге точно не повезло. Шестиклашки зовут ее Судья Дредд, и ей это нравится.

— Я ищу добровольцев, — провозгласила она.

Все зашевелились, но никто не двинулся с места.

Миссис Ло обвела комнату пронзительным взглядом.

— Дженни? Лиса? Как вы? — Они поднялись, обреченно глядя друг на друга. — А ты, Зита? Иди сюда, и Алекс тоже. Просто небольшое задание, нужно помочь вашим товарищам в спортзале. Это займет не больше пяти минут вашего драгоценного времени. Жасмин и Зуи, пожалуйста, не прячьтесь за шторой. Давайте выходите, перерыв в занятиях не принесет вам вреда.

Я видела, как Донна подняла голову и с тревогой оглядела опустевшую комнату. Она быстро сняла наушники.

— Я тоже иду, миссис Ло.

Миссис Ло удивленно улыбнулась, когда Донна чуть не бегом направилась к ней. Потом она повернулась, чтобы идти, но в последний момент заметила меня:

— И Кэтрин.

Я думала, я вам нравлюсь, хотелось мне сказать. Но она пронзила меня своим убийственным взглядом и оставила дверь открытой. Я положила книгу и встала медленно, как только могла, в надежде, что она пройдет вперед и я смогу проскользнуть в туалет и подождать, пока все уляжется. Но мне не повезло. Она вывела нас всех, а потом, как колли, принялась сторожить тылы.

— О боже, если нас заставят заняться взаимным обучением или чем-то в этом роде, я ей скажу пару ласковых слов! — пробормотала Лиса.

— Она не может заставить нас заниматься физкультурой. — Алекс на ходу крутила свой браслет. — Ведь через шесть недель нас здесь уже не будет. Что она может нам сделать? Дать дополнительное задание? Пусть попробует.

— Она может не допустить нас до экзаменов, — сказала Дженни.

— За то, что отказались делать всякую чушь? Не думаю.

Дженни пожала плечами.

Когда мы вошли в спортзал, то увидели там четыре комплекта оборудования. В каждом углу стоял короткий ряд стульев, куча пюпитров с зажимами, спортивный мат, стопка газет, моток клейкой ленты, линейка и маленький полиэтиленовый пакет с отрезками черного шнура. Это выглядело как набор для какой-то непонятной игры.

Небольшая группа шестиклассников выступила вперед поприветствовать нас.

— Это мой класс по психологии, — сказала миссис Ло, — вы должны им помочь провести эксперимент. — Я увидела, как у Алекс округлились глаза, и она тяжело оперлась о стену. Миссис Ло вряд ли могла это заметить, поскольку продолжала объяснения: — Эмили, можешь объяснить, что надо делать?

Вперед выступила коренастая девочка.

— Да, спасибо. Спасибо, что пришли. — В ответ не последовало улыбок, — Ну, в общем, мы хотим попросить вас выполнить ряд заданий. Мы собираемся изучать различные стратегии, используемые людьми, чтобы определить, которая из них наиболее успешна.

Чушь, подумала я. Психологи никогда не скажут вам, что они изучают.

— Итак, нам нужно, чтобы вы разбились по парам.

Никто не шелохнулся.

— Поскорее! — сказала миссис Ло.

Алекс вздохнула и, втянув голову в плечи, сделала шаг вперед, таща за руку Зиту.

— Чем раньше мы начнем, тем скорее закончим, — заключила она, через плечо взглянув на преподавательницу.

Жасмин кивнула Зуи, а я подумала: черт, я знаю, к чему все идет.

— Дженни, не хочешь пойти со мной? — спросила я самым торжественным, патетическим тоном. Но Дженни и Лиса уже повернулись, чтобы идти вместе, и оставалось только...

Донна стояла с низко опущенной головой.

— Меня тошнит, миссис Ло, — пробормотала она. — Мне нужно принять парацетамол.

— Парацетамол не поможет от тошноты, — сказала миссис Ло. — Тебе станет лучше, если ты перестанешь об этом думать. А теперь принимайся за дело. Ты задерживаешь остальных, и я не думаю, что они тебя за это поблагодарят.

Мы с Донной потащились по скользкому полу гимнастического зала к тому месту, где сидела наша группа шестиклассников с планшетами в руках. Донна плюхнулась на мат и растянулась во всю длину на животе, словно принимала солнечную ванну, а я стояла над ней, кусая ногти и чувствуя себя отвратительно.

— А теперь, — сказала Эмили, — я хочу, чтобы вы все внимательно посмотрели сюда.

Она вытащила листок газеты из ближайшей стопки и начала скатывать его по диагонали, так что получилась длинная тонкая трубка. Ассистент-

шестиклассник подал ей клейкую ленту, и она заклеила один конец, чтобы бумага не разворачивалась. Потом взяла линейку и, положив ее на середину трубки, согнула ту пополам.

— Каждая центральная стойка должна быть ровно тридцать сантиметров длиной, — объяснила она, — вот так. Мэнд, принеси, пожалуйста, те, которые я сделала раньше.

Ассистент Мэнд порылся в груде у стены и вытащил связку других трубок. У всех были загнуты концы.

— Теперь, используя эти трубки, вы должны построить три правильных геометрических тела. Тетраэдр, куб и двенадцатигранник.

Мэнд начал рыться в каких-то пакетах, которые вытащил из-за скамеек.

— Ничего себе! — сказала Алекс. — Я вообще-то разделалась с математикой в одиннадцатом классе.

Эмили не смутилась.

— Вот так!

Она протянула руки, и Мэнд подал ей две законченные формы, скрепленные скотчем и пластиковыми шнурами. Они были довольно прочными, если учесть, что это была всего лишь бумага.

— Видите? Тетраэдр представляет собой четырехгранник, куб имеет шесть граней, а у двенадцатиугольника, который держит Мэнд, их двенадцать. — Тишина. — Вам понятно? Отлично. И, поскольку это соревнование, мы не хотим, чтобы вы разговаривали ни с кем из других пар или спрашивали нас. Мы здесь чтобы наблюдать. Не обращайтесь на нас внимания. Мы невидимки.

— А приз будет? — снова вмешалась Алекс.

— Да, — сказала миссис Ло. — Чудесная коробка бельгийского шоколада для выигравшей пары.

— О боже, какое счастье!

— Эмили!

Эмили закричала:

— Три, два, один, начали! — как будто это было настоящее состязание.

Соревнующиеся посмотрели друг на друга с отвращением, но все же начали.

Через пару минут стало казаться, что мы с Донной выигрываем, почти не разговаривая друг с другом. Мы сидели на противоположных краях мата, повернувшись друг к другу спиной. Шестиклассницы что-то писали в своих блокнотах. Я начала свертывать трубки и склеивать их, определив, что хватит шести, чтобы составить тетраэдр. Мне показалось разумным начать с самого простого. Приступая к пятой трубке, я услышала шепот Донны:

— Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

Я откинула пряди волос, упавшие на глаза, и взглянула на нее. Плечи Донны странно подергивались, но я не могла видеть, что она делает.

— С тобой все в порядке?

— Дерьмо, — повторила она, не глядя на меня.

Я повернулась обратно к своей работе.

— Кэтрин, — сказала она сдавленным голосом, — как ты делаешь эти хреновы штуки?

Я взглянула на нее снова и увидела ее руку, которую она держала на отлете. Рука вся была испещрена красными полосками, у манжета царапины. Черный витой шнур впился в кожу ниже запястья, и рука потемнела, как при застое крови.

— Я не могу его развязать, — прошипела она, — чертова штука, чем больше я стараюсь, тем туже он затягивается. Боль адская. Как же его развязать?

— Я попрошу вон тех девчонок. — Я оглянулась. — Господи, они все что-то пишут.

— Нет, не надо! Я чувствую себя такой идиоткой!

— Сама ты ничего не сможешь сделать. Видишь, тут такие маленькие зарубки...

— Ой, рука совсем онемела...

— Подожди. — Я порылась в своем кошельке и вытащила щипчики для ногтей. — Ими можно разрезать шнур.

Она взяла у меня щипчики, и я заметила, что ее рука дрожит. Она примерялась, чтобы резать у кожи, но никак не могла выбрать нужный наклон.

— О, дерьмо!

Щипчики упали на мат и отскочили, ударившись о мой туфель. Я подняла их и подала Донне. Она сделала вторую попытку, более удачную.

— О, черт, взгляни на это! Эй, — сказала она с усилием, — ты можешь мне помочь?

Почувствовав ее легкое прикосновение, я чуть не умерла. Я совершенно сосредоточилась на развязывании шнурка, только краем глаза заметила, что Донна закрыла глаза. В любой момент миссис Юрист может незаметно подойти и спросить нас, в какую игру мы играем. Интересно, что записывает команда наблюдателей в свои блокноты. *Объекты сначала как будто совещались, а через несколько минут это занятие переросло в лесбийские игры. Они*

очень мало преуспели в создании своих многогранников.

Шнур со стуком упал, и Донна вскрикнула от облегчения.

— Боже, какое счастье! Спасибо, — сказала она, потирая темную полосу на руке, — боже, я такая тупица! Я всегда делаю идиотские вещи. Мама называет меня «маленькая мисс Глупышка». Я просто бросаюсь вперед и никогда не останавливаюсь, чтобы подумать...

— Ты уже сделала какие-нибудь стойки? — быстро спросила я.

— Нет, я была слишком занята уродованием себя. Извини. Что надо сделать?

— Я почти все подготовила для пирамиды. Мне может понадобится твоя помощь, чтобы поддерживать некоторые составляющие, пока я буду скреплять остальные.

И мы стали действовать в одном ритме: отделяли, скатывали, приклеивали, сгибали. Я украдкой смотрела на нее, когда мы работали. Ее волосы были такими гладкими и блестящими, белокурые пряди разлетались, когда она встряхивала головой, а потом ложились обратно. Ее бедра были такими стройными, что, даже когда она сидела на корточках, почти не меняли форму. Лицо в форме сердечка было усеяно едва заметными веснушками. Я смотрела на нее до рези в глазах.

Донна вдруг начала говорить, как диджей на радио, одним духом выпаливая вопросы и непрерывно посмеиваясь:

— Такая изящная пара щипчиков, откуда они у тебя? Я никогда не видела таких — со скрипкой

спереди. Круто. Эй, посмотри на группу Лисы, они уже делают шестиугольники. Нам надо делать шестиугольники? Тебе нужны шестиугольники для додека-как-их-там? Нет? Мне сказать им? Разве не смешно будет, когда они сообразят, что зря старались? Знаешь, этот шнур могут использовать преступники. Им хорошо связывать заложников, чтобы те никуда не убежали. Может, мне разрезать ленту на кусочки для скорости? Ой-ой! Посмотри, она прилипает и удаляет волосы на руке. Слушай, эту штуку можно использовать вместо эпилятора, хотя жутко больно. Ты веришь, что есть женщины, которые для возбуждения выдергивают себе волосы на голове, чуть не до облысения? Ненормальные.

Мы закончили два многоугольника до того, как прозвонил звонок к обеду, так что по времени опередили всех, хотя никто из шестиклассников не сказал этого. Было даже непонятно, за чем именно они наблюдают.

Когда мы шеренгой вышли из спортзала, Донна проговорила:

— Мы ведь выиграли, правда? Разве не мы победили?

— Ты так расстроилась, Донна Френч! — сказала Алекс тоном, демонстрирующим, что это только дружеская реплика, а не насмешка.

— Сама ты расстроилась, неудачница. Смотри, я сделала себе венок победителя. — Она связала вместе обрывки кабеля и получилась цепь с большими петлями. — Здорово? Надену сегодня вечером, будет классный клубный прикид.

— По мне, он немного колючий, — сказала Лиза, — если кто-нибудь захочет тебя обнять, можешь оставить его без глаза.

Я стояла позади, когда Донна повернулась ко мне:

— А ты, оказывается, такая умная! Ты это заслужила, — она водрузила мне на голову пластиковую цепь, — носи с честью. — Она повернулась к остальным. — Вы бы видели — она все организовала, еще до начала вычислила, сколько стоек нужно для каждого многоугольника, применила правильную стратегию — клянусь, перестаньте ржать, — чтобы закончить каждую фигуру до того, как начать следующую, потому что так было быстрее...

Я сохраняла на лице полуулыбку на всякий случай, чтобы показать, что понимаю шутки.

— Нет, серьезно, — продолжала Донна, — если вам когда-нибудь позарез понадобится бумажный многогранник, Кэтрин — это то, что вам нужно. — Она положила руку мне на плечо.

Несколько мгновений я молча смотрела на нее, потом до меня дошло, что надо делать, и я шлепнула ее по руке.

— Йо, — сказала она.

— Вообще-то, меня зовут Кэт, — сказала я, — я изменила свое имя.

— Мяу, — сказала Алекс.

Никки показалась из-за угла, и Донна издала вопль радости.

— Никс, Никс, подожди. — Она бросилась бежать.

Никки растопырила руки для объятия.

— Увидимся, Кэт! — крикнула Донна через плечо.

Не знаю, как долго я была там. В больнице время течет иначе. Я даже не знаю, перевозили меня куда-нибудь или это было отделение той же больницы. Но здесь так же специфически пахло чистящим средством и едой. Так же негде было уединиться, люди постоянно задавали вопросы и втыкали в руку иголки. Меня это не особенно волновало. Я старалась не открывать глаза, чтобы не так болела голова.

Вечером, за день до того, как мы это сделали, он привел меня на спортплощадку и посадил на качели. Он раскачивался, как ненормальный.

— Ты можешь запустить себя в небо, это так просто! Потеряйся среди звезд! — кричал он, со свистом рассекая воздух. — Еще выше! Посмотри, можно перелететь через верхнюю перекладину. Это несложно, если набрать достаточное ускорение.

Волосы развевались вокруг его лица. Замедлив движение, я смотрела, как трутся друг о друга звенья цепи, слышала скрип огромных болтов.

Потом, без предупреждения, он спрыгнул прямо на взлете, болтая ногами. Приземляясь, он пошатнулся, но не упал.

— Надо приземлиться в прыжке. В этом весь секрет! — крикнул он в темноту.

Он неторопливо подошел и стал близко передо мной, сжав цепь вокруг моих бедер.

— Не надо бояться. Я тебе кое-что покажу. — Он притянул к себе крутящееся сиденье и держал его мгновение, потом дал мне качнуться назад. — Пошли.

Помню, я скребла туфлями землю, чтобы затормозить движение, помню металлическую раму, сотрясаю-

щуюся вокруг меня. Он взял меня за руку и подвел к карусели.

— Мы в центре вселенной, ты и я, — сказал он.

Я рассмеялась.

— Нет, правда! Я могу это доказать. Прыгай сюда.

Карусель была в форме сплошного цилиндра с яркими трубчатыми ручками, разрезающими верх, как куски торта. Каждый из нас сел в свой кусок, и он сильно оттолкнулся от земли ногами, чтобы запустить наше движение.

— Откинься назад.

Я ощутила затылком холод металлической спинки сиденья.

— Нет, не надо закрывать глаза. Смотри вверх.

Мимо промчался Орион, а Большая Медведица сделала оборот и переместилась с одного края моего поля зрения в другой.

— Я ведь сказал тебе. Звезды вращаются вокруг тебя. Ты — центр всего. Вернее, мы с тобой.

Вошла сестра.

— К вам посетители, — жизнерадостно проговорила она, — может быть, отдернуть шторы и впустить немного солнечного света?

Я пыталась приподняться. Сердце забило при мысли, что один из посетителей — Роджер или отец. Хотя я наверняка знала, что отец не придет.

— Своими поступками ты разбила сердце своей матери, — сказал он, когда мы виделись в последний раз. — Ты была всем для нее. Что тебя заставило это сделать?

— Любовь, — ответила я.

— Ты не понимаешь значения этого слова, — сказал он и заплакал.

— Понимаю! — крикнула я. — Роджер любит меня. Он хочет этого ребенка.

— Ему плевать. Он хочет избавиться от тебя.

— Он говорит, что будет заботиться обо мне.

— Он слишком занят заботой о себе. Опьянен собственным очарованием. Теперь ты будешь жить своей жизнью, и она не будет иметь ко мне никакого отношения. Ты ведь сделала свой выбор, не так ли?

— Как настроение? — спросила сиделка. — Подойди ко мне, дай я тебя причешу. У тебя есть одеколон?

Открылась дверь, и вошла пожилая женщина в черном с лиловым выходном костюме в сопровождении седоволосого мужчины в свитере с рисунком и с пузырями на коленях. Я в недоумении повернулась к сиделке.

— Кто это?

Мне они совсем не понравились. Особенно она.

— Я твоя спасительница, вот кто. Я твоя семья. Меня зовут Полианна Миллер, а это Винс. Мы приехали забрать тебя домой.

Глава восьмая

Это приглашение я обнаружила в своем отделении для корреспонденции в последний день семестра.

*Школе конец
НАСТАЛО ЛЕТО
И ДОННЕ 18!!!*

*Приди и оторвись по полной перед
объявлением результатов!*

*Время: 7 августа, 9 вечера – 1 ночи
Место: «Стим»*

Одежда: Плохая девчонка!!!

Я заглянула в отделение Ребекки, чтобы проверить, не получила ли и она такое же приглашение, но там было пусто, вообще ничего. Всё забрали. Ящики были отодвинуты, засохшие куски еды и забытые книги вытащены. Миссис Юрист отрывисто давала инструкции из общей комнаты и выставляла наружу пакеты с мусором.

— Чтобы и следа от вас не осталось к двенадцати часам! — прокричала она, перекрывая шум ра-

дио. — Все, что останется в конце дня, мы вышвырнем вон.

Я запихнула приглашение в кошелек. Ясное дело, я не пойду, но все равно очень приятно получить его. Последнее приглашение на вечеринку, которое я получила, оказалось рекламным трюком.

Оно пришло через неделю после моего дня рождения и выглядело, как настоящая открытка от реального человека. «ПУЛЬС приглашает вас неистовствовать ночь напролет с вашими друзьями», — гласила надпись на золотом фоне.

— Это мошенничество, они взяли твое имя из предвыборного списка, — сказала Полл, — их рассылает компьютер.

— Ах, это! — хмыкнула Ребекка, когда я показала ей карточку Донны. — Я слышала, как они болтали об этом вчера. Ее отец платит за все, прикинь! Снимает клуб, напитки, в общем, все включено.

— Ты идешь? — спросила я неосторожно.

— Нет, конечно. — Ее глаза расширились от такого предположения. — Да я ведь и не получила приглашения.

Я почувствовала легкую дрожь удовольствия.

— Наверняка она решила, что тебе такое не понравится.

— Она правильно решила.

— Ты можешь пойти вместе со мной. Будет прикольно. — Я старалась говорить небрежным тоном, словно шутя.

— Но ведь ты-то не пойдешь? — Она на мгновение перестала вколачивать папки в курьерские сумки и взглянула на меня.

Я на секунду задумалась, и в моем мозгу пронеслось следующее:

1. Вид сверху пьяной толпы, как на Ибике, море счастливых лиц и голых плеч.

2. Я, стиснутая толпой, вся красная, застывшая в своей кофте в обтяжку.

3. У здания моей начальной школы я стою и плачу перед накарябанным фломастером объявлением:

ПРИДИ И ПОЛЮБУЙСЯ
ФОРМАМИ НАШЕЙ ДИКО.

4. Донна и Никки, слившиеся в объятии.

— У меня в этот вечер концерт. Приходи, если нет других планов.

— Хорошо, надо будет подумать, — сказала я из вежливости. Если бы Полл разрешила мне пойти куда-то вечером, я бы лучше пошла поглядеть на вязанные кухонные полотенца Мэгги.

— Меня пригласили на вечеринку, — сказала я Кисси, чтобы что-то сказать. Мы уплетали сдобные лепешки с джемом, и я уже справилась с четырьмя.

— О, как мило. И кто же?

— Одна девочка в школе. Я не так хорошо ее знаю, она пригласила очень многих. Массу разных людей. Она член клуба по бадминтону, хорового и драматического обществ — одна из тех, у кого сотни близких друзей.

— Вечеринка будет у нее дома? — Кисси обожает слушать отчеты о том, как другие обставляют свои дома.

Я покачала головой:

— В «Стиме».

Кисси выглядела озадаченной.

— Это большое здание напротив В. Х. Смитов. То, которое горело.

— А раньше принадлежало Этель Остин? — Кисси была разочарована. — Милое местечко для вечеринок. Наверное, они уже починили крышу. Тебе надо смотреть за своим кошельком, там воры на каждом шагу.

— Я не пойду.

— Но почему?

Я следила, как огромная капля джема медленно упала с ложки.

— Нехорошо оставлять Полл одну вечером. Ей нездоровится.

— Первый раз слышу об этом. Что это с ней?

Я взяла кусок лепешки и пожалела, что вообще затеяла этот разговор.

— У нее боли.

— Где?

— В ногах.

— Боли в ногах?

— Ну да, у нее болят ноги. Лодыжки опухают. И у нее страшные головные боли, потому что она напрягает зрение.

Кисси прищурилась.

— У нее так бывало. Но она принимала таблетки, и вскоре все проходило. У всех нас распухают лодыжки в этом возрасте. Взгляни сюда, — она подняла свою плиссированную юбку выше колена и помахала передо мной туфлей. — Когда-то у меня были тонкие стройные лодыжки.

— У тебя они такие до сих пор, дорогая! — крикнула в дверях Элли. — Убери их подальше, а то вызовешь столпотворение. — Она, посмеиваясь, вошла в комнату. — Она просто кокетка, твоя тетя! Нам надо за ней присматривать.

— Прапрапатетя, — пробормотала я, глядя на толстые предплечья Элли, обтянутые рукавами. Она стала убирать посуду. Я засунула в рот остатки лепешки, чтобы очистить тарелку. Потом минуту сидела молча, а мои челюсти работали как у коровы, потому что, во избежание запоров, пищу следует пережевывать очень тщательно.

Кисси восхищалась новым кольцом Элли.

— Оно прелестное, правда? — сказала Элли. — Алан подарил мне его в прошлый раз, когда я была в Лидсе. — Она опустила ресницы и наклонила голову набок, словно позировала для фотографии: задумчивая невеста.

Кисси театрально вздохнула:

— Он просил тебя выйти за него замуж?

— Да. Это было чудесно! Я и не догадывалась. Я была на кухне, а он крикнул: «Эй, принеси мне ящик с инструментами, ладно?» Я принесла его в гостиную, а он говорит: «Открой». — Элли порозовела. — И я сказала: «Сам открой», потому что, честно говоря, мне не так просто нагнуться, а он говорит: «Нет уж, давай, у меня для тебя сюрприз», так что я открыла, и вот что там было.

— Какая прелесть! — жизнерадостно сказала Кисси. — Это бриллиант?

— Да. А это белое золото, не серебро. Он сказал, что хотел немного другое. — Она вытянула руку и

растопырила пальцы. — Мы еще не определили дату, он ждет, пока его матери сделают операцию на тазобедренном суставе.

— Как давно ты с ним знакома?

— Всего три месяца, я знаю, это сумасшествие, но мы общались по Интернету еще с Рождества.

Элли подмигнула мне.

— Я познакомилась с ним через Интернет — «Веб-сердца», так назывался сайт. Это совсем просто. Тебе следует попробовать, Кэтрин. Там все всех находят. Тебе стоит попробовать.

А тебе следует попробовать засунуть себе два пальца в глотку, подумала я.

— Меня не интересуют мальчики, — сказала я.

— У нее экзамены, — сказала Кисси, она подошла и похлопала Элли по руке. — Я рада за тебя, дорогая, а когда он разводится?

Я отправилась домой в ужасном настроении. Небо было все затянуто тучами, и начал капать дождь, когда я сошла с автобуса. Не знаю, почему я так разошлась? Какое мне дело до этой толстухи Элли?

— Полл! Полл! — закричала я из прихожей.

Тишина. Должно быть, она у Собачника. Я потопала наверх, в ванную, и заперла дверь. Потом бросилась на колени, откинув крышку сиденья туалета так, что та стукнулась о бачок, и запихнула пальцы в рот. Волна облегчения поднялась вместе с лепешкой, гнев и напряжение вылились в унитаз. Меня рвало так, что заболела диафрагма, а после я положила голову на край унитаза.

— Попроси Дикки посидеть с Полл, если она будет возмущаться, что ее оставляют одну. Они

могут смотреть телик, он так забавно все комментирует по ходу действия, — сказала мне Кисси.

Я обещала подумать, что я и сделала, хотя знала, что все равно ничего не выйдет. Проще звезду с неба достать, чем получить разрешение пойти одной в ночной клуб.

Еще один домашний сюрприз ждал меня, когда я решила спуститься вниз. Полл уже вернулась домой вместе с Собачником. Они тащили довольно большую картонную коробку, держа ее с двух сторон.

— Теперь осторожно, — сказал Собачник, — если не хотите повредить их.

— Она не тяжелая, но ужасно неудобная. Сюда. — Полл опустила свой край коробки на стол, потом увидела меня. — Пойди посмотри, что сделал Дикки.

Полл раскрыла коробку и вытащила двухфутового садового гнома.

— Боже! — сказала я.

— Я их обожаю. Посмотри на этого, он сидит. А у этого ежик на башмаке.

— Белка. Тут форма немного неровная. Если смогу сделать еще, попробую продавать их, — сказал Собачник, глядя гнома по голове, как будто это был новорожденный.

Я осторожно взяла одного в руки.

— А почему у него какие-то отметины всюду? Будто он оспой переболел.

Полл недовольно сморщилась:

— Ты во всем находишь плохое.

— Это пузырьки воздуха. Я над этим работаю. Может, надо добавлять в смесь больше воды. Если

наносить краску толстым слоем, она заполняет все щербинки.

Я поставила гнома на стол и увидела, что мои ладони стали красными.

— Господи, вы это видели? Краска сходит. Что это за краска, Дикки?! Чем, черт возьми, ты их намазал?!

Собачник выглядел огорченным.

— Это остатки из набора.

— Покрой сверху лаком, и все будет в порядке, — сказала Полл. — И не вытирай руки о диван, Кэтрин, я все вижу! Пойди и возьми тряпку для мытья посуды.

Когда я вошла, с трудом отмыв руки от краски под краном на кухне, Полл расставляла гномов в живописную композицию.

— Они выглядят очень мило, правда? А этот похож на Патрика Мура.

— Дикки, — сказала я, — из чего ты их сделал? Они что-то слишком легкие.

— Из гипса.

— А что с ними будет, если пойдет дождь?

— Мне самому интересно.

— Умник. Интересно, что дальше: ванночка для птиц, сделанная из мыла? Шоколадные солнечные часы?

— Не обращай на нее внимания, Дикки. — Полл отступила, чтобы полюбоваться фигурками. — Они просто великолепны. Я поставлю их за домом, у ограды. Бьюсь об заклад, соседи обязательно захотят таких же, когда увидят.

— Может, стоит подождать, пока я покрою их лаком? — сказал Дикки, нахмурившись.

— Ерунда! И так сойдет.

Ну вот, теперь она на меня обозлилась. Эти гномы будут стоять, где ей вздумается, или она умрет.

Я молила Бога, чтобы пошел дождь, а когда до девяти вечера дождь так и не начался, наполнила лейку водой и заступила на муссонную вахту. Полл обнаружила меня, в темноте поливающей гномов.

— Посмотри-ка! — Я указала на теряющие очертания фигурки. — Они слегка похудели, не так ли?

— Знаешь, в чем проблема? — сказала она. — Ты не выносишь, когда другим что-то удастся сделать. Ты всегда должна быть самой умной. У тебя точно не все в порядке с головой.

Она поместила меня в спальню, набитую темной довоенной мебелью. Эти ромбовидные орнаменты я не забуду до конца жизни. Книги Роджера были повсюду, а я толстела день ото дня.

— Здесь будет больше места, когда он уедет в Шеффилд, ведь он возьмет с собой все свои бумаги и одежду, — сказала Полл (так звали женщину). — Я предлагаю тебе побыть здесь и отдохнуть. Незачем выходить, здесь есть даже ночной горшок. Располагайся.

— Мне надо идти в школу, — сказала я. — Кажется, скоро экзамены. У меня будут экзамены?

— Подержи ноги поднятыми вверх, я принесу тебе «Овалтин». Роджер съедает коробку в неделю.

— Мне нужны мои книги. Мне нужно повторять пройденное.

— Послушай, — сказала Полл, — ты пропустила их. Экзамены закончились. Ты не могла их сдать. И не надо плакать, эта страница перевернута. Ты пьешь с сахаром или без?

Вернувшись из города, Роджер привез мне букет гвоздик.

— К несчастью, — сказала Полл.

Роджер рассмеялся ей в лицо:

— Как это гвоздики могут быть к несчастью? Ты простофиля, мать.

— Гвоздики — это для девушки, — сказала она мрачно.

Могу поклясться, она производила впечатление более беременной, чем я.

Винс сидел за обеденным столом и изучал расписание поездов. Впалые щеки, набриолиненные волосы зачесаны назад.

— Твой отец немой? — спросила я Роджера в тот вечер, после того как Полл и Винс ушли наверх.

— Нет. У него просто пропала охота жить, — сказал Роджер.

— Ты ведь не оставишь меня здесь с ними? — спросила я.

— У нас есть время все обдумать, — сказал он, и в этом была злая ирония, потому что жить ему оставалось всего семь месяцев.

Глава девятая

— Я собираюсь летом подработать, — объявила я Полл через кровать, которую мы убрали.

— Вы ее только послушайте! — воскликнула Полл, хотя в доме не было никого, кроме нас.

— Просто мне иногда нужны деньги, а у тебя их не допросишься. Я не вижу альтернативы.

Я резко выхватила простыню из ее рук. Она потеряла равновесие и, ругаясь, повалилась на кровать.

— Ой, извини, пожалуйста, — приглушенным голосом проговорила я. — Я не думала, что так получится. С тобой все в порядке?

— Перестань притворяться! — Она с трудом поднялась на ноги и свирепо взглянула на меня. — Если бы я не знала тебя, я бы сказала, что ты сделала это нарочно. Не знаю, что вселилось в тебя последнее время, раньше ты была такой тихой! Откуда эта враждебность? Что еще за работа?

— Работа, которую я смогу найти после того, как сдам экзамены. Может, секретаря.

— Но ты не умеешь печатать.

— Тогда продавщицы в магазине.

— Ты не сможешь. Работа с незнакомыми людьми, которым надо угодить. Ты знаешь, что, когда обслуживаешь покупателей, непременно нужно смотреть им в глаза?

Я сделала глубокий вдох, задержала дыхание и медленно выдохнула:

— Девочки в школе подрабатывают, продавая билеты в киоске. Сидишь себе, берешь деньги и выдаешь билет. Пустячное дело. Можно сидеть с книгой, читать целый день, если захочется. Мне кажется, я могу с этим справиться.

— Какие еще билеты?

— Благотворительные, не волнуйся, все легально. Много не заработаешь, но, девочки говорят, платят сразу наличными.

Полл скорчила гримасу:

— Подумай, ты такая ранимая! В киоске, одна, ты станешь легкой добычей мошенников всех мастей. Ты привлекаешь этот тип людей, сама знаешь. Попадешься на крючок, прежде чем успеешь сообщить, что происходит.

Если когда-нибудь случится так, что Полл скажет мне: «О, это хорошая мысль, я согласна!» — я побледнею и упаду в обморок. И пробуду в коме несколько недель, а врачам придется проигрывать записи Кэрол Энн Даффи, чтобы я пришла в сознание.

Я стояла очень прямо и надевала на подушку чистую наволочку.

— Мне нужно начать чем-то заниматься, хоть чем-то. Через три недели экзамены закончатся. Что мне после этого прикажешь делать со своей жизнью?

Полл открыла рот, чтобы заговорить. Я ждала.

— У тебя еще столько лет впереди... — начала она. Внезапно внизу, у ее ног, раздался ужасный вопль. — О, наказание! — вскрикнула она. — Я наступила на Уинстона.

Я перегнулась через кровать и подняла его. Он вообще уже почти ничего не весил.

— Я наступила тебе на лапку? Бедный, бедный, тебе не очень больно? — Полл нежно гладила его поседевшую голову.

Я одну за другой осмотрела его лапы и не нашла никаких видимых повреждений.

— Он лежал на грязных простынях, и я его не заметила. Бедняжка! — Она взяла его рукой под подбородок. — Посмотри на эту мордочку: у него глаза совсем тусклые.

Мне он не показался таким уж больным, но пускай Полл посюсюкает, если ей так хочется. Я взбила подушки, подоткнула простыни со всех сторон, постелила одеяло и легкое покрывало, а Полл в это время сидела в кресле Ллойда Лума и качала на коленях собачку. Получился бы неплохой сюжет для коллекционного блюда *«Верный Приятель: обратите внимание на восхитительную деталь – плетеные замшевые тапочки и оцените мастерство, с которым сделаны крошечные кисточки на изнанке кардигана»*.

Она подняла голову и сказала:

— Он стареет.

— Да, — сказала я.

Мы обе подумали о том, что Уинстон скоро умрет. Я не хотела, чтобы это случилось.

— Я приготовлю обед, хорошо? Праздничный пирог еще можно есть или его выбросить?

Она положила Уинстона на кровать и спустилась следом за мной. Когда я нарезала куски пирога огромным острым ножом, она вошла и шлепнула рукой по столу.

— Вот! — недовольно бросила она. — Если это так важно. Очень может быть, что зимой нам не на что будет обогреть дом.

«Хватит трепаться, — подумала я, разворачивая пятифунтовые банкноты. — Тридцать фунтов!»

— Спасибо, — пробормотала я.

Вероятно, это было мое детское пособие.

— И все-таки я понятия не имею, для чего они тебе. У тебя все есть. Нынешняя молодежь хочет, чтобы ей все поднесли на блюдечке. Когда я была маленькой, мне сшили праздничную блузку из пары маминых летних брюк, которые она не носила. Розовый шелк. И блузка была очень нарядной. А когда я стала девушкой, у меня не было ни одного платья из дорогой материи.

Один быстрый удар ножа, и я никогда больше не услышу этих историй о трудностях военного времени. Я могла бы вытереть кровь о чайное полотенце «Бейлиз» и продолжать резать пирог. И любой суд присяжных в этой стране меня бы оправдал.

К сентябрю я чувствовала себя бегемотом.

— Подожди. Тебе еще многое предстоит вытерпеть, — сказала Полл. — Приготовься к тому, что едва сможешь двигаться. Бывает, срок затягивается, как у

меня получилось с Роджером. Эти последние шесть недель ужасны.

В тот день поздно вечером Роджер повел меня на улицу, насладиться вечерней прохладой. Мы уселись на низкую стену перед домом. Я смотрела на дом напротив, а он прислонился спиной к столбу ворот. Звезды были едва видны. Я искала глазами Орион.

— Смотри, — сказала я. Я думала, это его обрадует. — Я сейчас кое-что заметила. Если я смотрю прямо на ту крошечную звезду слева от кольца Ориона, я ее не вижу. Она исчезает. Но если я поворачиваю голову и смотрю на нее искоса, она снова возвращается. Это волшебство. Это волшебство? Волшебная звезда?

Он с помощью маникюрных ножниц срезал эмблему с колена своих джинсов.

— Нет, — сказал он скучным голосом, — так функционируют рецепторы глаз. — Эмблема отходила, нитка за ниткой. — Рецепторы в углу глаза лучше различают световые изменения, а рецепторы в центре лучше подбирают цвет. Так что если хочешь увидеть что-нибудь слабое, но монохромное, лучше смотреть искоса.

— Это поразительно, — сказала я.

— Это всего лишь наука, — сказал он. Эмблема полностью отделилась, и он бросил ее через плечо в кусты роз. — Я уезжаю в среду. Ты знаешь?

Я кивнула.

— Ты едешь с нами?

На мгновение я подумала, что он предлагает мне ехать вместе с ним в Шеффилд. Надежда внезапно прилила к моему сердцу, как кровь к лицу.

— Винс едет, чтобы помочь мне распаковаться. Ты можешь поехать со мной на «Metro» и вернуться вместе с

ним в «Marta». — О своей машине он говорил с придыханием. В начале августа, в его день рождения, Винс ездил с Роджером посмотреть на машину, потом внес залог, и они забрали ее в день объявления результатов экзаменов.

— Не знаю, хочу я или нет, — прошептала я, глотая подступившие слезы.

— Ради бога, только не надо меня сейчас ни в чем обвинять! — закричал он, всплеснув руками, совсем так, как это делала Полл.

Огромным усилием воли я подавила слезы.

— Со мной все в порядке. Все нормально. Хочешь, я выну оставшиеся нитки? — У него на джинсах остались следы ниток после эмблемы.

Он кивнул. Я наклонилась и начала одну за другой вытаскивать нитки.

— Не надо раскисать, — сказал он, увидев, что я немного успокоилась. Я постаралась улыбнуться. — Потому что нам нужно заботиться об этом ребенке.

И ни слова о том, чтобы заботиться обо мне.

После того как мы с Винсом вернулись домой в тот вторник, я пошла наверх, в комнату Роджера, чтобы хорошенько выплакаться. Но дверь оказалась запертой, и мне было слышно, как там рыдает Полл.

В общем, я взяла деньги и отправилась в Болтон, чтобы потратить их на нормальную одежду. Где-то на задворках моего сознания слабая, как тень в облачный день, маячила мысль, что, может быть, если мне попадется подходящий наряд, я пойду на вечеринку к Донне.

Мне не позволялось бывать в городе одной, пока не исполнилось шестнадцать. Полл считала, что это

слишком опасно, а я не особенно возражала. Если мне нужно было что-нибудь купить, например шоколад или книги, я могла подняться на гору в деревню или спуститься в Харроп, самый маленький город во вселенной. Основательный шоппинг с поездкой на автобусе у меня ассоциировался с ужасной скукой: тащиться вслед за Полл, у которой в руках куча пакетов и коробок, смотреть, как она читает, что на них написано, не пропуская даже самый мелкий шрифт. Вынимать для нее монетки из потрепанного старого кошелька. Бросать виноватые взгляды на продавцов, которым она нагрубила.

— Вы что, не видите, что я наполовину слепая?

— Да, мадам, но вы не можете возвращать мыло, если вы им уже пользовались.

— Да ничего подобного! Мне почти семьдесят, как вы смеете!

Но когда я получила сертификат о среднем образовании, произошло чудо, и мне было дозволено одной ездить на 214-м автобусе при условии, что я не буду садиться рядом с мужчиной. Эта внезапная перемена могла иметь какое-то отношение к тому факту, что Полл настоятельно требовалось, чтобы я присмотрела новую газовую плиту, так как она лежала в постели с простудой, а Собачник уехал на неделю в Бармут.

— Перестань говорить ерунду, — хрипела она сквозь большой белый носовой платок. — Я все для тебя записала. — Огромные буквы, написанные шариковой ручкой, танцующие между строчками в моем блокноте. — Что такого может случиться?

И хотя в тот день случился бомбовый психоз, и вокруг аптеки «Бутс» все было оцеплено, я обвин-

тилась в толпу сторонников «Болтонских странников», певших неприличные песни, и вернулась домой невредимой.

На тридцать фунтов вряд ли купишь много новых нарядов, но можно кое-чем поживиться на распродажах. Я нашла расклешенную юбку до лодыжек, черную с серыми цветами, и длинную черную блузку с белым воротничком и манжетами.

— Она вам идет, — неожиданно сказала женщина за прилавком, когда я вышла из примерочной, чтобы лучше рассмотреть себя в зеркале.

Я покраснела и задернула занавеску. Из-под юбки торчали мои коричневые школьные туфли. Тяжелый труд — создавать новый образ.

Потом я пошла в универмаг посмотреть, что есть в обувном отделе. Вдруг они продают последнюю пару каких-нибудь отпадных туфель за двадцать один фунт?

Бродя вдоль прилавков с косметикой и духами, я, к своему удивлению, обнаружила, как много товаров носит название продуктов, которые ты ешь. Виноград, леденцы, вафли тоффи, ваниль, а также вишня, сливочная помадка и корица. Неплохо придумано. Девочка-подросток так занята борьбой с калориями, что за милую обойдет настоящую тоффи, но все-таки она ужасно ее хочет. Я видела этих девочек, тощих, словно гончие, как наркотик вдыхающих шоколадный запах блеска для губ.

Даже тушь для ресниц именовалась лакричной. Я взяла одну и прочла сбоку краткую аннотацию: «2000 калорий». Это не могло быть правдой. Как может тушь для ресниц содержать две тысячи калорий? Значит, от нее можно растолстеть так же,

как от целой пачки печенья? Если съесть. А если не есть?

— Я могу вам помочь? — проговорила продавщица.

Я бросила на нее быстрый взгляд. Гладкое овальное лицо, ровные арки бровей, пухлые губы. Ненамного старше меня.

— Ой, извините. Я только... Я не пользуюсь...

— Они довольно устрашающие, все эти цвета, правда? Иногда сюда заходят женщины, которые, если честно, выглядят, как клоуны. Можно подумать, что они пользуются цветным кремом для обуви вместо косметики, ей-богу. И самые ужасные — это те, которые в возрасте, — она захихикала и наклонилась ко мне. — Я работаю в этом магазине всего неделю, но, думаю, к субботе меня здесь уже не будет.

Я не знала, что сказать. Изобразив вежливую улыбку, я стала потихоньку двигаться к выходу.

— Вот что, — она вышла из-за прилавка. — Могу я предложить вам набор пробников? Я могла бы показать, какие оттенки вам идут. У вас оливковые тона, так что вы будете выглядеть потрясающе вот с этими тенями, а если наложить вот этот тон, чтобы убрать красноту со щек... Да, эти зеленые тени выглядят немного кричаще, но, клянусь, они вам действительно идут. У вас прекрасной формы брови, мы их немного подчеркнем темным карандашом и придадим чертам лица чуть больше отчетливости.

Я покачала головой:

— Нет, спасибо. Я не употребляю косметику. Бабушка говорит, от этого портится кожа.

— Хорошо, — ее лицо слегка вытянулось, — не хотите ли новый дневной крем? Вы можете попробовать его дома, он проверен дерматологами и наверняка улучшит вашу кожу, потому что содержит светофильтры от ультрафиолетовых и инфракрасных лучей. Потом, если захотите, вы можете прийти сюда как-нибудь, и я покажу, как смешивать его с жидкими румянами, которые прекрасно подчеркнут ваши скулы.

Я потянулась за сухими духами, просто так, чтобы хоть что-то взять, и случайно коснулась ее руки. Она была очень маленькой и темно-красной, контрастируя с ослепительно белой манжетой ее халата. Я не вглядывалась, однако мне показалось, что на руке нет по крайней мере двух пальцев. Ее другая рука, порхающая по клавиатуре дисплея, была красивой, с длинными наманикюренными ногтями.

Ожог? Или это от рождения? Ее глаза встретились с моими, но в них я не увидела ничего, кроме желания услужить.

— Давайте попробуем. Вы ведь хотите этого? — Она улыбнулась. — Если я сделаю вас похожей на Лиз Хёрли, скажете моему начальнику, ладно?

— Хорошо, — сказала я.

— Тогда садитесь вот сюда, на стул.

Я повиновалась, хотя мое сердце глухо стучало от волнения.

— Боюсь, вы не найдете у меня скул.

— Спорим, найду?

Закончив, она повернула меня к зеркалу, чтобы показать результат.

— Я не парикмахер, — сказала она, — но мне кажется, что, если бы вы использовали какие-ни-

будь распрямители для волос и слегка подровняли их по краям, вам бы очень пошло. Сейчас ваши волосы падают на лицо, и никто его не видит.

Мой совершенно изменившийся вид заставил меня нервно захихикать. Продавщица тоже засмеялась, но только не так истерически.

— Я выгляжу, как кто-то другой. Похоже на эффект, когда переходишь от черно-белого изображения к цветному.

Я не могла оторвать глаз от зеркала. Я никогда не считала себя красавицей, но теперь, в зеркале, я видела, что называется, чертовски привлекательное личико. Короче, я была в полном порядке.

Она тем временем выдвигала ящики и вынимала оттуда маленькие коробочки.

— Нашла для вас кое-что. — Она протянула мне небольшой бумажный пакет с веревочными ручками. — Сюда я положила почти все, что нанесено на ваше лицо, помада не точно такая, но очень близкая по цвету. У нас нет сейчас таких теней, зато есть жидкие румяна, и я положила вам крем-основу и флакончик пробных духов.

В голове крутились слова Полл: «Она сделала это только из чувства противоречия». Я ведь просто-напросто хотела спросить ее насчет туши для ресниц, и вот чем все закончилось. Я чуть не упала в обморок, узнав, что все это стоит четырнадцать фунтов. Четырнадцать фунтов. Но я заплатила.

— Это немного дороговато, не так ли? Но вы именно то, за что платите: качество действительно хорошее, косметика будет долго держаться в отличие от дешевой косметики, которая осып-

лется, куда вы дойдете до автобусной остановки.

Она захлопнула кассовый ящик и широко улыбнулась.

— Идите и сразите их наповал. И не забудьте о выпрямителе для волос.

«Как ты думаешь, на кого ты похожа?» — сказал голос Полл, когда я вышла на улицу, где все могли меня видеть. Я хотела было дотронуться до накрашенных губ, но удержалась, потому что, начав трогать, можно все испортить.

По дороге к автобусной остановке я заметила пару черных ботинок с низкими рифлеными каблуками в витрине магазина для бедных. «РАСПРОДАЖА ОБУВИ» — гласил плакат на дверях. Я вошла в магазин, померила понравившуюся пару, которая оказалась моего размера. Я заплатила за нее четыре фунта, и мне даже показалось, что ее никто не носил.

Извращенцы почему-то не липли ко мне в автобусе. Я села у окна, так что могла видеть свое отражение, когда мы въезжали в туннель. Никогда больше не будет такого замечательного дня, как этот.

Когда автобус подъехал к моей остановке, я принялась соображать, где можно стереть с лица всю эту косметику, чтобы Собачник не исполнил в честь нее песню или танец и не растровожил Полл. Хотя Полл могла бы сама все заметить, если бы я встала напротив света. Воображаю, что бы она сказала. «Ты что, хочешь привлечь к себе сексуальных маньяков?» Или: «Вот на что ушли деньги за отопление?» Или: «Ты громоздкая, как гора, этого не скроет никакая косметика».

Я почувствовала, как у меня в животе от волнения заурчало, а тело вообще онемело, когда, выйдя из автобуса, я представила себе лицо Полл. Как раз когда мысленно вступила с ней в спор, я почувствовала на себе чей-то взгляд.

Он был моего роста и примерно моего возраста. Густые, слегка вьющиеся темные волосы, белая рубашка со старомодным отложным воротничком и черная жилетка сверху, как у цыгана. Его можно было назвать красивым, хотя шея была толстовата. Он прислонился к стене Физеров и курил; я бы не удивилась, если бы это оказалась травка.

Опустив голову, я прошла мимо.

— Эй, — окликнул он сзади, — эй, подожди!

Я ускорила шаги, что как раз не советуют делать в «Криминальных новостях», и собралась перейти на другую сторону дороги.

— Подожди! — закричал он снова. — Кэтрин!

Я остановилась как вкопанная.

— Кэтрин Миллер! Подожди меня! Мне надо сказать тебе несколько слов!

Была середина дня, и мы находились рядом с оживленным перекрестком. Если бы он потащил меня в кусты, чтобы совершить мерзкое сексуальное преступление, ему пришлось бы проделать это при множестве свидетелей. Я обернулась и мрачно посмотрела на него.

— Привет, — сказал он, кидая окурок за ограду и засунув за ремень большие пальцы. — Не возражаешь, если я провожу тебя домой?

— Что?!

— Я хочу поговорить с тобой.

— О чем поговорить? — Я сжала ключи в кулаке, так что бородака торчала между пальцев. Очень эффективное оружие, если ударить в глаз, и вас не смогут обвинить, как если бы вы саданули кого-нибудь булавой, символизирующей власть спикера Палаты общин.

Он сделал шаг ко мне.

— Я не могу все высказать в двух словах. Позволь мне пройтись с тобой немного. Хотя бы до пило-рамы.

Я не могла определить его акцент, но он был не местный.

— Откуда ты знал, по какой дороге я пойду?

— Все очень просто, — сказал он спокойно, — я знаю, где ты живешь.

У меня теперь всегда Фил Коллинз будет ассоциироваться с жуткой болью. Каждый диджей считал своим долгом поставить «Ты не можешь торопить любовь», это был буквально вечный хит. По мне лучше бы стояла тишина, но Полл сказала, что радио отвлечет меня от боли.

— Когда мы поедем в больницу? — постоянно спрашивала я.

«Дыц-дыц-дыц-дыц-о-дыц», — вступал Фил.

— У тебя еще куча времени. Я столько ждала, пока у меня начнется с Роджером. В больнице будут недовольны, если ты приедешь слишком рано. Походи немного. Будь активной.

Мне уже было все равно — стоять, лежать или ходить.

— Когда приедет Роджер?

— Около часа назад мы получили послание из Шеффилда. Он придет как только сможет. Он хороший парень. Надеюсь, он будет осторожен, столько маньяков на дороге!

Он позвонил во время чая. Ну вот, подумала я, пришло время действовать. Когда Полл принесла телефон вниз и повернулась ко мне, я, держа в кулаке ее фарфоровую фигурку нищенки, крикнула:

— Я разобью ее о камин! СИЮ МИНУТУ! Если вы не отвезете меня в больницу!

Она поспешно вышла во двор, где Винс строил из камней импровизированный сад. Он начал во время ланча. Там было много битого кирпича. Полл покрутила пальцем у виска, потом увидела, что я смотрю в окно, и сделала вид, что чешет в голове. У меня все еще была в руке эта девочка-нищая. Винс сразу направился в дом, и я дала ему ключи от машины.

Когда мы приехали в больницу, меня сразу же осмотрели.

— У тебя все нормально, — сказала акушерка. — Господи, я бы сказала, что этот младенец уже почти готов родиться. Ты дотянула до последней минуты, не так ли? Не торопись рожать, пока мы не привезем тебя в родильное отделение.

Меня повезли на предельной скорости. Фил в моей голове пел: «Подожди немного».

Самое приятное было то, что взбешенная Полл осталась стоять в коридоре.

Было так хорошо, когда боль отступила, я смогла откинуться назад и закрыть глаза!

Было так хорошо, когда они показали мне ребенка, завернутого в белое!

Было так хорошо, когда Роджер открыл дверь,

хотя к нему немедленно присоединились Полл и Винс!

— Боже, — сказал он, — я загнал эту машину до смерти. Клянусь, мотор чуть не выпрыгнул из капота. Они повесили объявление в фойе, но я был в библиотеке и не видел его, пока не вернулся. Надеюсь, когда-нибудь изобретут телефон, который можно будет постоянно держать при себе.

— Это девочка, — мрачно сказала Полл позади него. Потом она вышла, потянув за рукав Винса.

— Надо же, — сказал Роджер, — это круто! Эй, я ведь теперь отец! — Он быстро заглянул в конверт. Ребенок лежал с полужакрытыми глазами. Его кожа была красной и шелушилась, словно он обгорел на солнце.

Роджер сел на край кровати. Я хотела, чтобы он меня поцеловал.

— Ты уж больно мрачная, — сказал он. — Что, досталось тебе? Почему ты не разрешила моей матери войти?

Я думала, что рождение ребенка заставит его забыть о Шеффилде. Я думала, когда ребенок родится, Роджер останется с нами.

Я никогда не отличалась способностью предугадывать будущее.

Глава десятая

Если вы не имеющая отца лесбиянка, вряд ли вы много знаете о пенисах. Вот вся информация, которая имелаась у меня до сих пор:

- они могут быть крайне опасны;
- они выглядят как ошипанные цыплята;
- их много на греческих вазах, где они изображены направленными вперед, как маленькие дорожные указатели;
- они работают по гидравлическому принципу;
- они состоят из нескольких компонентов, хотя я все еще точно не знаю, из каких.

Я видела огромные пенисы, намалеванные краской на крышах автобусов, и со стороны они чаще всего были похожи на спортивные свистки. На всяких картинках топография яичек и фаллоса казалась мне довольно простой. Но в тех редких случаях, когда я случайно его видела, строение висящих розовых прибабасов было не особенно понятно. Когда мне было семь лет и я совсем ничего не знала, я думала, что у мужчин в штанах есть только одна штука. После той истории с собачкой

я точно знала, что у мужчин имеется по крайней мере два приспособления, которые свисают между ног. Но один мальчик в школе, правда, не особенно заслуживающий доверия, поведал мне, что их вообще-то три. Три? Он использовал выражение «мясо с двойным овощным гарниром». Но тогда я думала, что, может, там щупальца, а не яички, целая куча извивающихся щупальцев, собранных в пучок, как у кальмара. Позже, в средней школе, иллюстрации в учебнике биологии прояснили вопрос с «двойным гарниром». Но даже в восемнадцать я не знала, находятся ли яички в отдельных маленьких мешочках или в одном, большом и мясистом.

Я даже не знала, что представляет собой ужасная катастрофа, которая грозит каждому мужчине.

Я помню день, когда правда об отношениях мужчины и женщины открылась мне во всей своей неприглядности, — через неделю после спасения несуществующей собаки. Эта мысль привела меня в шок, и я в течение многих недель не хотела выходить на улицу, чтобы не нарваться на знакомого мужчину, например, мистера Портера, киоскера, мистера Роуланда, викария, или мальчика — разносчика газет. Хуже всего, что в тот год у нас в школе был один мужчина-учитель — мистер Уокер. И когда он, что-нибудь рассказывая, садился, я представляла себе его пенис, пронзая одежду своим рентгеновским воображением. И когда мистер Уокер вставал, чтобы написать число на доске, я представляла, как пенис в брюках меняет свое положение.

Я усугубляла ситуацию тем, что каждый вечер перечитывала последнюю чертову страницу книги,

выпущенной «Ледиберд», под названием «Ваше тело», и, думаю, в конце концов сошла бы с ума, если бы не летние каникулы.

Весь этот ужас снова нахлынул на меня, когда я на полной скорости устремилась к подножию холма, чтобы оторваться от этого цыганистого парня. Он не собирался насиловать меня, я это поняла, но продолжал звать, кричал, чтобы я остановилась, что ему надо поговорить со мной и что он меня знает. Черт возьми, откуда он мог меня знать? Это явно был проходимец, может, он хотел денег, а может, просто решил посмеяться надо мной. Я была слишком умной и, кроме того, слишком запыхалась, чтобы отвечать. Откуда, черт возьми, он узнал мое имя и мой адрес? Часть меня хотела оглянуться и посмотреть, как далеко он от меня находится, но я была слишком сконцентрирована на том, чтобы поскорее взобраться на холм.

Наконец, когда мои легкие уже были готовы разорваться, а в глазах закружились черные мушки, я разрешила себе остановиться и посмотреть назад. Он стоял на том же месте, уже далеко от меня. Он и не пытался меня преследовать, просто стоял и смотрел. Когда я оглянулась, он поднял руку и помахал. Я отвернулась и, тяжело дыша, продолжила путь. Но даже войдя в дом и захлопнув за собой дверь, я была уверена, что он найдет меня в любое время, когда захочет.

Когда боль усилилась, Роджер стал читать стихи и держал меня за руку во время родов.

— Я бы ни за что не пропустил это, — сказал он, когда мы вместе стали баюкать ребенка, — посмотри на нее! Наша любовь встретилась в биении ее крошечного сердца.

Когда я начала плакать, вспомнив о маме, он вытер мои слезы и сказал:

— Мы должны переживать потери, чтобы новая любовь могла прийти в мир. Это круговорот жизни.

Он всегда знал, что сказать.

Три недели спустя я снова увидела его в библиотеке. Я была в исследовательском отделе и прикидывалась, что просматриваю раздел «Требуется» в «Болтон Ивнинг Ньюс», а на самом деле составляла список десяти своих самых любимых стихотворений Эмили Дикинсон.

Под номером один я поставила «След похорон в моем сознании» и стала спорить сама с собой, что лучше — «О, небеса, вас не могу достичь» или «Когда я умирала — жук влетел». Потом, из всех голосов, внутренних и внешних, мой разум остановился на том, который произнес: «Миллер». Я резко подняла голову и увидела его.

Он стоял и болтал с мисс Мегерой, и меня поразили изменившийся язык ее тела. Обычно она очень чопорная и одновременно бодрая и ей нравится прижимать к груди стопку книг. Но хотя этот цыганистый парень выглядел весьма небрежно и даже экстремально, с длинными волосами и проколотыми ушами, в бандане и кожаных напульсниках, она наклонилась к нему, будто знала его сто лет. Она улыбалась, взбивала свою челку, как дела-

ли девочки в школе, когда разговаривали с кем-то, кто им нравится.

Я услышала, как она сказала: «Это необычное написание» и «у меня была тетя, которая жила в Нантвиче. Я помню, там есть прелестная церковь с квадратной зеленой лужайкой».

— Мы не особенно часто ходим в церковь, — сказал он. — Мама скорее язычница, если она вообще во что-то верит. Но там действительно довольно красиво. Я люблю бывать в храмах, у них сильная энергетика. Особенно в готических.

Когда я смотрела на них, его глаза встретились с моими, и я приподнялась с места. Я могла бы залезть под стол, но было слишком поздно — мисс Мегера повернулась в мою сторону и кивнула головой, потом вышла из-за стола. Он вежливо пропустил ее вперед, и на ее лице промелькнула легкая тень удовольствия.

— Кейт-Кэт, — сказала она, подходя ближе, — тут пришел молодой человек, который хочет с тобой познакомиться.

Словно мы все оказались на великосветском приеме.

— Привет, — сказал он, стоя на почтительном расстоянии, — меня зовут Кэллум. Кэллум Тернер.

Широкая улыбка, взлет бровей. Я заметила, как то ли бусы, то ли что-то в этом роде блеснуло у него на груди.

— Кэллум составляет свое семейное древо, — сказала мисс Мегера, с улыбкой взглянув на меня. — Он путешествует по всей стране и ищет дальних родственников.

— Еще только собираюсь. Это моя, так сказать, первая остановка.

Не глядя на него, я повернулась к мисс Мегере.

— Я не знаю никого по фамилии Тернер. Полл никогда не упоминала никаких Тернеров.

Мисс Мегера наклонила голову, как бы приглашая его говорить.

Он сказал:

— Возможно, я твой кузен. Я думаю, хотя, может быть, и ошибаюсь, что моя мама — сестра твоей мамы.

Краска бросилась мне в лицо. Наверное, я стала красной, как свекла, потому что мисс Мегера сказала:

— Пройдите в кабинет. Там вы сможете полчасика пообщаться наедине. — Я не шелохнулась. — Идите. Я не всем это предлагаю. — Она подошла ко мне и взялась за спинку моего стула. Я встала.

— Моей мамы здесь нет, — сказала я, проглотив комок в горле. — И мы не знаем, где она. Она убежала девятнадцать лет назад, когда я была маленькой, о боже, может, ты знаешь, где она живет?

— Нет, — сказал Кэллум, — извини. Как жаль.

Мисс Мегера перевела взгляд с меня на него и обратно и подтолкнула нас по направлению к пустому кабинету.

Когда мы почти подошли к нему, мисс Мегера взяла меня за руку и потянула в сторону.

— Извини, мы только на минуту, — сказала она Кэллуму, потом понизила голос. — Если у тебя нет желания с ним говорить, Кэт, только скажи. Я решила, что ты захочешь встретиться с человеком, который знает о твоей семье, но я и подумать не

могла, что он сделает сообщение такой важности. Мне в голову не приходило. Должно быть, я поступила опрометчиво. Так что, пожалуйста, не думай, что тебе обязательно с ним говорить.

— Нет, я поговорю.

— Возможно, тебе будет больно услышать какие-нибудь не очень хорошие новости. Ведь ты же не знаешь, что именно он собирается тебе сказать. Может, вовсе ничего не скажет.

— Я понимаю.

Мисс Мегера взглянула на меня.

— Ты хочешь, чтобы я осталась?

— Но вы ведь не можете. Вы должны быть в зале.

— Мисс Оллертон может заменить меня... Хотя нет, ты права... Я должна быть там. Но я сразу же приду, если понадобится. Хорошо?

— Не говорите никому, что он только что сказал, хорошо? Вообще никому. — Я почувствовала дрожь в своем голосе.

— Конечно, не скажу. Это ведь не мой секрет. — Она проводила нас до двери, вошла и быстро оглядела комнату. — Сделайте кофе, если захотите, чайник вон в том углу. Там же есть шоколадные пастилки. Не трогайте только этот пакет с бананами мисс Оллертон. Передвиньте вон те каталоги, вот так. Я вернусь минут через двадцать.

Потом дверь закрылась, и мы остались одни.

— Это большая честь, — услышала я свой голос.

— Что, говорить с тобой? Я это знаю. Мне повезло.

— Нет, — пробормотала я, — что она пригласила нас сюда. Это территория мисс Стокли. Ей прина-

длежит вся библиотека, ну не совсем, но она считает себя здесь полноправной хозяйкой. А этот кабинет — что-то вроде святилища.

— Procul, o procul este, profani, — сказал Кэллум.

— Ты знаешь латынь?

— Меня научила мама. Это из Виргилия. Я и греческий знаю немного. Мы будем пить кофе или что?

Он встал и включил чайник, а я в это время думала о сталкивающихся скалах и водоворотах. Если ситуация выйдет из-под контроля, все, что мне нужно сделать, это открыть дверь и выйти.

— Теперь обо мне. Мне семнадцать, и я учусь в шестом классе в Крю-колледже. — Он прошелся по комнате, взял жестянку с кофе, открыл пакеты с молоком. — Живу в Нантвиче, в Чешире, вместе с мамой, которую зовут Джуд. У нас квартира над книжным магазином, где я иногда подрабатываю, хотя большей частью сижу и читаю, вместо того чтобы обслуживать покупателей. К счастью, владельцу магазина нравится моя мама, хотя он ей совсем не нравится, потому что он старый. Мой отец исчез с нашего горизонта, когда я был совсем маленький, но и я не думаю о нем, потому что моя мама равнодушна ко всему этому. Она особо не парится насчет мужчин, есть только я и она, нам хорошо вместе. Моего лучшего друга зовут Сэм Хэслам, мой любимый фильм всех времен «Собачий бассейн», я ненавижу «Макдоналдс» и мечтаю купить небольшое поместье на северо-западе Шотландии. — Он поднял кофейник, чтобы налить кофе, и замолчал. — Это все. Моя жизнь уложилась

в пятнадцать секунд. Вы имеете то, что видите, я человек открытый.

Мое сердце стало биться немного медленнее. Это была маленькая тихая комната. Поставить сюда кровать, и я смогла бы устроиться здесь довольно комфортно. У всех предметов здесь было свое место: ручки скрывались в пластиковых футлярах, книги на полках стояли в алфавитном порядке стройными рядами, даже карандаши лежали строго в ряд. В такой обстановке я могла бы здесь поработать под началом мисс Мегеры.

— Извини, что я тогда убежала.

Он коротко рассмеялся:

— Забей. Не стоит извинений, Кэт. Это моя вина, я все сделал не так, как надо, глупая башка! Ты, должно быть, подумала, что я сбежал из тюрьмы. Странно, что полицию не позвала. Просто я появился слишком внезапно.

— Ты выглядел стремно.

— Кто, я? Ха-ха, мне это нравится. — Он радостно помахал в воздухе чайной ложечкой. — Мои друзья просто отпали бы, если бы услышали, что ты сказала. В колледже у меня кличка Мэри. Мой девиз: «Если есть проблемы, можно от них сбежать!» Но все равно извини, что напугал. Я просто хотел поговорить с тобой о семье. Тебе с сахаром? А, его здесь нет. Нет, вот он.

Он поставил передо мной кружку, уселся на стул напротив, потом пододвинул коробку с печеньем на середину стола. Я отрицательно покачала головой. Аппетит исчез напрочь. Он сидел так близко, что я могла видеть черную щетину на его подбородке и волоски на запястьях. Когда он говорил,

на шее приподнималась и опускалась цепочка. Какой я ему показалась? Был ли он разочарован? По нему ничего нельзя было понять. Из всех сил я старалась сидеть спокойно и не вертеться на стуле.

— Так, значит, твоя мама учительница? — спросила я скорее чтобы прервать тишину, чем оттого, что мне это было интересно.

— Шутишь?! Ну да, она меня учила. Я получил шесть сертификатов о среднем образовании, но никогда не появлялся в средней школе. А сейчас я учусь в колледже только для того, чтобы посмотреть, смогу ли получить хоть пару «а» в конце следующего года. Мама не верит в официальное образование, она считает, что оно подавляет индивидуальность. Школа подавляла ее индивидуальность; она постоянно бунтовала против системы. Потом поступила в университет и совсем сошла с рельсов.

— Что она сделала?

— Ну, для начала она сделала меня. — Он рассмеялся. — Ко всеобщему удивлению.

Я поежилась от совпадения:

— Она старше моей мамы? Почему они не поддерживают отношений?

— Я ничего не знаю о твоей маме, вообще ничего. Извини. Мама ни слова о ней не говорила. Я смог вытянуть из нее лишь сведения о том, как твоя мама увлеклась человеком по имени Роджер Миллер, и что имя его матери Полианна. Полианн здесь не так много. Вот как я нашел тебя. Но, думаю, у них произошло с моей мамой что-то вроде сильной ссоры, потому что она не рассказывает даже

об их детстве. Это как закрытая книга. Мне кажется, она и не знала, что ее сестра исчезла. Сколько, ты сказала, восемнадцать лет назад?

— Ты ей расскажешь об этом?

— Не знаю. Все эти изыскания я делаю только для себя и не хочу без необходимости огорчать свою мать. Для нее есть что-то действительно болезненное в прошлом, о котором она не хочет говорить.

Рисунок Филипа Пуллмана добродушно смотрел в затылок Кэллumu. «Знаешь, я испытываю вполне естественное смущение в присутствии незнакомого человека», — хотелось мне сказать. Но ситуация была слишком необычной. Сердце стало замедлять свое биение, и я была готова сказать ему что-нибудь в ответ.

— Дома мы не говорим об Элизабет, потому что моя бабушка ненавидит ее. Просто не выносит. Не хочет, чтобы упоминали ее имя.

Как мне выразить сложный клубок эмоций, связанных с моей матерью?

— Потому что она убежала и оставила тебя?

— И это, и... Полл — моя бабушка — считает, что Элизабет виновна в смерти моего отца.

У Кэллума отвисла челюсть.

— Черт! Какой ужас! Это действительно так?

— Да, по правде говоря. Господи, ты действительно хочешь об этом услышать?

— Если ты хочешь мне рассказать.

Через дверное стекло я увидела, как мисс Мегера помахала мне рукой. Я поняла, что слишком взволнована. Ну что ж. Буду взвешивать каждое слово.

— Почему бы нет? Если ты мой родственник, думаю, тебе можно об этом узнать. Это не такой уж большой секрет, его знает каждая собака в нашей деревне. Но дома мы об этом не говорим. Полл однажды мне рассказала, как все произошло, но потом, сколько я ни расспрашивала, как будто язык проглотила. Кое-какие детали знает моя двоюродная бабушка Кисси.

Я глубоко вздохнула.

— Они ехали в его машине, возвращались из Шеффилда, и начали спорить. Не знаю, о чем. Полл говорит, они всегда спорили. Элизабет очень жалела о том, что вынуждена отказаться от мысли об университете и сидеть дома с ребенком. Она забеременела, когда училась в школе, а ведь это очень тяжелое испытание. И она не могла простить отцу того, что он свободен, возможно, поэтому они и ссорились.

Кэллум, нахмурившись, наклонился вперед.

— И что случилось? Они разбились?

— Да. Она внезапно схватила руль, а навстречу ехал грузовик... Она все признала на следствии. Она даже не пыталась скрыть свою вину. Она совсем не пострадала, ни царапины. К счастью, я была дома вместе с Полл. Мне тогда было несколько месяцев.

— Господи, — вздохнул Кэллум, — значит, твой отец погиб сразу?

— Думаю, так. В новой машине, которую ему подарили на восемнадцатилетие. Мир Полл рухнул, и она обвинила в этом своего мужа Винса и Элизабет.

— Но почему Винса?

— Наверное, потому, что он купил эту машину. Я думаю, она ненавидела всех, но больше всего —

мою мать. Меня не удивляет, что Элизабет сбежала, а не осталась жить в этом доме, наполненном ненавистью. Ты, наверное, считаешь, что ей надо было забрать меня с собой, не так ли? Какая нормальная мать оставит своего ребенка у женщины, которую терпеть не может? Хотя, извини, ведь она твоя тетя, может, ты думаешь иначе.

Кэллум выглядел ошеломленным.

— Не знаю, что и думать, — сказал он.

— Потом Винс ушел тоже, чуть ли не одновременно, так что остались только мы с Полл, с тех пор это вся наша семья. Она узаконила это, удочерив меня, когда мне было около четырех, хотя иногда мне кажется, просто она слышать не хотела о Кэслах. Кэсл — фамилия моей матери, а значит, и твоей тоже. Мне хотелось бы сказать, что мы так же дружны, как ты с твоей мамой, но это не так. Я присматриваю за ней, потому что она беспомощная и нуждается во мне, но в то же время она мне не доверяет в любом деле, так что обычно пребывает в отвратительном настроении. Я даже не могу звать ее бабушкой, потому что так обычно называют милых и приятных старушек. А она не из приятных.

— Звучит жестоко. А куда уехал Винс? Вы с ним общаетесь?

— О господи, конечно нет! Полл застрелила бы его, если бы он ступил на порог нашего дома. Он не просто уехал, он сбежал с любовницей. Это я узнала от Кисси. И с тех пор мы не слышали о нем. Болезнь, эмиграция, иностранный легион — выбери что хочешь. Он никогда не вернется, это уж точно. Если, конечно, не захочет получить пулю в голову.

— Вот это да, — сказал Кэллум, вертя в руках кружку с кофе, — слушай, а ты не думала, что они могут быть вместе? В смысле Элизабет и Винс? Любовь после побега? — Он ухмыльнулся так, что я рассвирепела.

— Нет, черт возьми, я этого не думаю! Он ей в отцы годился, для начала. — Я подумала, не слишком ли много я ему сказала. То, что он знал что-то там по латыни, вовсе не означало, что ему можно доверять. — Да, кстати, почему твоя фамилия не Кэсл, Кэллум Кэсл?

Он рассмеялся и осушил свою чашку.

— Мама вышла замуж за папу, Дэвида Тернера. Они были вместе не больше года, но она оставила его фамилию. Возможно, просто не захотела снова менять. Есть еще вопросы? — Он склонил голову набок, и серьга в его ухе сверкнула, как у пирата из книжки.

«Тебе бы пошла бандана», — чуть не сказала я.

— Есть. Как получилось, что сначала ты не отправился к своим деду и бабушке по материнской линии, если у тебя были вопросы по поводу твоей тетки? От них-то ты точно мог что-нибудь узнать, ведь так?

Он вздохнул и опустил руки на стол.

— Это был адрес номер один. Но у бабушки болезнь Альцгеймера, она не отличит меня от табуретки, а дедушка умер полтора года назад. На Рождество. Не лучшее время для потерь. Мы знали, что он болеет, хотя бабушка с трудом это понимала, потому что болезнь Альцгеймера всех превращает в эгоистов. Потом она не могла поверить, что он умер. Мама держалась только на антидепрессантах.

Это было так... — Он замолчал. — Извини. Я не сомневался. Мне был интересен сам процесс поисков.

Он встал, взял кружки за ручки и положил в мойку.

— Да, конечно.

Я машинально поднялась, чтобы помочь прополоскать чашки и в какой-то миг едва не прикоснулась рукой к его руке. Я не сделала этого, потому что триллион мгновений спустя взяла себя в руки и сделала вид, будто потянулась за полотенцем.

— Все нормально? — спросил он, внезапно обернувшись.

Сквозь стекло мисс Мегера смотрела на меня подняв брови. Я улыбнулась ей, но она продолжала смотреть, пока старик Гарднер не похлопал ее по руке и не сунул ей под нос газетную статью. Она отвела его к ксероксу, и я услышала свой голос:

— У меня есть фото Элизабет, если ты хочешь его увидеть.

— Прекрасно. И я бы хотел встретиться с несравненной Полианной.

Я собиралась выходить, но застыла на пороге и уставилась на него.

— Ты что, не понял, что я сказала? Совсем больной? Она ненавидела твою тетку. И тебя она тоже ненавидит. Она может стукнуть тебя палкой. Тебе нельзя с ней видаться. Даже и не думай!

Он пожал плечами.

— Пускай. Мне по фигу. Хотя действительно хочется посмотреть это фото. — Он открыл дверь

и пропустил меня вперед. Когда он поднял руку, я почувствовала острый запах не пота, нет, мужественности. На его предплечьях под загорелой кожей обрисовались мускулы. Лицо приблизилось ко мне.

— Это бы значило для меня, — сказал он, — очень много.

Частью проблемы был мой вес. Я думала, что он уменьшится после рождения ребенка. Я никогда раньше не была толстой, но теперь, когда это действительно имело значение, меня ужасно разнесло. Я даже сняла со стены постер с изображением Дебби Гарри, потому что не могла спокойно смотреть на ее стройные бедра. Когда он выражал недовольство, я начинала плакать. Я сказала ему:

— Это не я, ты знаешь. Это не мое тело.

И не мой ребенок тоже, такое было впечатление.

К ребенку я ничего не испытывала: ноль, ничего, пшик, и только.

— Это нормально, — сказал один из отдела здравоохранения, старый враль. — Когда вы смотрите на обложку любого семейного журнала, то чего вы там точно не увидите — это фотографии мрачной жирной мамы, в нескольких футах от которой надывается несчастный ребенок. Материнство должно быть раем из пастельных тонов, смеющихся гормонов и маленьких беззубых десен, сжимающих вашу грудь.

Мне показалось это пошлым, я так и сказала.

Когда он приехал домой в эту Пасху, мне было плохо. Мы вместе с ребенком как в заключении томи-

лись в его спальне. Полл грохотала внизу, судя по звукам, круша мебель, а Винс копался в промерзшей земле сада. Я вообще не выходила из дома. Сначала, до того, как родился ребенок, Полл постоянно твердила, что все будут на меня глазеть. Однажды я вышла прогуляться, и они действительно глазели. Проклятая деревня! Все останавливались, провожали меня взглядом, но никто не сказал ни слова. Не понимаю, как Роджер смог жить здесь так долго. Я стала незаметно пробираться в поле, где безлюдно, и там мне становилось легче. Полл это не нравилось.

— Не уходи так далеко. Что, если начнутся роды, а ты не сможешь добраться до телефона? Макс Джолл, который жил через дорогу, находился всего лишь на заднем дворе, когда у него случился сердечный приступ, и то его не спасли.

Меня не волновало, что она скажет. Мне даже нравилось злить ее. Но после того как родился ребенок, у меня пропало желание выходить на улицу. Не знаю почему. А также пропало желание мыться и одеваться.

Когда Рождер приехал домой, я все же сделала над собой усилие.

— Смотри-ка, ты немного набрала жирка! — сказал он, когда увидел меня в первый раз после приезда.

Полл улыбнулась, сидя на заднем сиденье его машины. Я увидела это в зеркальце.

Первые несколько часов он казался веселым, но к вечеру его уже все раздражало. Он решил пройтись по деревне, подышать свежим воздухом и сунул в карман горсть монет. Когда он вернулся, их не было, я проверила карманы.

В тот вечер его страшно злили крики ребенка.

— Ты что, не можешь ее успокоить? — нервно говорил он. — Она не должна орать всю ночь. Ты неправильно ее запеленала. — Он вынул одеяло из гардероба и отправился вниз, и в эти несколько часов я никогда не была так близка к тому, чтобы хорошенько нашлепать Кэтрин.

Слава богу, я этого не сделала, чем горжусь.

Я так долго ждала его возвращения и вот чего дождалась. Я знала, что он что-то задумал, но это не имеет отношение к ребенку.

— Ты не можешь заставить ее замолчать? — твердил постоянно он.

Всякий раз, как Полл брала ее на руки, Кэтрин становилась тихой, как ягненок.

— Ты должна учиться, как с ними обращаться, — самодовольно говорила она. — У меня она ни разу не пискнула.

И только месяц спустя я заметила, что она дает ей сосать кусочек сахара и заливает бренди в открытый ротик. Тогда мне стало все понятно.

Даже Полл заметила, что с Роджером что-то неладное.

— Тебя что-то беспокоит, — сказала она, погладив его по волосам. — Ты, наверное, скучаешь по своим приятелям в Шеффилде? Бьюсь об заклад, что скучаешь.

У меня в голове не было никаких мыслей, только крутились слова песенки: «Скажи мне все сейчас, пожалуйста, скажи». Но я не хотела ничего знать, и если бы он не сказал мне, то, может, остался бы жив.

Вот какими были последние минуты его жизни:

Роджер. Я рад, что ты поехала со мной на уикенд. Это даст нам возможность наверстать пропущенное.

Я. Ну да, отоспаться.

Роджер. Ага. Я могу показать тебе свои любимые места. Комнату мою ты видела, но еще не была в Студенческом Союзе. Я подумал, что мы вечером могли бы сходить в бар Мандела.

Я. Только не слишком поздно, я действительно устала.

Роджер. Ой, не будь занудой. Сколько тебе лет, сорок? В общем, я хочу познакомить тебя с одной своей приятельницей.

Я. С кем?

Роджер. Ее зовут Джудит.

Я. Интересно!

Роджер. Она хорошая. У вас много общего. Я думаю, вы подружитесь.

Я. А ты знаешь, что сейчас проехал на красный свет?

Роджер. Разве? Вообще-то, она просто классная, она тебе обязательно понравится. И она любит детей. У вас будет много общих тем для разговора.

Я. Я не хочу разговаривать о детях.

Роджер. Ну хорошо, вы можете найти другие общие темы, я уверен. С тобой все в порядке?

Я. Просто даю отдых глазам.

Роджер. Хорошо. Ладно. Странная вещь, эта современная культура. То, что у нас есть правила на все случаи. Например, брак и семейные отношения.

Я. Ммм...

Роджер. Да. Я читал одну книгу перед приездом. Кстати, очень интересно. Любовь, так сказать, это

вневременная вещь, но каждые сто лет или около того так называемые блюстители морали пришпандоривали к ней новый свод правил. Например, древние греки были гораздо более толерантны в этом отношении. У них не было этих жестких правил, что, если любишь одного человека, то другого любить уже нельзя. Они говорили, что чем больше ты любишь, тем больше любви вокруг. Стремление израсходовать любовь было похоже на попытку вычерпать море с помощью чашки. А желание построить ограду вокруг своей любви — это то же самое, что привязать веревку к лунному свету. Сделать это невозможно. Потому что любовь, и в частности сексуальная любовь, страсть, — это стихийная сила. Ты можешь управлять ею не больше, чем приливами и отливами. Она слишком всемогуща.

Я. Ммм...

Роджер. Ведь, если подумать, никто из тех, у кого больше одного ребенка, не считается предателем своего первенца, если ему приходится делить родительскую любовь с кем-то еще. Общество принимает разделение любви в этом контексте без проблем. Что правильно. Любовь не имеет пределов. Любовь питается любовью. Любовь порождает любовь.

Я. Ммм?

Роджер. Так что эта мода двадцатого века на моногамность по природе своей неестественна и подавляет духовность. Она действительно вредна. Например, если бы ты сказала, что любишь другого мужчину, я не стал бы волноваться. Ни за что. Потому что это не обязательно должно означать, что ты любишь меня меньше. Наоборот, это означало бы, что ты любишь

меня больше, потому что твоя жизнь, так сказать, стала более наполнена эмоционально. Понимаешь, чем сильнее ты любишь кого-то, тем больше свободы хочешь ему дать. Это признак действительно крепких отношений. Не так много на свете людей, достаточно... прогрессивных, чтобы принять это. Вот почему я рад, что у меня есть ты.

Я. Да что ты?

Роджер. Потому что я знаю, что ты примешь ситуацию с Джудит, по причинам, которые я сейчас назвал.

Я. Ситуацию с Джудит?

Роджер. Вы можете помочь друг другу. Джудит во многом похожа на тебя, она умная девушка. Она читает классику, ты бы послушала, как она говорит! Она действительно интересный человек. Она тебе понравится. Я хочу устроить вас вместе в Шеффилде, найду вам квартирку. Думаешь, я не знаю, что с моей мамой трудно ужиться? Кроме того, ты будешь ближе ко мне. Ты же этого сама хотела, не так ли? И не стоит огорчаться, Джудит знает о тебе и Кэтрин. Она очень интересуется твоими делами, сочувствует...

Я. Она твоя любовница?

Роджер. Это буржуазный термин. Не думал, что ты будешь так традиционна в своей морали, я всегда восхищался твоими независимыми взглядами....

Я. Ах ты, дрянь! Она беременна? Беременна? Это так, я вижу это по твоему лицу. Отвечай! Посмотри на меня, черт, ну посмотри же на меня, если собрался разрушить мою жизнь! Да перестань ты рулить, остановись и ПОСМОТРИ НА МЕНЯ! ПОСМОТРИ НА МЕНЯ!

Это верно, я действительно хотела убить его в ту минуту, но мне так и не представилась возможность сделать это своими руками. Просто ему не повезло с грузовиком, который мчался нам навстречу.

Глава оциппадуная

Мы снова встретились с ним в библиотеке в присутствии мисс Мегеры. Я не была готова принять его у себя дома, но совершенно не хотела придумывать отговорки.

— Не слишком утомительно было добираться из Нантвича? — спросила я, когда мы уселись в углу кабинета.

Он снял рюкзак и закинул его под стол.

— Как только сдам экзамены, куплю микро, мама обещала, что войдет со мной в долю. А сейчас она довезла меня до Крю, а там я сел на проходящий поезд. Да, кстати, кажется, я единственный, кто сошел в Бэнк Топ. А поезд вроде бы до Блекпула. Хочу туда как-нибудь махнуть. Я там никогда не был. А ты?

— До десяти лет — ни разу. Мой папа много ездил в поисках восковых фигур. Кажется, там была хорошая экспозиция.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, восковая копия руки, покрытой сыпью от кори, нога с гангреной, различной тяжести

ожоги на теле. Туда пускали только после восемнадцати, но он спокойно проходил, когда ему было гораздо меньше, и никто его ни разу не остановил.

Полл говорила мне, что Роджер захотел стать врачом, насмотревшись на восковые экспонаты:

— «Он всегда так пристально рассматривал все эти признаки различных болезней, — сказала она. — Остальные дети хотели посмотреть на знаменитых убийц, но только не мой Роджер».

Там также были представлены ужасные венерические заболевания. Именно от Полл я узнала, что сифилис может совсем уничтожить нос и привести к безумию. Но она не сказала, что от этого лечат. Секс опасен, он разбивает сердце и приносит унижения, говорила она. «Для женщин это пустая трата времени. Подумай над этим».

— Расскажи мне о нем, Кэт.

— О ком, об отце?

— Да. Он кажется мне очень интересным человеком.

— Но я о нем почти ничего тебе не говорила.

— Его история так трагична. И потом меня интересуют все члены семейства.

Он улыбнулся мне, как Эррол Флинн улыбался Оливии де Хэвилленд в «Капитане Бладе». Я никогда не видела у мужчин таких ресниц.

На противоположной стороне зала пожилая дама с увлечением читала журнал, а ее внук вытаскивал содержимое из ее сумочки и запихивал под ближайший шкаф. Мисс Мышь ставила на вертящийся стенд у двери видеокассеты и каждые пять секунд смотрела на настенные часы.

— Ты, кажется, хотел взглянуть на фото моей матери? — сказала я, вытаскивая карточку из сумки. — Я засунула ее между страницами моей Эмили Дикинсон.

— Да, хотел. Передай ее мне.

Я бросила ее через стол. Карточка скользнула по полированной поверхности, он поймал ее кончиками пальцев и перевернул. Эффект был неожиданным.

Сначала он пристально взглянул на фото, покачал головой и взглянул снова. Потом он повернул фото, чтобы рассмотреть, нет ли чего на обратной стороне, но там было пусто. Он опять перевернул его, и я увидела, как его взгляд изучающе скользит по бумаге. Он наклонился, всматриваясь во что-то, а когда поднял голову, его щеки пылали.

— Разве ты раньше не видел фото своей тети? — спросила я, удивленная таким странным волнением.

Несколько мгновений он молчал.

— Это твоя мать?

— Ну да, — сказала я. — Это фото лежало между страниц отцовского учебника. Вот почему оно уцелело. Полл выбросила остальные снимки моей мамы после того, как та уехала. А этот просто не заметила.

— Понятно, — сказал Кэллум. Его лицо немного побледнело. — Только это огромное потрясение для меня. Увидеть ее после стольких лет. Дотронуться до ее лица.

Мне показалось, что его рука, держащая фото, дрожит. Он положил снимок на стол, широко улыбнулся и откинулся на спинку стула.

— Она похожа на твою маму? — Я вытянула шею, чтобы посмотреть на фото, несмотря на то, что за эти годы оно и так врезалось в мою память. Правда, здесь, в этой обстановке, впечатление изменилось.

— Ммм... немного, — широкая улыбка все еще бродила по его лицу. — Как хорошо, что я нашел и тебя, и эту ветвь нашего семейства. Ты понимаешь? Всегда нас было только двое, я и мама, и так здорово найти еще кого-нибудь из нашего рода.

— Я понимаю. — Маленькая бледная женщина по-прежнему стояла, опираясь на ярко-красное «Metro» и неловко сложив руки на огромном животе. — Должно быть, я унаследовала темные волосы от отца, хотя Полл говорит, что я была блондинкой при рождении и потемнела потом. Так бывает. Интересно, на каком она здесь месяце? Как странно, что обе наши мамы, две сестры, попали так одинаково. За исключением того, что у твоей мамы появился такой тип, как ты.

— Ну да, и у нас обоих нет отцов. Мы как будто чем-то связаны. — Он потер руками лицо, потом запустил пальцы в свою шевелюру. — Послушай, Кэт, я знаю, что не могу взять его...

Он держал фото между большим и указательным пальцами. Мне показалось, что его взгляд сейчас прожжет бумагу.

— Это мое единственное фото, — быстро проговорила я. — У меня нет ни негатива, ничего.

— Ну да, конечно. Но, поскольку мы в библиотеке, может быть, можно снять копию? Черно-белую.

— Может быть. — Я подумала, правильно ли давать ему копию фото, о котором больше не знает никто в мире. — Для тебя это так важно?

— Это моя семья, — сказал он просто. — Я хочу знать свои корни. И я действительно понятия не имею, где сейчас твоя мама, если у тебя возникла такая мысль. Ты должна доверять мне, я не собираюсь ее разыскивать. Если только...

— Что?

Он наклонился ко мне и тихо сказал:

— Если ты сама этого не захочешь. Я могу попытаться это сделать. Избирательные списки, Интернет. Так я нашел твою бабушку. Я не могу ничего обещать, но есть веб-сайты, где люди оставляют сообщения...

Внезапно я почувствовала такое же смещение, как тогда, когда Кэллум сказал мне, кто он такой. Неужели это возможно — задавать ей вопросы, рассказывать о себе, просто смотреть на нее... Но тут волна гнева поднялась во мне, как раскаленная лава, и заслонила остальные чувства. Так бывало всегда. Моя мать — это гнев. Напомнить о ее существовании и о том, что она для меня сделала, значит вызвать во мне ненависть.

— Боже, нет, не надо! Она бросила меня, зачем мне ее разыскивать? Мне все равно, где она сейчас. Она перестала существовать для меня в тот день, когда ушла.

Я помолчала, потом понизила голос до нормального, приемлемого для библиотеки.

— Извини. Мне на самом деле это все равно, для меня она — ничто. Я храню это фото назло Полл. Ты хочешь сделать две копии, одну для тво-

ей мамы? Или не собираешься ей его показывать?

— Я еще не решил, — сказал он, беря свой рюкзак. — Там видно будет.

Никому не позволено лишний раз подходить к ксероксу, находящемуся в библиотеке Бэнк Топ, тем более поднимать крышку и нажимать на красную кнопку. Произойдет сокрушительная катастрофа, если какой-нибудь посетитель осмелится сделать копию сам. Кроме того, это стоит пять пенсов за страницу, а мисс Мегера никому не разрешает обманывать государство. Она предпочитает находиться рядом, чтобы сосчитать все правильно. В данный момент мисс Мегера сидела за компьютером, помогая молодому человеку напечатать заявление. Мы подошли и застыли в ожидании, но она была им совершенно поглощена. Тогда мы отправились на поиски мисс Мыши и обнаружили ее в кабинете.

— Надо постучать? — спросил Кэллум.

— Я думаю, не стоит. Может, перерыв на ланч.

— Ах, этот ланч, — сказал Кэллум, заглядывая в дверное стекло. — А вот это довольно любопытно. Ой! Отойди скорей.

— Почему? Дай мне посмотреть.

— Нет, пошли отсюда.

Я позволила ему увести себя к ксероксу.

— В чем дело?

— Она заметила, как я заглянул, и очень смутилась. Ты когда-нибудь видела, чтобы банан ели ложечкой?

— Ложечкой?

— Ну да, отрезали крошечные кусочки и аккуратно брали их с кончика ложки, изысканно, как на приеме. Ей же, наверное, ужасно жарко. Такая духота, а она в свитере с длинными рукавами.

Да, действительно, даже на мне была блузка.

— Я никогда не видела ее ни в чем другом, кроме мешковатых жакетов и длинных юбок. У меня такое впечатление, что для нее это как панцирь для черепахи, и она туда прячется в случае опасности. Может, она лучше себя чувствует, когда закутана во все это...

Внезапно я замолчала, потому что рядом возникла мисс Мегера с искаженным от злобы лицом. Неужели это мы так ее рассердили?

— Мне бы хотелось, чтобы вы не подсматривали за моими сотрудниками, когда у них перерыв, — резко проговорила она тем неприятным голосом, каким обычно разговаривает с посетителями. — Что это вам понадобилось так срочно?

— Фотокопию.

Кэллум попытался разрядить обстановку ослепительной улыбкой, но она не обратила на это никакого внимания и, резко подняв крышку аппарата, бросила фото лицом вниз.

— Два экземпляра, пожалуйста, — почти прошептала я.

Она тяжело вздохнула и нажала на кнопку повтора. Устройство зажужжало, потом внутри зажглась лампочка, и в протянутую руку Кэллума скользнуло два листка. Засмотревшись на полную леди, он не глядя протянул десятипенсовик мисс Мегере. Она схватила монетку с его ладони и направилась к кассе.

— Это было ужасно, — сказала я.

Почему-то мне было очень неприятно. Полл могла ворчать на меня круглосуточно, мне это по фигу, но с мисс Мегерой все было по-другому.

Она никогда так сердито со мной не разговаривала. Почему все изменилось?

Кэллум не придал значения поведению мисс Мегеры.

— Она просто старая перечница. Не обращай внимания. При климаксе всегда портится характер.

Он аккуратно свернул листки, чтобы не помять фотографию, и положил их в карман своего рюкзака.

— Ладно, пошли, мне здесь уже надоело. Перестань хандрить, лучше скажи, где можно выпить чашку приличного кофе. Ты же собиралась рассказать мне о своем отце, если помнишь.

— Разве? — спросила я уныло. — Мне надо взять свою сумку.

— Хорошо. А теперь делаем ноги.

Когда-нибудь изобретут препарат, который будет блокировать тяжелые воспоминания. Или научатся удалять из твоей памяти плохие времена с помощью скальпеля, как куски трюфеля.

У меня в голове как будто работала пила.

— У нее шок, — услышала я подсознанием голос врача, — или, возможно, сотрясение.

Я бы назвала это полным выходом из строя. Я молча бродила по палате с невидящим взглядом. Через два дня мне в лицо направили свет, и я разры-

далась. Топ-топ-топ, послышался звук шагов по линолеуму. В палату вошел доктор. Его обрадовали мои слезы.

— Это — к выздоровлению, — сказал он, — возможно, скоро мы вас выпишем. После того, как заживут ваши руки. Посмотрим.

Со скрипом качнулась карточка пациента на спинке металлической кровати. Топ-топ-топ.

Я посмотрела на свою перебинтованную руку, превратившуюся в толстый белый кокон. Это я помнила. Я протянула руку, чтобы схватить руль и свернуть с дороги, и ее пронзило что-то острое. Я хотела спасти его.

Позже пришла санитарка и стала менять повязку.

— Мы отключили автомат с горячими напитками, — сказала она, — чтобы больше никто из пациентов не совал свои пальцы в кипяток. О чем вы только думали?

Потом внезапно появился Винс. Он был похож на покойника.

Когда мы вышли из библиотеки, я взглянула в небо и увидела, что прямо над нами висела набухшая дождем туча с болтающейся пуповиной. Кэллум проговорил:

— Посмотри на эту тучу! Она похожа на дерево, правда? Такая причудливая.

— Мой отец, — сказала я, — был красивым и умным. Если бы он не погиб, то стал бы доктором.

— Я бы хотел стать доктором, — сказал Кэллум. — Правда, уже немного поздновато. У тебя есть его фотография?

Я рассмеялась:

— Сколько уютно. Около двухсот лежат в альбомах и, если бы не зрение Полл, ими были бы увешаны все стены нашего дома. Самая лучшая висит в моей комнате — он в своем костюме перед отъездом в университет. Полл всегда начинает плакать, глядя на нее.

— А ты? Ты тоже начинаешь плакать?

— Ну, для меня это совсем другое, я никогда его не видела. Но почти каждый день мечтаю о том, чтобы он оказался рядом. Он бы знал, что делать, его можно было бы спросить насчет... моего будущего и всяких других дел. Хочешь выпить кофе у методистов?

— У методистов?

— Там только растворимый, но они пекут очень вкусные пирожные. — Я показала на плакат у церкви: «В помощь досрочно освобожденным, 10.30 — 12.30». Мы можем успеть.

У Кэллума на лице выразилось сомнение.

— Но, наверное, надо быть верующим, чтобы войти?

— Не тормози, им нужны только твои деньги. Просто нагони на себя благочестивый вид. И не ругайся вслух.

Это было современное квадратное здание, вполне функциональное, с тонкими решетками на окнах, чтобы дети не бросали камни в стекло. Немного дальше по главной улице прежде располагалась красивая старая готическая англиканская церковь, построенная в 1800-х. В библиотеке сохранились церковные книги. Но эта церковь была снесена в семидесятые, когда строили новый жилой район.

Новое сооружение, обитое внутри светлым деревом, было просторным, а металлические решетки не препятствовали потокам солнечного света, заливавшим большое фойе. Через стеклянную дверь можно было видеть помещение церкви, гобелен с голубкой и с извергающейся из нее радугой, скамьи, маленький простой алтарь, покрытый белой материей. При входе были развешаны детские рисунки, объявления о церковных мероприятиях и стояли маленькие столики с пластиковыми стульями. Большинство столиков сейчас пустовало, а на столике в углу лежал поднос с грязной фаянсовой посудой.

— Два кофе и два бисквитных пирожных, — сказала я старой монахине за прилавком.

— Любимый псалом моей матери — «За тех, кто в бурном море», — сказал Кэллум, стоявший позади меня, благочестиво потупив глаза.

— Садись за столик, — прошипела я, — я все принесу.

«Прекрасный мир», было написано на плакате над прилавком, на котором были изображены две девочки, одна темнокожая, другая белая, рвущие лютики на лугу. Старуха медленно поставила на поднос наш заказ, зато сосчитала деньги по мгновению ока.

— Два фунта сорок пенсов, а ты внучка Полианны Миллер, не так ли? Маленькая Кэтрин.

Я опустила голову и проговорила, обращаясь к кончикам своих туфель:

— Да.

— Ты меня, наверное, не помнишь?

— Нет.

— Дженни Маршалл. Я приходила собирать деньги на каталог, разве не помнишь? А ты еще упала, когда я у вас была, и разбила губу о ступеньку, и я дала тебе свой носовой платок. Неужели не помнишь? Тебе тогда было около шести. А теперь — совсем барышня. Рослая красивая девушка. Как поживает твоя бабушка?

— Хорошо. — Я невежливо повернулась к ней спиной, взяв поднос с кофе, но она пошла за мной.

— Я помогу тебе все донести, ты еще набегашься. А кто этот молодой человек?

В такие минуты мне хочется уехать на жительство в Австралию. Надо написать вечером тете Джин и спросить насчет получения гражданства.

— Я... — начал Кэллум, на мгновение у меня перехватило дыхание, — ее школьный приятель.

Старуха Маршалл поставила на стол тарелки и посмотрела на него поверх очков.

— Я и подумать не могла, что ты ходишь в женскую школу. Или они перешли на совместное обучение?

Ах ты хитрая старая кошелка!

— Ну да, это было недолго, в шестом классе. Он брат моей одноклассницы.

— Кэт помогает мне по истории, — сказал Кэллум. — Хотите посмотреть? — Он стал развязывать рюкзак. — Старуха Маршалл сделала шаг вперед. — Это работа о проститутках в Ланкашире в девятнадцатом веке, — стал он объяснять, вытаскивая папку и делая вид, будто открывает ее. — Мы откопали несколько поразительных фактов. Хотите посмотреть?

— Хорошо, хорошо. — Она отступила назад с таким видом, будто увидела ядовитую змею. — В школах теперь дают такие странные задания. Просто не могу понять.

— Нет, взгляните же! — настаивал Кэллум, тыча в нее папкой. — Ну, правда, пожалуйста!

Она замахала руками:

— У меня нет времени, чтобы смотреть такие работы! Кто посуду будет убирать?

Она бросилась со всех ног к прилавку и стала судорожно вытирать чашки и складывать их в стопки.

— Какого черта ты это сделал?! Боже! Через час об этом будет говорить вся деревня. Какие еще проститутки?!

Кэллум откинулся на стуле.

— Да просто так. Что пришло в голову, то и сказал. Просто чтобы избавиться от нее, неужели не понятно?

«Я зажгу свечу понимания в твоём сердце», — было написано на плакате за его спиной, а ниже — рисунок горящей свечи.

— А если это дойдет до Полл? Если она начнет спрашивать, кто ты такой?

— Скажи ей то же самое. Брат подруги. Ты случайно встретила меня в библиотеке и понятия не имела, о чем я пишу работу, когда согласилась помочь. — Он закинул руки за голову и, казалось, был очень доволен собой.

Немного придя в себя, я принялась за пирожное, а он вытащил сигарету.

— А теперь расскажи о своем отце. Ты сказала, что похожа на него?

Я невесело рассмеялась:

— Я сказала, что у него были такие же темные волосы, как у меня. Хотя на детских фотографиях они у него светлые. Я могу их принести в следующий раз. Бабушка обожала снимать его, но совсем не умела это делать, поэтому у нас много фото, где изображение не в фокусе, или слишком темное, или с обрезанной головой. Многие сделаны в семидесятые, когда он носил девчоночью прическу. Но есть отличная фотография крупным планом на берегу, когда ему было десять лет. Он там так хорошо получился, потому что не предполагал, что его снимают. Он с серьезным лицом смотрит на умирающего краба. На всех остальных он позирует и неестественно улыбается.

— Мне бы хотелось на него посмотреть.

— Ладно, я что-нибудь подберу. Жаль, я почти ничего не могу рассказать о твоей тете.

— Гмм, — сказал Кэллум, — ничего страшного. — Он открыл папку и вынул из бокового кармана шариковую ручку. — Не возражаешь, если я запишу кое-что из того, что ты рассказала. Иначе я могу забыть, а это важно.

Мне стало немного не по себе, но как я могла отказать?

— Интересно, а что это там, в твоей знаменитой папке? Разумеется, кроме проституток.

Он протянул ее через стол и помахал какими-то листками у меня перед глазами.

— Да в основном записи частного порядка. Несколько стихотворений, которые я написал, список десяти самых любимых фильмов, выдуманные правительства, письмо члену парламента моего

округа. Начало романа. Несколько отрывков из дневника. Я вожу с собой эту папку, чтобы записывать свои мысли и всякие события. Я хочу положить сюда копию фото твоей мамы и хочу записать некоторые сведения о твоей семье. Например, день рождения твоей мамы и любимые группы твоего отца, ну, всякие мелочи.

Я взяла папку и увидела обложку. Кэллум приклеил на нее фото облаков, причем некоторые были очень выразительны. Там были легкие перистые облака, ряды «барашков», тяжелые дождевые облака и еще два фантастических заката, которые напоминали сцены из ада или рая.

— Ты сам это снял?

— Угу. Мне нравится смотреть на небо. И маме тоже. Но она больше всего любит ночное небо. Она умеет читать звезды. Она может составлять гороскопы, это совсем непросто. Люди обращаются к ней как к астрологу.

Я все еще изучала фото, стараясь разглядеть в них некие послания.

— Почему ты сфотографировал именно эти облака?

— Понятия не имею. — Он поставил стул обратно в вертикальное положение. — Потому что они интересные. Просто так. Апология небес. Все вокруг ходят и смотрят вниз, хотя должны смотреть вверх. Ты когда-нибудь смотрела на небо через видоискатель полароида? Фантастическая четкость тени и света, будто картина маслом или что-то подобное. — Он помолчал и подвинул к себе папку, с восхищением глядя на собственную работу. — Вот эти сделаны с помощью фильтров. Ты никогда не

сможешь получить небо цвета лаванды. Вот этот закат, он не был таким удивительным в реальности. С помощью фильтров можно сделать что угодно. Превратить солнечный день в грозу, просто подобрав правильную насадку на линзу, и почувствовать себя богом. — Он потянул папку назад и снова открыл ее, перелистывая, чтобы найти чистую страницу. — Окей, — он начал что-то черкать шариковой ручкой, — извини, нужно кое-что записать. Еще пять минут, и мы пойдем отсюда, ладно?

Я пожала плечами.

— Сначала я запишу то, что ты рассказала. — Он писал некоторое время, а я допивала свой кофе. Я могла бы отнести чашку обратно к прилавку, но не стала. — Какая музыка нравилась твоим родителям? — спросил он наконец.

— Я ничего не знаю про вкусы моей мамы, — сказала я, потому что не интересовалась, да и Полл не сказала бы, если бы даже я принялась ее расспрашивать. — Отцу нравилась классика девяностых: Джем, Претендерс, Дебби Харри, Адам Ант. У меня есть все его пленки и долгоиграющие пластинки; некоторые из них действительно классные. Думаю, что одним из его любимых альбомов был «Dage» Хьюман Лиг, потому что у него самая обшарпанная обложка. Она истерта до дыр, и он отметил красными звездочками некоторые песни, больше всего ему нравилась «Love Action», он написал наверху: «Я верю в правду, хотя много лгу», а на корешке учебника по химии: «Слушай, я верю в любовь». Это классная песня. Ты ее знаешь?

— Нет. Но мне бы хотелось ее иметь. Дашь мне?

Может, он думает, что я дам ему оригинал?

— Не знаю.

— Дай мне список, и я скачаю все из Интернета.

А ты знаешь, какие фильмы он любил?

— Понятия не имею. Полл обожает Рональда Колмена, Эрролла Флинна, Дэвида Нивена и всех актеров с маленькими усиками. Я сама люблю эти старые черно-белые фильмы, хотя непрестанно объяснять Полл ход действия — это труба.

Кэллум перестал писать.

— Послушай, — сказал он. — Не глядя мне в глаза, — я не думаю, что твой отец оставил какие-нибудь письма, но, может быть, есть что-нибудь, с вложенными фотографиями?

— Письма? Кому?

Он нагнулся и стал удлинять лямки на своем рюкзаке.

— Ну, не знаю, может быть, твоей маме. Или ее письма к нему. — Он откашлялся. — Понимаешь, я считаю, что в письмах проявляется истинная индивидуальность человека.

Я почувствовала, как сильно забилося мое сердце.

— Я что-то не пойму. Ты спрашиваешь меня о частных письмах, хочешь прочитать частные письма? Даже если бы они были, я бы не стала их тебе показывать. Я бы сама не стала читать их. Это ведь, скорее всего, любовные письма.

Из приличия он притворился смущенным.

— Извини, ты, конечно, права. Не знаю, о чем я думал.

Я тоже не знаю, подумала я.

— Я хочу курить, — сказал он, — пойдём.

Мы были в доме, очень похожем на дом Полл. Такие же окна, веранда, лестничный колодец, задняя кухня, но все имело какие-то отличия. Мебели почти не было. Сначала я подумала, что там делали ремонт, но все было старое, грязные ковры, пятна на стенах. Винс повел меня наверх, в спальню, и я подумала: ну и ну, но, оказывается, он только хотел показать мне походную кровать, на которой лежало одно из покрывал Полл. Он взял несколько книг и радиоприемник.

— Я подумал, может, ты захочешь что-нибудь почистить, пока я не отвез тебя домой.

Я только и делала, что спала.

Когда он приехал на следующий день, то очень долго стоял и смотрел на меня, а потом потащил наверх в ванную комнату. Он начал снимать с меня свитер, задрал руки вверх, как ребенку. Я помню, как мое сердце резко провалилось вниз, но я была не в состоянии сопротивляться.

— Можешь сама помыться? — сказал он.

Я не могла сказать ни слова. Он вернулся в комнату и принес принадлежности для мытья. Сначала он почистил мне зубы, потом намочил губку.

— Сними блузку, дорогая. Давай. — Я медленно расстегнула пуговицы. — Детка, милая, что ты сделала со своими руками?! — спросил он, увидев отметины.

Он мрачно покачал головой и вышел из комнаты. Я слышала его шаги вниз по ступенькам, потом хлопнула входная дверь, но я не пошевелилась.

— Ну, уж не знаю, — пробормотал он, возвращаясь.

Он намазал маленькие овальные ранки савлоном, потом залепил все пластырем.

Kate Long

SWALLOWING GRANDMA

— Теперь быстро заживет.

Он оставил меня одну, чтобы я помылась. Когда я вышла из ванной, его уже не было. На столе лежало несколько сэндвичей и стояла фляжка с чаем. Он также оставил кое-что из моей чистой одежды. Однако щипчики для ногтей исчезли.

Глава двенадцатая

Полл бродила во дворе, испачканная плесенью с ограды. Но я не стала просвещать ее на этот счет. На ее блузке из полиэстера сзади внизу было огромное зеленое пятно. Сначала я увидела это из окна кухни, но ничего не сказала. Ее простыни часто бывают в пятнах. Ну и ладно. Ей крупно повезло, что я их вообще стираю. В тот день я уже была у нее на плохом счету, потому что уронила ей на ногу упаковку рыбных палочек. Я в спешке запихивала их в холодильник, и это была ее собственная вина, что она сновала туда-сюда в одних чулках. К сожалению, нельзя умереть от ушиба большого пальца ноги.

— Что ты там искала? — сказала я. — Ты ведь все равно не видишь этикетки.

— Я только хотела приложить к голове что-нибудь холодное, к тому месту, где ударилась, — огрызнулась она.

Я была виновата в том, что оставила открытым кухонный шкаф. Я отбирала сласти для предстоящего сеанса обжорства, потому что последователь-

ность действий, совершаемых больным булимией, поддается прогнозированию. Представим булимию в виде математической модели:

Не так уж трудно приспособиться даже к напряженному темпу жизни. Я чувствовала, что полностью владею собой и, кроме того, мои зубы стали белее, чем когда-либо раньше. Как-то вечером Полл в панике позвала меня.

— Что это у Уинстона обмотано вокруг пасти?

Мы наблюдали, как собака изображает жертву бешенства, катаясь по ковру и брызжа слюной. Я нагнулась, заглядывая между его черными губами.

— О господи, это же моя зубная нить, — сказала я, схватив его голову, пока он бешено извивался, — держи его за задние лапы.

Полл схватила его железной хваткой, а я повернула мордой к себе. Хорошо, что у него добродушный нрав.

— Откуда он ее взял, не понимаю! — сказала я, вытаскивая последние сантиметры нити, — Смотри-ка, он тащил ее вниз по лестнице. Может, ему понравился мятный вкус?

— Он ест совершенно заплесневелый хлеб, который мы бросаем птицам, — проговорила Полл, — и коровьи лепешки.

На какой-то момент между бабушкой и внучкой установилась семейная идиллия, но, когда пришло время ложиться спать, атмосфера снова накалилась. Ту же самую математическую модель можно использовать для демонстрации того, почему я и Полл всегда будем находиться в состоянии войны.

На этот раз спор зашел о волосах. Я случайно сказала, что женщина, которая сообщает новости на ТВ, выглядит отлично с короткой колючей прической. Пол ответила, что диктор похожа на человека, побывавшего в эпицентре землетрясения, но хорошо, что можно хотя бы разглядеть ее лицо, когда она сообщает свои новости. Я возразила, что сейчас мои волосы такие растрепанные потому, что я попала под дождь, и если я в чем и виновата, то уж точно не в этом. Полл сказала:

— Да, но ты ведь могла надеть дождевой колпак. Почему ты его не надела? Мэгги надавала тебе их дюжины за эти годы. Положи один в сумку. Ты ведешь себя так, будто тебе семь лет. Почему ты не можешь вести себя по-взрослому?

Я подошла к верхнему ящику серванта, вынула оттуда колпак и за спиной Полл сделала вид, буд-

то собираюсь удавить ее с его помощью, но она внезапно оглянулась и заметила мои телодвижения.

— Ты совершенно испортилась! — закричала она. — Ты становишься испорченной, как твоя мать!

Потом вырвала у меня колпак и сказала, что он слишком хорош для меня, а я выхватила его у нее, разорвала в клочья перед ее носом и бросила на пол. Она закричала:

— Подбери! Подбери мусор, леди!

Но я вышла, хлопнув дверью.

Я поднялась в свою комнату, села на кровать и стала думать о Кэллуме. Я даже не знала, увижу ли его когда-нибудь. Находиться рядом с ним было похоже на какой-то странный танец. Когда мы встретились, я говорила с ним холодно и была зажата, потом он сказал какие-то слова, и мне показалось, будто он действительно меня понимает, и я могу все ему рассказать. И вот, в одно мгновение, я утратила к нему доверие и почувствовала себя очень неуютно. Кто он такой? Что я реально о нем знаю?

— Мне все еще не по себе оттого, что мисс Мегера так на нас напустилась, — сказала я, когда мы шли по направлению к станции. — Никак не могу понять, что мы такого сделали? Мисс Мышь вроде тоже рассердилась?

Кэллум затянулся сигаретой, вдохнул поглубже, потом выпустил дым через нос.

— Забудь об этом. Ты должна перестать огорчаться и думать об этой парочке старых лесбиянок.

— Что?

— Они лесбиянки. Члены сафической секты.

— О господи, ты так думаешь?

— Наверняка. Они обе не замужем. Эта мисс Мышь никогда не пользуется косметикой, и у нее короткая стрижка, как у мальчика. А мисс Мегера тоже типичная лесби.

Позади него заросли иван-чая шевелили соцветьями от легкого ветерка. Вдали я услышала гудок поезда.

— Странно, что ты никогда этого не замечала, — сказал он.

Мы сидели рядами, ощущался запах политуры. Мне хотелось наклониться и стукнуть по деревянной спинке переднего сиденья. Вместо этого я укусила себя за щеку и стала жевать. Я думала, что увижу жюри присяжных, как в Уголовном суде присяжных, но сидели только мы и судебный следователь в своем темно-синем одеянии.

— Следствие не обнаружило факта совершения преступления, — сказал секретарь, прежде чем мы вошли.

В суде следователь еще раз произнес эти слова. Скажите это Полл, чуть не крикнула я. Она хочет, чтобы меня повесили.

Судебный следователь назвал имя погибшего и время смерти, потом патологоанатом назвал причину смерти — травма головы, — потом мы запели «Здесь благодатная страна», а Полл в это время рыдала, уткнувшись в свой парадный носовой пла-

ток. Зал был переполнен жителями деревни и студентами.

Я должна была подойти и поклясться на Библии.

— Постарайтесь отвечать громко и отчетливо, — сказал мне судебный следователь.

Мне тут же захотелось все ему рассказать. Роджера убила я. Это моя вина. Я была раздражена, резко повернула руль, и машина стала вилить на дороге. Я пыталась сказать это, но он стал задавать мне множество вопросов, а когда я отвечала, то видела, что это не производит впечатления. Я должен предупредить вас, сказал он, что вы не обязаны отвечать на любой вопрос, который вам зададут в зале судебного заседания, я или другая сторона, если чувствуете, что ответ на вопрос заставит вас свидетельствовать против себя. Вы это понимаете?

Я сказала ему, что, может быть, я и не дотрагивалась до руля, может, только ударила кулаком по бардачку.

После меня показания давал водитель грузовика. Это был валлиец, тощий, как грабли. Его глаза за очками в черной оправе выкатились от волнения.

— Машина просто свернула в мой ряд с противоположной стороны, — просипел он.

— Извините, — сказал судебный исполнитель, — но вы должны говорить немного громче.

Водитель грузовика протер очки носовым платком и продолжал, вцепившись в ручки своего кресла:

— Его занесло. Я увидел, что происходит, и попытался съехать с дороги, но не успел. Грузовики такие неповоротливые, не то что легковушки.

— Может быть, ему внезапно помешало какое-нибудь другое транспортное средство?

— Нет.

— Вы уверены?

Водитель грузовика закрыл глаза.

— Совершенно. Никого не было.

Я молча смотрела на гроб, сделанный из светлого дерева, с огромным венком спереди в форме сердца. Я подумала: что они сделали с его головой? Закутали ее во что-нибудь? А то может испортиться шелковая подкладка.

Еще один мужчина, постарше первого, произнес присягу и сказал, что находился позади нас во время аварии и видел, как машину вынесло на встречную полосу.

— Она петляла добрых несколько миль. Грешным делом, я решил, что он пьян.

— Мужчина, рожденный женщиной, любит создавать себе дополнительные трудности. Цветок распустился, но срезан рукой судьбы. Констебль Уиттл, не могли бы вы представить отчет о происшествии.

Констебль Уиттл рассказал о следах шин на дороге и о повреждениях передних и боковых крыльев машины. Полицейский сказал, что столкновение произошло на высокой скорости — скользящий удар в переднюю часть правого крыла, потом машину закрутило на дороге и следующий удар пришелся прямо в водительскую дверь, на которой есть сильные вмятины. Что подтверждает, сказал он, что автомобиль не сразу съехал на встречную полосу, а только через некоторое время, и тогда произошло первое столкновение.

Я думала, что констебль опять спросит меня, не хватала ли я руль. На этот раз я твердо скажу нет. Ведь

это уже не имеет значения, Роджер все равно мертв. В моей памяти мы теперь всегда будем разбиваться, и он всегда будет умирать, и ничего уже нельзя изменить.

Но констебль не стал меня ни о чем спрашивать. Он взгромоздился за кафедру и выдал нам свой вердикт.

— Без сомнения, дополнительной причиной смерти Роджера Миллера явилось то, что он не пристегнулся ремнем безопасности, что подтверждает заключение патологоанатома. Замечу, что его девушка, Элизабет Кэсл, которая была пристегнута и сидела рядом с ним, избежала серьезных увечий. Мисс Кэсл обвиняет себя в этом трагическом инциденте, но я слышал показания мисс Кэсл и отрицаю это, потому что думаю, что она спутала детали последних нескольких решающих секунд. Она поглощена виной до такой степени, что ее показания как свидетеля становятся сомнительны. Если бы она действительно схватила руль, как она считает, то тогда автомобиль двигался бы по другой траектории, его понесло бы к левому краю. Все показания очевидцев происшествия, а также данные Дорожного департамента манчестерской полиции ясно свидетельствует, что мистер Миллер потерял концентрацию внимания во время дискуссии с мисс Кэсл, и именно это привело к фатальным последствиям. Поэтому я выношу вердикт о смерти в результате несчастного случая. Прошу всех встать.

Гроб начал двигаться вперед по ленте транспортера и через динамики зазвучала тема из «Колесницы огня». Мой рот был полон крови, и мне пришлось сглотнуть. Шторки задернулись, он исчез.

На выходе из крематория подруга Полл Мэгги держала на руках Кэтрин и подбрасывала ее вверх-вниз. Она напевала: «Энди скажет: прощай, прощай», задышающим голосом. Увидев меня, она улыбнулась и передала мне Кэтрин. Но как только я дотронулась до нее, ребенок истошно заревел, и я поняла, что она меня ненавидит.

Я слонялась около библиотеки, решая, войти или нет, когда мисс Мегера распахнула вращающуюся дверь и поманила меня рукой.

— У меня кое-что есть для тебя.

О, черт, подумала я и потащилась вслед за ней мимо стеллажей для видео и прилавка с книгами.

— Вот, возьми, — сказала она, беря почтовую открытку с нижней полки, — она от твоего приятеля. Он прислал ее на наш адрес.

На открытке был изображен вид Гластонбери Тор при закате, а на обороте Кэллум написал: «Я пару недель пробуду у маминых приятелей в их средневековом сарае. Когда вернусь, привезу тебе подарок. В среду, 28-го, ладно? После полудня среди книг. Привет, Кэллум». В любое другое время меня бы подразнили: «Кэт Миллер на попечении библиотеки», но сейчас на лице мисс Мегеры не было улыбки.

— Здесь нет контактного номера, — сказала я тихо, — как я могла связаться с ним другим путем?

Мисс Мегера поджала губы.

— Следи за собой. Тимми О, Дэнни С, — произнесла она жестко, постукивая по открытке пальцем. Потом зазвонил телефон, и она отвернулась, чтобы снять трубку.

Тимми О? Дэнни С? Это кто такие? Я помедлила несколько секунд, чтобы спросить, потом решила, что мне это безразлично, и вышла на улицу. Я чувствовала себя такой одинокой, что мне захотелось пойти домой и позвонить Ребекке, но, после того как я побродила немного вокруг газетного киоска и пробежала глазами несколько глянцевого журналов, мне пришла в голову идея получше. Двадцать минут спустя я уже была в автобусе, идущем в Болтон, уткнувшись в модный журнал, с десятифунтовой бумажкой в кармане, которую я стянула из кошелька Полл.

Волосы и летний отдых, — прочитала я. — Ничто так не ухудшает вид девушки на пляже, как пара мохнатых голеней, торчащих из-под ее саронга. Золотистый загар и дорогое бикини не спасут. Волосатые ноги ясно дают понять, что ты не в теме.

И парни с этим согласны.

— *Есть только одна вещь, которая вызывает у меня отвращение в женском теле, это короткие черные волосы, торчащие повсюду, — говорит Дэйв, 22 года, — может, аборигены не обращают на них внимания, но меня от этого тошнит. Я бы не дотфонулся до волосатой девушки и шестом для отталкивания баржи».*

Но имейте в виду, молодые люди, что мы все ненавидим шерсть на мужских спинах, и, если вы собира-

етесь снимать ваши футболки в эти выходные, сначала поработайте над собой!

Пушистые проблемы

Как выбрать лучший способ сделать проблемные участки гладкими, сексуальными и приятными на ощупь при наличии такого огромного количества депиляторов, появившихся в продаже? Команда Чики провела тест-драйв последних марок и технических новинок, обещающих без труда обрести шелковую кожу, и получила поразительные результаты...

В магазине фирмы «Бутс» я так долго изучала витрины, что сама привлекла внимание местного охранника. А может, это был просто извращенец, не знаю. Он определенно пялился на мою задницу. Чтобы от него избавиться, я отошла и стала разглядывать тампоны, а потом вернулась и купила коробку парафиновых полосок. Донна пользуется такими. Что она о них говорила? Я нашла место, где продавались электрические выпрямители, но они были слишком дорогими. Потом я пошла по проходу вдоль полок с краской для волос и стала воображать, какой бы была моя жизнь, если бы я была похожа на одну из этих красоток на упаковках.

Я заплатила за полоски и пошла посмотреть одежду.

Весь наш шестой класс был на улице в этот солнечный день. В «Дороти Перкинс» я увидела Эмму Пирсон из моей английской группы и Сариндер Бадат из общего семинара в Вулворте. Лиса

Харгривз была в парикмахерской в «Дебнэмз», мыла голову после химической завивки и ругалась. Никки Хантер стояла за прилавком у В.Х. Смитов, а Донна Френч притворялась, что просматривает DVD, и вздыхала каждый раз, как покупатели прерывали их болтовню.

— Привет, — закричала Донна, увидев меня, — эй, Никки, это Кэт.

Никки выглядела довольно бледно, но выдавила из себя улыбку.

— Привет.

Какой-то покупатель отвлек Никки, и Донна танцующей походкой приблизилась ко мне.

— А ты что здесь делаешь?

Я немного приоткрыла сумку, и она заглянула туда.

— А, эти штучки! Собралась на бразильский карнавал, а? Йо-йо-йо. Это все дрянь. Я коплю на лазерную процедуру. Я имею в виду свои ноги.

— Понятно, — сказала я.

— Никки — зануда, — громко сказала она через плечо, — все работает.

— Деньги зарабатываю, — сказала Никки.

— Всегда эти отговорки. Ты идешь на мой день рожденья?

— А, да, да. — Полл научила меня, что самое простое в таких случаях — соврать.

— Видишь? — крикнула Донна, обернувшись к Никки. — Кэт идет. Все выходят в мир, кроме тебя.

Никки давала сдачу какому-то старику, и когда он отошел, она проговорила:

— Я же не виновата, что отчим заказал нам двухнедельную поездку во Флоренцию. Я сама не хочу ехать.

— Ну, так оставайся.

— Все не так просто.

Никки отошла, чтобы проводить покупательницу к отделу картриджей и принтеров. Ее лицо было чернее тучи.

— Пошли, — проговорила Донна, — Никки слишком занята. Пойдем, выпьем кофе или еще что-нибудь придумаем.

Я не смотрела в сторону Никки, когда мы выходили на улицу.

Если бы кто-нибудь наблюдал, как мы бродим по магазинам, снимаем одежду с вешалок и примеряем ее друг на друга, то решил бы, что мы лучшие подружки. Она выглядела совершенно фантастически во всем, что надевала. Мне хотелось сказать ей об этом, но я не могла, потому что это звучало бы по-дурацки. Я же во всех примеряемых нарядах выглядела, как бочонок. В конце концов, в Блейз мы нашли по-настоящему хороший отдел. Донна сняла несколько вещей с плечиков, чтобы я их примерила, и очень удивилась, когда я отказалась.

— Не понимаю, почему бы тебе не примерить вот это, здесь отличный вырез, и твоя ложбинка на груди выглядит в нем очень красиво. — Она подала мне белый топ с глубоким полукруглым декольте и кружевными оборками спереди. — У тебя обалденная грудь. Ты бы вызвала автомобильные пробки, если бы появилась в этом на улице... Только посмотри.

Она подошла ближе, расстегнула ворот моей бледно-голубой блузки и откинула отвороты воротничка на плечи. Я услышала бешеный стук своего сердца.

— Еще немного расстегни, вот так. Пока не увидишь кончик кружева на твоём лифчике. Так в сто раз лучше.

Мы вместе стояли у зеркала, потом она отступила и вышла из изображения. Я знала, почему она так сделала — чтобы я не сравнивала наши фигуры. Она просто мила с тобой и только, проговорил вдруг голос Полл, что ты себе придумываешь?

— Дело в том, — болтала Донна, — что у всех нас есть части тела, которые мы ненавидим. У всех. У меня, например, этот ужасный шрам на животе от аппендицита, который мне вырезали, когда я была совсем маленькой. Я не выношу, когда кто-нибудь видит его, даже самые близкие, ну, ты меня понимаешь.

Я приложила к себе белый топ и, прищурившись, старалась вообразить, как буду в нем выглядеть.

— Поэтому я ношу вещи, которые его скрывают. Я, например, никогда не надену ничего, что оголяет живот. Я понимаю, что все это ерунда. Меня это совершенно не волновало, когда я была маленькой, пока девочка в моей начальной школе не сказала, что при виде моего шрама у нее начинаются кошмары. Кэти Эйнсворт, злая корова. Когда мы шли купаться она начинала вопить, чтобы ее перевели в другую группу.

Я повесила топ обратно на вешалку.

— Какой кошмар.

— Я ей отомстила. С лихвой.

— Как?

Донна поджала губы, как бы размышляя.

— Обещаешь, что нормально воспримешь? Потому что это достаточно грубо.

— Обещаю.

— Ну, хорошо. Вот что я сделала. Я незаметно уронила горсть анисовых драже в бассейн на мелком месте, где она всегда торчала, потому что вообще не умела плавать и чуть не все время висела, схватившись за край бассейна. Через две минуты вокруг нее появилось красное пятно, которое выглядело совсем как кровь. Я знала, что так и будет, потому что в прошлом году маленький мальчик в Греции сделал то же самое в бассейне отеля, и спасатели чуть не сошли с ума, стараясь найти купальщика с такой ужасной раной.

Инструктор велел нам всем выйти из воды и отправил в комнаты для переодевания, а когда мы вошли, я сказала всем, что у Кейт месячные. Все остальные девочки стали кричать и кутаться в полотенца, а она бросилась в душевую и не хотела выходить оттуда. Чем сильнее она это отрицала, тем больше все мне верили. К тому времени, когда пришел тренер, у нее началась истерика. И это превратилось в школьную легенду, так что когда кто-нибудь упоминал имя Кэти Эйнсворт, то ему тут же говорили: «А, это та самая, у которой началась менструация в бассейне».

— Вот это да!

— Я же говорила тебе, что это было жестоко. Но я не жалею, она это заслужила.

— Еще бы. — Я была так счастлива, что я здесь, в этом магазине, где продавалась нормальная одежда, и не какая-нибудь уцененная, а рядом со мной Донна Френч...

— Так ты собираешься купить этот балдежный топ или нет? Я думаю, ты должна его надеть на официальное объявление результатов.

Я покачала головой:

— У меня нет таких денег.

Это было правдой. Я испытала облегчение, потому что хотя этот топ и был действительно красивым, я не могла представить себе, как стану переодеваться в кабинке при Донне.

Не будь душой. Открой счет, — сказала Донна беззаботно, откусывая заусенец и ухитрившись сделать это действие дерзким и соблазнительным.

— Не знаю, как это.

— Пойди к тому прилавку и скажи, что хочешь запросить Блейз кард, и я гарантирую, что они будут исполнять вокруг тебя тройные сальто. Возьми этот топ, и ты получишь десять процентов скидки, это написано вон на том объявлении.

Мне хотелось сказать, что я даже не знаю своего размера, но я не решилась. Мне хотелось бросить топ на ковер и убежать.

Она подошла ко мне, когда я все еще стояла в очереди.

— Ты разобралась? Мне надо идти, хочу встретиться с Ник, пока у нее перерыв на ланч. Если она,

конечно, станет со мной разговаривать. Я пойду, ладно? Скоро увидимся. Придешь ко мне на вечеринку? Да, и на выпускном, как же я забыла, — она скорчила гримасу, — пока.

— Пока, — сказала я, — почувствовав внезапную пустоту.

Я снова взглянула на топ. Я не собиралась покупать его, хотя бы потому, что не могла принести домой.

Она собирается вернуться вместе с нами, — услышала я сквозь крики Кэтрин слова Винса, обращенные к Полл, — она мать этого ребенка. Куда еще ей идти?

— В преисподнюю, — сказала Полл.

Ребенок продолжал вопить.

Я сделала это. Купила этот белый топ, поговорив с испуганной девушкой за прилавком, хотя ногти у нее были покрыты черным лаком и она выглядела так, будто может проглотить меня за обедом. У меня с собой имелась моя библиотечная карточка и еще письмо из Оксфорда, которое я всегда ношу с собой, то есть два документа, удостоверяющие личность. Мне казалось, что все смотрят на меня, но, оглянувшись, я увидела, что это совсем не так. Подписав все бумаги, я пошла в примерочную. Топ так хорошо сидел, что мне не пришлось возвращать его. Я вернулась домой к Полл с перспективой безволосых ног и убийственного деколь-

те, и даже Собачник, взгромоздившийся на один из кухонных табуретов, не ухудшил моего настроения.

Полл сидела, положив локти на стол.

— Дикки принес тебе кое-что.

— Я купил тебе шоколадки, — сказал он, — на них небольшой налет, зато вкус отменный.

Он пил сидр из бутылки и делал из этого представление, вытягивая губы, облизывая языком ободок и вздыхая после каждого движения.

— Большое спасибо, — сказала я как можно более саркастично.

— Дикки так о тебе заботится.

— Это верно, — сказал Собачник и рыгнул.

Вот и расплата, чуть не сказала я. Все эти помойные подарки дорого стоили. Я должна была терпеть его масляные глазки, постоянно шарившие по моему телу, его патетический поток намеков и идиотских политических комментариев, его запах. И то, что он все время торчал в нашем доме, настраивая Полл против меня и заставляя меня чувствовать себя чужой. Заплесневелые шоколадки вряд ли могли служить компенсацией.

В голове снова зазвучал голос мисс Мегеры.

«Тимео Данаос», — говорила она.

Тимео Данаос. Не Тимми О, Дэнни С. Timeo Danaos et dona ferentes .

— Остерегайтесь греков, — сказала я вслух, очень довольная собой.

— Остерегайтесь греков? — повторил Собачник, вытирая свой рот тыльной стороной руки, —

черт возьми, я полностью согласен. Они украли у меня бумажник, когда я два года назад был на Кипре.

Четыре дня я сидела, как старая леди, глядя из окна в комнате Роджера. Господи, я ведь умру на этом стуле, думала я. Винс приносил наверх еду и несколько раз ребенка, хотя, я думаю, это не шло на пользу ни ей, ни мне, потому что через минуту одна из нас начинала плакать. Ведь никто заранее не предупреждает, что они столько орут. Я, конечно, предполагала, что новорожденные могут иногда покричать, но Кэтрин не останавливалась ни на минуту. «Ради Бога, замолчи!» — умоляла я. Однажды я попыталась закричать в ответ. Это привело к тому, что прибежал Винс. Потом он поднялся ко мне с бутылкой бренди. «Я не хочу!» — раздраженно бросила я. Он быстро выпил его сам и ушел.

Иногда, когда Полл и Винс уходили из дома, я тащилась вниз и рыскала там. Я приносила наверх журналы, «Ридерз дайджесты» и потрепанные детские книжки. «Любопытная мышка» была лучшей из них. Я хотела залезть на страницы, подружиться с маленькими девочками и обмениваться с ними гирляндами маргариток. Я хотела побывать с ними на веселом солнечном пикнике. Их мир казался мне маленьким и теплым.

Обстановочка в доме Полл была еще та. Часто вечерами снизу раздавались крики и глухой шум. Потом Винс выходил на задний двор и колол дрова большим топором.

Я знала, что вторая девушка появится, это был только вопрос времени.

Я заметила ее первая. Подъехал коричневый «Триумф Толедо», и через несколько минут из него вышла красивая, полная женщина. Я прижала лицо к стеклу, чтобы получше видеть. На ней была хлопчатобумажная юбка и белая блузка с высоким воротничком, а сверху розовый кардиган. Ничего особенного. Не могла бы сказать, видела ли я ее раньше.

Она стояла и смотрела на дом, потом повернулась и открыла заднюю дверцу машины. Ее голова исчезла, она наклонилась над чем-то — я знала, что будет дальше, — и я почувствовала слабость в ногах, когда она снова выпрямилась: она держала ребенка. Мальчика в синих шортах.

Потом, вместо того, чтобы пойти по тропинке к дому Полл, она направилась по дороге к вершине холма. У меня даже голова закружилась от облегчения. Через сотню ярдов она повернулась и пошла назад.

Поднялся ветер, и тучи понеслись по небу, как при ускоренной перемотке фильма. Пошел мелкий дождь. Она поехала, и я увидела, как ребенок у нее на руках стал извиваться и скривил рот, собираясь заплакать. Она снова открыла дверцу машины, уставилась внутрь, потом резко захлопнула ее. Я видела, как она стащила с себя кардиган и закутала в него ребенка, так что наружу торчала только его голова, и, поцеловав, прижала к себе. Она выглядела измученной. Я никогда не сделаю этого с Кэтрин, подумала я. Я закутаюсь в свой кардиган и оставлю ее мерзнуть.

Я знала, что теперь она войдет через парадную дверь.

Когда зазвонил колокольчик, я приоткрыла дверь своей комнаты и услышала:

— Здравствуйте, меня зовут Джуд, и я проделала долгий путь из Ренбери.

— О, где это, милая? — голос Винса.

— Кто это? — спросила Полл.

— Я приехала поговорить с вами о Роджере.

Парадная дверь с шумом захлопнулась. Соскользнув вниз по стене, я села на пол и стала ждать.

Это заняло не много времени — не более двадцати секунд. Я услышала крик Полл и звон, как будто разбился стакан. Потом скрежещущий звук, словно передвигали мебель, затем протестующий возглас. Я вышла из спальни и стала спускаться по лестнице.

— У меня ее нет, убирайтесь! У меня нет никакой другой в доме. Вы не можете ничего доказать, это только ваши слова. Вы пришли за деньгами? Ну, так вы не туда обратились. Разве не видно, что это дом печали? Как вы думаете, что означают эти опущенные шторы? Как вы посмели!

Я быстро взбежала наверх и бросилась к окну как раз вовремя, чтобы увидеть, как девушка, спотыкаясь, идет обратно по тропинке. Дождь усилился и заливал оконное стекло, искажая детали, но все равно я разглядела, как брошенная ей вслед копилка Полл в виде толстушки-негритянки вдребезги разбилась о камни. Запущенный следом утюг разлетелся на кусочки, как бомба.

— Я тебя изувечу! — вопила Полл совершенно изменившимся голосом. — Ты не уважаешь себя, грязная врунья! Если ты еще раз придешь сюда...

Kate Long

SWALLOWING GRANDMA

Девушка почти бросила своего ребенка на заднее сиденье. Когда она повернулась, чтобы сесть в машину, я увидела что-то темное у нее на лбу — может быть, кровь, а может, просто тень. Мне хотелось бы, чтобы это была кровь.

Как только машина отъехала, взвизгнув шинами, Кэтрин снова начала орать.

Глава тринадцатая

Чтобы подготовиться к приезду Кэллума, я решила заняться эпиляцией.

Шелковая нежность с Алоэ Вера. Мягкий и эффективный способ удалить лишние волосы. Не использовать на ушах, носу, бровях, груди, гениталиях и околоанальных областях. Не подходит для людей пожилого возраста.

Итак, требовалось потереть полоски между сложенными ладонями, как будто молишься. Потом разнять слои бумаги, и тогда на каждом обнаруживалось вещество, напоминающее ушную серу. Нужно было прижать это к коже, еще немного потереть, а потом оторвать полоску, вскрикнув от боли. На ноге оставалось совершенно гладкое место среди густого пушка вместе с кусочками противного желтого воска. Выглядело так, будто на ноге гнойная рана.

Я налепила полоски сзади на икру. Оййй! Еще один гладкий участок. Но теперь я увидела, что без должной аккуратности получается какая-то лоскутная мозаика, живая изгородь из пушка. По-

этому, несмотря на боль, я взялась за дело и стала искоренять оставшиеся клочки волос. Их становилось все меньше и меньше, но приходилось использовать много полосок. В конце концов, я справилась. Одна нога была полностью очищена от волос. Потом я сообразила, что у меня кончились полосы.

По телику все это выглядело как сплошное удовольствие. Девушки модельной внешности вместе падали на кровать, смеясь и поглаживая ноги друг друга. Никто не кричал от боли, не стонал, не покрывался испариной и не писался от боли. «С течением времени процесс становится простым и безболезненным» — было написано в буклете. Я не могла поверить, что им разрешили это напечатать.

Я выругалась, потом перечитала инструкцию. Каждую полоску можно использовать до трех раз, говорилось в ней. Я проверила кучу выброшенных полосок, все они прилипли к ковру там, куда я их бросила, а те, которые попали в корзину для мусора, теперь были покрыты очистками от карандаша и конфетти от дырокола. Осталось не больше четырех неиспользованных полосок. Я взяла мусорную корзину и со злобой швырнула ее о стену. Сама виновата, что не смогла в этом разобраться.

В этот момент в дверь моей комнаты постучали.

— Убирайся! — заорала я, думая, что это Полл.

Дверь со скрипом отворилась, и Мэгги, просунув голову в проем, быстро огляделась вокруг.

— Извини, дорогая. Я просто решила проверить, все ли в порядке. Мне показалось, я услышала плач. А потом раздался этот глухой стук, и я подумала, что ты упала на пол или случилось что-нибудь еще. Но, слава богу, все в порядке. Извини, что побеспокоила.

Ну почему не она моя бабушка?

Когда я спустилась вниз, Мэгги и Полл готовились к прогулке. Мэгги осторожно убрала со стола мерзкого вида носовой платок и заменила его чистым из собственного кармана. Она кивнула мне, я подцепила платок кухонными щипцами и бросила в стиральную машину.

— Наконец-то, — сказала Полл, не сразу попав рукой в рукав своего плаща. — Мы вернемся около четырех. Пообедаем у «Работяг». Чем ты собираешься заняться?

— Не знаю, — сказала я, постукивая носком ноги по стиральной машине. Убирайся прочь и оставь меня в покое, хотелось мне крикнуть. — Может, пройдусь в библиотеку.

— Хорошо бы отмыть шкаф с чистящими средствами, если тебе больше нечем заняться, — сказала Полл, засовывая в сумку чистый носовой платок. Она повернулась к Мэгги. — У нас была протечка, представляешь?

— Ну, надо же, это все ваши трубы?

— Нет, одна из бутылок с моющей жидкостью. Она подтекала, а мы этого не замечали, пока все не вылилось. Я постоянно приходила сюда и нюхала. «Весенняя свежесть», но она так воняла! Потом Кэтрин пошла за хлоркой и увидела, что

бутылка прилипла ко дну шкафа. Все это нужно хорошенько промыть.

— Значит, тогда мой день уже занят, — пробормотала я.

— Я помогу тебе, если ты подождешь нашего возвращения, — сказала Мэгги. — Можешь куда-нибудь пойти. В твоём возрасте не стоит торчать в четырех стенах. Пойди в библиотеку и развлекись. Ой, посмотри, у тебя пояс завернулся! Ты, должно быть, влюбилась.

— О, господи! — проворчала Полл. — Любовь! Скоро свиньи начнут летать. Мы идем или что?

Проходя мимо, Мэгги дружески щипнула меня за щеку.

— О, черт, — пробормотала я еле слышно.

После их ухода я выпустила Уинстона побродить в саду и решила слегка подкрасить губы. Было странное ощущение, будто я съела кремовое пирожное и не вытерла после этого рот, но я удержалась и не стерла помаду немедленно. Я причесала волосы и собрала их в низкий конский хвост. В последнюю минуту я заметила, что через колготки просвечивают мои пятнистые после эпиляции ноги. Пришлось переодеться в выходную блузку и брюки. Посмотрев на себя в зеркало, я подумала, что выгляжу очень даже неплохо. Эффект чуть не нарушила восковая полоска, прилипшая к брюкам, но вернувшийся Уинстон спас положение, решив ее съесть.

Придя в библиотеку, я увидела, что мисс Мегера и мисс Мышь растворились в воскресном приходе школьников. Кэллума нигде не было. Я пере-

шла в секцию новых поступлений и только собиралась начать просматривать книги, как в отделе периодики увидела его. Он читал приложение к «Гардиан».

— Ты изменился, — сказала я.

— Ты тоже.

— Нет, я хочу сказать, что ты действительно выглядишь по-другому. Почему ты постригся?

Он сделал машинную стрижку, не ежик, но довольно короткую. На нем были темные очки в оправе и легкий цветной пиджак.

— Захотелось чего-то нового. И голове прохладнее. — Он провел рукой по своим коротким волосам.

— А очки?

— Надоели контактные линзы. Я к ним вернусь, конечно, когда надоест носить очки.

— Ты прямо как Шерлок Холмс, мастер менять внешность.

Он сделал вид, что рассматривает меня сквозь увеличительное стекло.

— Таинственный случай пропавшей матери. Куда отправилась Элизабет Кэсл после того, как исчезла из Бэнк Топ?

— Это не смешно.

— Извини. Эй, развеселись, я привез тебе кое-что! Тебе должно понравиться.

Он вытащил из-под стола рюкзак и раскрыл его.

— Вот, смотри. — Я увидела маленький бумажный пакет и коричневый конверт. — Сначала вот это; это и есть главный подарок. Их делает мама

подруга Шона. Она раньше жила на яхте во Франции, но кто-то хотел ее поджечь, и она вернулась домой.

Я раскрыла пакет и засунула руку. Мои пальцы нащупали что-то холодное. Оно скользнуло в ладонь, как монета.

— Оса?

— Да нет же, смотри лучше. Это эмалевая пчела. Можешь повесить ее на цепочку, если тебе не нравится ремешок.

Я пристально рассматривала изображение.

— Ты уверен, что это не оса? Она слишком тощая для пчелы.

Обратная сторона была из гладкого металла.

— Не тупи, это просто такой стиль. Кто делает осу украшением? Пчелы крутые, они производят мед и маточное молочко, опыляют фруктовые деревья. И они не жалят без причины. А осы — это совсем другое дело, они злые. Они живут в сараях и едят всякую гадость.

— Они не такие уж плохие. Я могу рассказать тебе что-то очень важное об осах.

— Что?

— Не сейчас. Позже. Может быть.

Кэллум почесал в затылке и искоса взглянул на меня.

— Ты сегодня очень загадочная.

Мимо прошла мисс Мегера и внимательно посмотрела на нас.

— Все в порядке?

Мы кивнули. Я показала ей кулон.

— Гмм, — сказала она, — обычная оса.

— О господи, это пчела! — засмеялся Кэллум.

— Форма не похожа, — сказала мисс Мегера. — Брюшко слишком узкое. А черные полосы слишком широкие.

— Ну, хорошо. Двое против одного. Конечно, я неправ.

Мисс Мегера бросила на него изучающий взгляд, потом ушла, чтобы заняться очередью у стола.

— Да, не хотел бы я быть на месте тех, кто не вовремя вернул книгу в эту библиотеку. Просто страшно становится. Я привез кое-какие фото, думаю, тебе интересно будет их посмотреть. — Кэллум подтолкнул ко мне конверт. — На обратной стороне написано, кто это.

На первом фото я увидела неясное изображение какой-то отвратительной красной куклы с огромной головой. Ее ноги торчали в разные стороны, как у лягушки.

— Это я, — с гордостью проговорил Кэллум. — Вообще-то я родился недоношенным. Мама так болела перед родами, что боялись, она не выдержит. У нее был жуткий токсикоз, и пришлось извлечь меня раньше срока, чтобы я тоже не умер. Много недель ее заставляли лежать неподвижно.

Затем шло еще четыре Кэллума. Ползунок в костюмчике с капюшоном, еще один в школьной форме, лет четырех («я ходил в школу только два или три года, это была такая ерунда»); затем шел Кэллум на мотоцикле, в амуниции, смахивающей на рыцарские доспехи. На последнем фото он был запечатлен возле огромной картины без рамы.

— Я нарисовал ее, — сказал он, — маслом. Она выставлялась в нантвичском музее пару месяцев, потому что мне присудили за нее первое место. Теперь мама повесила ее в своей комнате. Это облака.

— Да, я поняла, — солгала я. — Обалденно. Правда, здорово.

— А это мама.

Он указал на фотографию женщины средних лет с длинными блеклыми светлыми волосами и круглым приветливым лицом. На ней был черный топ с вышитым воротом, в ушах длинные серьги.

— Один из ее предполагаемых бойфрендов сделал это фото в прошлом году. Ей оно не нравится, потому что можно увидеть несколько морщинок, но мне кажется, получилось классно.

— Она похожа на свою сестру.

— Да, мне тоже так кажется. А вот еще одно, это первое фото туч, которое я сделал. Никаких фильтров и других штучек, просто навел и нажал на кнопку. Странное дело, я сделал это фото, потому что туча напоминала дельфина, выпрыгнувшего из воды. Но когда я проявил его, изображение изменилось и стало похоже на чье-то лицо. Видишь? Поверни. Вот глаза, вот рот. Грустное лицо.

Его палец прочертил контур.

— А вот это фото я сделал в Эйвбери, здесь я использовал оранжевый фильтр. Видишь, словно гигантский палец указывает на самый высокий стоячий камень. Как палец бога, но на самом деле это след самолета. Следующее фото сделано в местечке под названием Моу Коп, там есть нечто вроде искусственных руин, и, когда стоишь на вер-

ху, можно видеть на много миль вокруг. Здесь я постарался сфотографировать вид на облако из каменной арки, видишь? Я использовал фильтр, чтобы получилась едва заметная радуга.

— Как бензин в луже.

— Точно. И, наконец, два последних фото. Я сделал их над водой на озере Конистон, чтобы свет от воды отразился в тучах и как бы подсветил их снизу. Фильтры здесь придают глубину теням.

Он меняется, когда рассказывает о своих фотографиях, подумала я.

— Эта мне нравится больше всех. — Я указала пальцем на Моу Коп.

— Правда? Я сделаю тебе копию. Знаешь, ты можешь приехать туда как-нибудь и сама увидишь это место. Можно даже взять с собой фотоаппарат. Не исключено, что к тому времени я уже куплю машину.

— Да, это было бы здорово, — сказала я, зная, что этого никогда не будет. Но мне было действительно приятно, что он это сказал. Я представила себе нас двоих, глядящих сверху на поля и города, уходящие к горизонту. Внезапно мой пустой желудок издал голодную руладу. Я окаменела от ужаса.

Кэллум повернул голову сначала вправо, потом влево, в удивлении подняв брови:

— Странно. Клянусь, я слышал, как мякнула кошка. Неужели ты не слышала?

Он наклонился и посмотрел под стол.

— Эй, кис-кис! Нет, никого не видно.

Он снова сел, и его улыбка заставила меня рассмеяться.

— Перестань.

— Она, должно быть, притаилась за столом. Наверное, мышь выслеживает. Ой, подожди, вон там промелькнул ее хвост.

— Ну, перестань же!

— Мне кажется, нам надо немного перекусить, пока мы оба не умерли с голода. Еще немного, и наши кишки запоют дуэтом, и, поверь, мои запоют гораздо громче, чем твои.

Я облегченно кивнула:

— Ну, хорошо, мы можем съесть по сандвичу в... — Мои пальцы дотронулись до кожаного ремешка кулона, и я потянула к себе осу. Пожалуй, я буду ее носить. — Мы можем пойти ко мне домой. Полл ушла. — Я почувствовала, что краснею, но продолжала: — Так что она не рассердится, ей не обязательно про все знать. Пойдем, посмотришь дом.

— А я думал, ты никогда меня не пригласишь, — сказал он.

По дороге домой я рассказывала ему о несуществующих достопримечательностях Бэнк Топ.

— Вот здесь стоял амбар эпохи Тюдоров.

— Где, на месте этой скобяной лавки?

— Да. В пятидесятые бульдозеры сравняли его с землей. А на противоположной стороне находился ряд старинных каменных домов шестнадцатого века. Стены в них были в два фута толщиной, а на крыше вместо шифера — каменные плиты.

— Там, где стоят эти одноэтажные домишки? Боже, какая жалость! Откуда ты все это знаешь?

— Я писала сочинение на эту тему и, кроме того, в библиотеке есть несколько видов улиц,

можешь посмотреть в следующий раз. Мисс Мегера большая любительница местной истории. А вот здесь, на нашей стороне, раньше был паб под названием «Герб каменщика». Когда его снесли в семидесятые, нашли стену из оштукатуренных прутьев, которая датировалась концом двенадцатого века. Неподалеку отсюда раньше была яма для петушиных боев, но я рада, что теперь они не проводятся.

Когда мы проходили мимо большого здания совета, я кивком указала на ведущую к нему дорогу.

— Она раньше называлась «Четыре тропинки», но теперь ее переименовали в Школьную дорогу, потому что она ведет к новой начальной школе.

Кэллум перешел на другую сторону и некоторое время шел по мостовой, стараясь разглядеть детали серого здания постройки девяностых с его красной бетонированной площадкой для игр.

Я тоже перешла дорогу вслед за ним, хотя совсем не хотела этого, и остановилась рядом.

— Когда я вижу это место, мне становится плохо. Иногда мне хочется, чтобы сюда упала бомба.

Собачье дерьмо, мусор и окурки в траве на обочине дороги — все так же, как девять лет назад, когда несколько девочек прижали меня к этому металлическому уличному знаку. Они задрали мою юбку, так что все могли видеть мои трикотажные панталоны на резинках, и Джули Бери заорала, что они грязные, что было ложью. Клер Гринхолф

стукнула меня по задку теннисной ракеткой, и синяки потом долго не проходили. Когда им удалось довести меня до слез, они просто убежали. Разумеется, я не собиралась рассказывать об этом Кэллуму.

Он обернулся, и мы медленно пошли дальше.

— Это та школа, в которую ходили твои папа и мама?

Я покачала головой.

— Я не знаю, куда ходила мама. Это где-то в Болтоне, я думаю. А отец учился в старой викторианской школе, мы уже прошли место, где она стояла. Помнишь грудку оранжевых плит у церкви?

— Не-а.

— Вот там она и стояла, мне надо было показать тебе, когда мы проходили мимо. Она была каменной, с красивым фронтоном. Ее можно разглядеть на фотографии папиного шестого класса. Если тебе интересно, могу показать.

Был теплый солнечный день. Кучевые облака над нами раскинулись, как собаки, ждущие, чтобы их почесали. Я была уверена, что поступаю правильно, ведя его к себе домой.

— Вон там кладбище. Как-нибудь я тебе его покажу.

— Там похоронен твой отец?

— Нет, но там уютно и тихо. В июне здесь по всему фасаду распускаются офигительные ярко-красные цветы, но сейчас они уже сошли.

Мы дошли до нижнего конца деревни.

— Почти пришли, — сказала я, — городской совет каждый год ставит елку на Рождество на этом острове безопасности. Еще здесь есть местная

деревенская традиция, которая называется «Разбей фонарь». В ней участвует вся молодежь на мили вокруг. Лампочки держатся от силы три дня. В прошлом году некоторые мальчишки осмелились закидать камнями даже приехавшего Санту, когда он объезжал здание совета. Он сказал, что больше сюда не приедет.

Я могла бы вскоре поменять все это на готические здания и шпили, если бы захотела, подумала я.

Мне непонятно было выражение лица Кэллума, когда мы, наконец, остановились перед домом Полл. Я постаралась прочесть в его глазах впечатление от увиденного. Низкая стена и крошечный участок травы, слишком маленький для косилки, который Собачник должен был превратить в прямоугольник, каменный подоконник с зелеными полосками, обшарпанная черная дверь.

— Какое красивое веерообразное окно над дверью, — сказал он, глядя на дверную раму, — ваши соседи вынули такое же из своей двери. Это большая ошибка. Некоторые люди не понимают душу вещей.

Я быстро провела его через холл с его ужасными обоями и плешивым ковром в заднюю комнату, где Полл и я едим, смотрим телевизор и ругаемся.

— Как много у вас ламп, — сказал он, оглядевшись, — как в магазине электротоваров.

— Так нужно, — ответила я, представив, как Полл, сощурившись, через свехсильную лупу разглядывает огромные буквы в своих триллерах, — зато наш дом, наверное, можно разглядеть из космоса.

В глаза мне бросились пятна на обоях там, где Полл опиралась о стену рукой, когда бродила по комнате. Я никогда не замечала их прежде. Так же, как паутину под потолком и слой серой пыли на ковре у камина. Я, конечно, делаю уборку, но просто нет смысла напрягаться, если Полл вообще не видит грязи, а Собачник не обращает на нее внимания. Внезапно наш дом показался мне свалкой мусора.

— Пойдем наверх, — проговорила я быстро, пока не пришла в такое смущение, что слова сказать не смогу.

Он все еще осматривался вокруг, как будто был посетителем необычной выставки.

— Ладно. Тут классно. Пойдем.

В тот последний вечер Полл затеяла драку с Винсом. Сначала они кричали друг на друга, но это была обычная история. Я спустилась вниз выпить молока и видела, как это произошло. Не знаю, с чего у них началось, но она бросилась к нему с утюгом. Он схватил ее за руку и толкнул так, что она упала на диван. Утюг выпал из ее рук, ударился о стену, и днище отлетело от пластикового корпуса.

Она с трудом поднялась с дивана и снова бросилась на него. Она была похожа на взбесившуюся собаку. Он схватил ее за запястье, а она свободной рукой вцепилась ему в ухо. По его перекошенному лицу было видно, какая это боль. Она наносила ему удары по голове, а он старался ухватить ее вторую руку. Я ударила ее кулаком в спину. На минуту она прекратила сражение и упала на диван лицом вниз. Она надвинула на голову

подушку и держала ее руками. Тут закричала Кэтрин, и я на цыпочках побежала обратно наверх.

Той же ночью, должно быть, около двух, я проснулась и увидела Винса в своей комнате. Он стоял у постели и смотрел на меня. Было слишком поздно притворяться, что я все еще сплю. Я подумала: вот оно, он пришел изнасиловать меня.

Он наклонился и дотронулся до покрывала.

— Не знаю, как ты, девочка, но с меня хватит. Я уезжаю отсюда, — сказал он, — ты поедешь со мной?

Глава четырнадцатая

Уинстон храпел на вышитом покрывале моей кровати. Я сгребла его, перенесла в комнату Полл и положила на диван.

— Можешь писать здесь, если захочешь, — сказала я ему на ухо.

Потом быстро скользнула в кухню и включила чайник. Пока вода закипала, я приготовила несколько уродливых бутербродов с сыром, обрезав покрытую плесенью корочку, чего никогда не делала для Полл. Я бросила сэндвичи на две тарелки с изображением Альберт-Холла, приготовила чай и погрузила все на поднос, чтобы нести наверх.

Вернувшись, я увидела, что Кэллум, сняв пиджак, что-то засовывает в его карман. Когда я появилась на пороге, он резко повернул голову. На лице его промелькнуло смущение.

— Кушать подано, — сказала я, делая вид, будто ничего не заметила. — Мне пришлось уволить дворецкого.

— О, великолепно! — Он оставил в покое свой пиджак и взял у меня чашку с чаем. — Я так ждал этого момента!

Я села на пол, прислонившись спиной к шкафу, потому что не хотела садиться рядом с ним на кровать, но он встал, держа в руке сандвич, и начал бродить по комнате, разглядывая обстановку. Он провел пальцем по ромбовидной резьбе на спинке кровати, потрогал висячие ручки на комоде, наклонился, чтобы лучше рассмотреть корешки книг. Потом остановился у фотографий и стоял там очень долго, а я в это время пыталась рукавом незаметно стереть пыль с книжного шкафа.

— Это все фотографии твоего отца?

— Ага. Видишь школу на этой карточке? Правда, это было красивое здание? Полл тоже туда ходила, когда была маленькой. Она рассказывала, что на стенах там были чучела птиц, а учительский стол стоял на возвышении. И ее били палкой за шалости, а когда там учился папа, для тех же целей учитель применял ботинок.

— Он бил учеников ботинком?

— Такими методами пользовались учителя в семидесятые. Отец получал ботинком чуть не каждую неделю. Об этом рассказала мне Кисси, не Полл: он постоянно что-нибудь выдумывал, а им это не нравилось. В наши дни сказали бы, что он был креативным парнем с богатым воображением.

— Это школа для вас, свора фашистов, — сказал Кэллум, становясь на колени, чтобы посмотреть старые отцовские долгоиграющие пластин-

ки. — А меня, можно сказать, в один прекрасный день выгнали из школы. Они могли бы колотить меня до посинения, это бы не помогло. Я бы все равно не стал делать то, что делали остальные. Я не понимал, почему есть определенное время для рисования и математики, определенное время для лепки из пластилина и игры. Я не понимаю, почему нельзя разрешить детям следовать своим импульсам. Ведь тогда у каждого ребенка образуется мощный стимул к индивидуальным занятиям.

— И ты говорил им все это, когда тебе было семь лет?

— Ну да. То есть моя мама. Они постоянно приглашали ее зайти на беседу. И ее это все больше раздражало. В конце концов они стали называть ее плохой родительницей, неполноценной матерью-одиночкой, пока в один прекрасный день она не вывела меня из здания и не сказала: «Ты больше никогда сюда не вернешься». И я не вернулся. Это было здорово. — Он ногтем открыл футляр и вынул пленку. — Э, да здесь альбом «Human League», о котором ты мне рассказывала! — Он поднялся, шагнул к кровати и сел, все еще держа пленку. — Мама была просто классной учительницей. Она делала занятия веселыми и интересными, а в погожие деньки мы гуляли или уезжали куда-нибудь. Отец присылал нам деньги, так что ей не нужно было работать, хотя мы всегда были немного стеснены в средствах. В общем, это не имело значения, мы обходились.

Я почувствовала непонятный укол ревности, когда услышала, как он говорит о своей матери. У меня такого никогда не было.

— Моя бабушка тоже забрала меня из школы, потому что надо мной там издевались, — сказала я.

Это было правдой. Полл спасла меня тогда бог знает от чего. Может, даже от ритуального сожжения.

— Девочки бывают просто невыносимы, — сказал Кэллум, а его глаза пробежали листок со стихами. — Они все должны носить одно и то же, слушать одну и ту же музыку и все такое. В моем колледже есть девчонка, Лиззо, она неряха и немного дремучая, так она рассказывала, что в девять лет пережила ужасные унижения, потому что оставалась в стороне и не следовала общей моде.

— Они считали меня ведьмой.

— Что? — Кэллум положил альбом и взглянул на меня.

— Остальные дети в моем классе. Сначала они считали меня странной, потому что я живу с бабушкой и у меня нет ни мамы, ни отца. И еще потому, что я... выглядела не так, как они. («О, Паваротти, жирная свинья! Смотри, у нее уже титьки!») Потом кое-что произошло. Они решили, что это моих рук дело, и записали меня в ведьмы.

Я вдруг подумала: мне не стоило этого говорить. Зачем я все испортила, рассказав ему, какая я ужасная?

— Знаешь, — сказал Кэллум, — а ведь это круто!

— Совсем не круто, а очень мучительно.

— Да нет, нет, это круто! Вау. Ведьма! — Он с воодушевлением наклонился вперед. — Что ж ты натворила?

Я подумала об анисовом драже Донны. Черт. Лучше бы я молчала.

— Послушай, ты должен пообещать, что не станешь смеяться надо мной, если я тебе расскажу.

Кэллум воздел вверх руки. Высоко над его головой ветерок покачивал длинные пряди паутины.

— Клянусь, — сказал он.

Как мне было не поверить ему? Он пришел сюда, в эту комнату из прошлого века, где на стенах до сих пор висели фотографии военных самолетов, а по углам спали вечным сном мои родственники, и ничуть не смутился. Он, должно быть, видел комнаты других девочек, нормальные комнаты, но он не насмеялся и не делал язвительных комментариев. Сосуд с прахом отца стоял на подоконнике за его головой. Я знала, что с Кэллумом все в порядке.

— Ну хорошо, тебе удобно сидеть? Потому что это долгая история, если рассказывать с самого начала.

— Давай с самого начала, — улыбнулся Кэллум.

— Ну ладно, раз ты этого хочешь. Так вот, там был этот парень. То есть их было много, они часто приставали ко мне и пытались вырвать книжки, схватить за пальто и все такое, но был один, Джейсон Ропер, который был на год старше всех мальчиков из нашего класса. Наверное, его оставили на второй год или что-нибудь в этом роде. Он был большим и болтливым, и выкрикивал гадости с высоты своего роста, и брызгал слюной, когда кто-то проходил мимо. («Эй, большая толстая корова, ты ненормальная, ты все еще носишь подгузники, а твоя бабушка покупает тебе одежду на барахол-

ке!») Однажды он так разошелся, вопя, что у меня нет отца, а моя мама сбежала из дома, что потерял равновесие и упал, ударившись головой. Я просто стояла неподалеку, когда он корчился и плевал кровью. Дело в том, что какой-то ублюдок оставил там свой скейт, и он, падая, ударился лицом о его край. И вдруг одна из девчонок завопила: «Это она! Это она сделала! Кэтрин Миллер напустила на него злые чары!» Он снова скорчился, потом посмотрел на меня и заныл: «Где мой зуб?» И я услышала свой голос: «Я заставила его исчезнуть. Ты его никогда не получишь». — «Ах ты, проклятая ведьма! Я до тебя доберусь, ты уже покойница!» Я думала, он попытается меня ударить, но он бросился к туалету, роняя по дороге капли крови.

— Ну-ка, еще раз продемонстрируй этот замогильный голос. Это было на самом деле здорово. Как у настоящей ведьмы.

— Перестань, ты меня сбиваешь. О чем я говорила? Ах, да! Не знаю, зачем я это сделала, ведь это ухудшило мое положение, и остальные мальчишки не оставляли меня покое. Я была ведьмой весь тот день и следующий тоже. Раньше меня дразнили насчет моей семьи и... другого, но внезапно все стало гораздо серьезнее. Друг Джейсона Кристофер Хортон не переставал сверлить меня взглядом и даже пытался сыпануть в меня солью, когда мы стояли в очереди в столовой, потому что считал, что это убивает ведьминскую силу. Тем все и должно было закончиться, потому что через сорок восемь часов Джейсон увидел свой зуб в унитазе. Но потом с Кристофером случился несчастный случай.

Кэллум открыл рот:

— Господи, что еще произошло?

— Его сбил автобус, когда он играл в цыпленка.

Он не был ранен, его просто сильно потрянуло, и у него были ушибы и кровоподтеки. Но все обвиняли в этом меня, говорили, что подействовало мое проклятие.

— Подожди, что это за игра в цыпленка?

— Ну, надо выскочить на дорогу перед едущим транспортным средством в самую последнюю минуту. Разве у вас не играют в такую игру?

— Да нет. Значит, он обвинил тебя, что чуть не попал под автобус, когда играл в игру, участник которой бросается под машину? Брррр! Он был такой же тупой, как и его друг?

Я рассмеялась.

— Это не был класс гениев. Я стала оставлять в своей парте рисунки пентаграмм или как бы пентаграмм, потому что они больше походили на еврейские шестиконечные звезды, их проще нарисовать. Одна девочка, Джули Бери, постоянно спрашивала, где ручка от моей метлы, доставала меня на каждой перемене, просто задолбала своими вопросами. И вот однажды, когда учитель находился в другом крыле здания, усаживая драчунов, эта Джули объявила всем, что ведьм надо закидывать камнями и бросила в меня гальку. («В следующий раз это будет булыжник, ведьма! Береги свою задницу!») И я потеряла терпение, потому что это продолжалось день за днем, и крикнула, что в течение двух недель с ней произойдет Что-то Ужасное.

Было похоже, что на Кэллума мой рассказ произвел сильное впечатление.

— Бьюсь об заклад, ты нагнала на них страху!

— Да уж. Они все притихли. Теперь смешно вспоминать, но тогда мне было не до смеха.

— Знаешь, ты мне открываешься с совершенно новой стороны. Но продолжай, неужели она умерла страшной смертью?

— Если бы. Но, тем не менее, она провела жуткие две недели. Я принесла куклу, которую сделала из кусочков материи, а к голове приклеила волосы, и показала эту куклу ее подруге. Знаешь, как бы случайно, по ошибке. Я сделала так, чтобы она увидела большую штопальную иглу, воткнутую в середину куклы.

— И это были волосы Джули?

— Да нет, конечно, откуда мне было их взять? Она никогда не приближалась ко мне ближе, чем на шесть футов. Нет, это была шерсть спаниеля Кайли. Она была примерно того же цвета, что и коса Джули. Среди девчонок разгорелись споры о том, стоит ли Джули говорить об этом учительнице и своей матери. А вдруг от этого проклятие станет еще смертоноснее? И стоит ли искать в Интернете заклятие? А две ее подружки пришли ко мне и умоляли снять заговор. Но я сказала, что раз заклинание уже произнесено, теперь его нельзя отменить. У него своя энергия, сказала я, как в законах физики. Я помню, что сказала: «Это не какая-нибудь кровавая Милдред Хаббл, это серьезно». Они чуть не описались. Если бы Джули пришла ко мне и извинилась, я бы сделала вид,

что отменила заклятие, но она слишком меня ненавидела.

Мое сердце глухо застучало при воспоминании о тех днях. Было странно, что через восемь лет я помнила все так ясно.

— Самое грустное, мне действительно иногда начинало казаться, будто я ведьма.

Кэллум откинулся на кровать, его длинные ноги свесились вниз.

— Тебе и миллионам других.

— Что ты имеешь в виду?

— Сколько людей носят талисманы на счастье или стучат по дереву, чтобы отвести зло? Или напевают свою особую мелодию при виде похоронной процессии? Или обходят лестницу вместо того, чтобы пройти под ней? Лично я безумно боюсь сорок. Никогда не проходи мимо сороки, вежливо ее не поприветствовав, иначе нарвешься на неприятности. Этому меня научила мама. Все до некоторой степени верят в колдовство.

— Но ведь ты не думаешь, что у меня были отклонения от нормы?

— Я думаю, что ты самая нормальная девочка в вашем классе, — спокойно сказал Кэллум. Я покраснела от удовольствия. — Правда! А я-то думал, что хуже моей школы не бывает. Что за сборище мерзавцев! А как закончилась история с Джули?

— Ничего особенного. Наступил тринадцатый день, и ее прямо трясло от страха, потом настал четырнадцатый, и она приободрилась: «Ха-ха, я знала, что это все обман, давайте отомстим нашей сумасшедшей ведьме!» Когда я поняла, что она

буквально спятила от злобы, я сбежала из школы, хотя занятия еще даже не начались, и помчалась домой. Я сказала Полл, что заболела, и она дала мне пирожное и разрешила немного посмотреть телевизор, а потом всучила швабру и велела вымыть пол. Она всегда считала, что роль образования слишком преувеличивают. Я решила, что лучше мне не ходить в школу до конца недели, а к понедельнику Джули, возможно, несколько остынет. Но только в тот самый вечер умерла ее шиншилла.

— Ой-ой-ой! — Кэллум прижал руки к лицу и завертел головой, выражая предельный ужас. — Господи Иисусе, только не это!

— Ладно, хватит прикалываться, для нее это было настоящей трагедией. Эта шиншилла жила у нее много лет, и она любила ее больше своей бабушки, она всегда так говорила. Она так горевала, что не пошла в школу. Я слышала, что она настояла, чтобы шиншилле похоронили у них в саду. И тот факт, что шиншилле было уже десять лет, не имел никакого значения. Ее маленькое сердечко перестало биться от моих злых чар. Можешь себе представить, как меня встретили в школе, когда я пришла туда в понедельник?

— Кэтрин Миллер; шиншиллий киллер?

— В сто раз хуже.

— Господи. И ты ушла из школы.

— Нет, не тогда. Ты еще не слышал самого плохого.

Кэллум в ужасе схватился за голову.

— О боже! Что же ты еще натворила?! Подожгла школу?

— Нет, у меня немного больше воображения, чем ты думаешь, — сказала я, делая перед ним пассы руками, как настоящая ведьма.

Он скрестил два пальца и поднес их ко лбу.

— О, нет, оставь меня, злобный дух! Я не поддамся твоим колдовским чарам!

— Это ты так думаешь. Так вот, знай, что благодаря мне всю нашу школу выгнали из Честерского зоопарка. И им пришлось привлечь детского психолога, чтобы справиться с последствиями.

— Мне не уснуть сегодня, — сказал Кэллум, — давай дальше!

— Эту мысль мне подал Собачник, в те времена мы были приятелями. Я часто гуляла с ним и его собаками, у него их тогда было три. Одна из них, сука Молли породы грейхаунд, раньше работала собакой-спасателем. Она была очень нервной и беспрестанно лаяла. Собачник сказал мне, что соседи устали от ее лая и ему нужно что-то придумать, чтобы они не позвонили в специальную службу. И тогда он купил отпугиватель собак. — Я сделала предупреждающий жест рукой. — Пока ты не спросил, объясняю: это маленькое электронное устройство величиной со спичечный коробок для отваживания назойливых дворняжек. Оно издает ультразвуковой сигнал, который слышат только собаки. Они его не переносят, для них это хуже, чем ногтем по стеклу. Этот прибор используют для того, чтобы отучать собак от вредных привычек. Примерно так: залаяла — ультразвук, схватила что-то — ультразвук.

— Или испортила настроение — ультразвук.

— Ну, вроде того. Я взяла отпугиватель и стала дрессировать Молли, хотя это оказалось бесполезно: она все равно набрасывалась на людей в форме. Собачник одолжил мне его на время, чтобы я отучила Уинстона грызть ограду, и именно тогда я решила: будет прикольно взять его с собой в эту поездку в зоопарк со всей школой.

Девочки в школе стали совершенно невыносимы, но хуже всего они вели себя в тот день. Я хотела идти одна, но учительница сказала, что нужно разбиться на группы. И все самые злобные ребята попали в одну группу со мной: Джули, Клер, Кристофер, Джейсон, в общем, вся шайка. Я уверена, что учительница сделала это намеренно. Она слышала, как они поносят меня, но ни разу их не остановила. Так что мы разглядывали слонов и жирафов — такая скукота! — а потом перешли в сектор летучих мышей. Это огромная искусственная пещера, в ней живет самая большая коллекция летучих мышей в Англии. Она оборудована тяжелыми пластиковыми лентами, свисающими наподобие корней или ползучих растений, которые скользят по шее и плечам, когда идешь по тропинке. Одно только это привело некоторых девиц в возбуждение, а там еще царил кромешная тьма.

Когда мы проходили через арку, Джейсон возьми да и скажи: «Это будет твоя улица — Ведьмин проспект». — «Обожаю летучих мышей», — ответила я, а он заявляет: «Конечно, ты ведь сама как мышь. Толстая летучая мышь». Тут я говорю: «Я могу управлять этими мышами. Я могу заставить их делать все по моему приказу». При этих

словах спустившаяся откуда-то сверху летучая мышь пронеслась прямо над его головой. Джейсон аж подпрыгнул. Клер, стоявшая рядом с ним, вскрикнула, и тут мы обнаружили, как много в пещере летучих мышей. Сначала, пока глаза не привыкли к темноте, их не замечаешь, а вдруг оказывается, что они повсюду. Я вытащила из кармана ультразвук, но очень осторожно, так, чтобы никто не заметил, а потом повернулась к Джейсону: «Ладно, смотри. Сейчас я произнесу магическое заклинание, и все летучие мыши одновременно взлетят со своих мест». Джейсон говорит: «Ну да, конечно, так они и полетели. Ты что себе вообразила? Может, скажешь еще, что ты вампир?» — но в голосе его слышался страх. Клер сказала: «Ой, не надо, Кэтрин, подожди, пока я выйду отсюда, пожалуйста!» Я рассмеялась ей в лицо как сумасшедшая, и она снова завопила от страха. Потом она рванула к выходу, но безуспешно, потому что там толпился народ, а тропинки были очень узкими. И в этот момент я нажала на кнопку. Может, это было совпадение, не знаю. Может быть, летучим мышам передалось волнение людей, но внезапно поднялась черная буря. Все мыши этой пещеры сорвались со своих мест и стали носиться над головами людей. Воздух мгновенно наполнился шумом крыльев. Клянусь, их там было не меньше нескольких сотен, а некоторые тропические экземпляры были размером с портфель. Все дети и большинство взрослых перепугались чуть не насмерть; некоторые стояли как вкопанные, вжав головы в плечи, но большинство устремились к выходу из пещеры. Я за-

метила, что Джули пытается забиться в расселину в скале. От страха она зажмурила глаза. Я подошла и взъерошила ей волосы с криком: «О Боже, на твоей голове огромная летучая мышь! Ой, она хочет ущипнуть тебя за шею!» Она побелела и стала глубоко дышать. Через минуту раздался вой сирены, открылся аварийный выход, и в пещеру вбежали служащие зоопарка, чтобы вывести посетителей и успокоить мышей.

Когда мы вышли наружу, у всех был шок. Кристофер впрыскивал в горло «Вентолин», а Клер обмочила свои красивые джинсы. Джейсон просто пылал от негодования. Он прыгал так, что с него чуть не свалились штаны, тыкал в меня пальцем и орал: «Это она! Она это сделала! Это все из-за нее!»

К нему присоединились и другие школьники, те, которые не плакали и не впали в ступор. Миссис Киртлен отвела меня в сторону и внимательно посмотрела мне в глаза. В то время как все остальные пребывали в шоковом состоянии, я не могла согнать с лица глупой радостной улыбки. Она сказала: «Скажи, ты имеешь отношение к этой свалке?» И я ответила: «Да!» — потому что в этот момент испытывала гордость за свой поступок. «Что ты сделала?» Я показала ей приборчик.

Мне пришлось провести целый час в администрации зоопарка, объясняя, что я сделала. Думаю, они боялись, что мне захочется продолжить подобные развлечения. У них уже были проблемы с психами, которые направляли лучи лазерных ручек в глаза диких кошек. Я без конца твердила, что мне очень жаль, что я нанесла урон летучим мы-

шам, но не думаю, что кто-нибудь мне поверил. Потом приехала сотрудница службы безопасности, чтобы отвезти меня домой отдельно ото всех.

И наконец — развязка. В понедельник директор школы вызвал мою бабушку для доверительной беседы и сказал ей, что родители других детей требуют принять против меня меры, что Клер не может спать от ночных кошмаров, а Джули по всей комнате развесила чеснок, который помогает от нечистой силы. Он, наверное, мог бы сказать гораздо больше, но Полл не дала ему закончить. Странная вещь, сама она пилила меня с утра до вечера, но от него слушать гадости не собиралась. Она швырнула в него пресс-папье. Как бы мне хотелось на это посмотреть! В результате я пропустила учебный год.

— Черт возьми! Значит, Полл сама тебя учила?

Я громко расхохоталась.

— Полл?! Ты шутишь! Это я себя учила, более или менее успешно.

— А социальные службы тебе что-нибудь предлагали? — Кэллум глядел на меня с сомнением. — Они постоянно вмешивались, когда мама меня учила, проверяли.

— Мисс Мегера помогла мне составить план занятий для социальной службы и снабдила меня учебниками, ну, такими, где в конце есть правильные ответы. Она давала мне домашние задания и сама их проверяла. Но главным образом я обязана своим старым книжкам из серии «Домашнее чтение».

Я сняла с полки книжку «Общественное обслуживание: водоснабжение» и протянула ему.

— К концу года я знала курс истории наизусть, все об охране окружающей среды, но лучше всего я разбиралась в технологиях шестидесятых. Социальный служащий, который проводил со мной собеседование, вначале не был во мне уверен, но, кажется, все изменилось, когда мы вышли в сад за домом, и я показала ему собственноручно сделанный дождемер. Он испытал его на эффектном небе с барашками, которое было в тот день. Я сказала: «Полагаю, в данный момент вы можете видеть перисто-кучевые облака».

Он что-то быстро записал у себя в блокноте и ушел. На следующий год я пошла в среднюю классическую школу, где, если честно, никогда не прибегала к опытам с летучими мышами.

Кэллум вскочил и зааплодировал.

— Боже! Кэт Миллер, это классная история! Ты такая... — Он не закончил, только покачал головой, улыбнулся и плюхнулся обратно. — Я снимаю перед тобой шляпу за фантастическую находчивость. Отпугиватель собак! Если я пытался кому-то отомстить, всегда получалась ничтожная ерунда. Намазать стул клеем, засунуть портфель за шкаф. Безнадежный дилетант. Хотя однажды я положил в коробку для перчаток королевскую креветку.

— Креветку? Только жестокий ублюдок может проделать такое с невинным ракообразным.

Я обалдела: он совершенно спокойно воспринял мои слова.

— Это была мертвая креветка. Еще немного, и она бы начала вонять и довела бы до помешатель-

ства владельца машины. Но он сразу ее обнаружил и выбросил в окно. После этого меня какое-то время звали Креветочьи яйца, но это было дружеское прозвище.

— Креветочьи яйца?

— Ну да. Мэри-креветочьи яйца. Это не пошло на пользу моему имиджу.

— Могу себе представить.

— Ты вся порозовела.

— Ну, знаешь, после твоих проделок...

Когда мы устали смеяться, я решила, что степень нашего знакомства позволяет спросить его, действительно ли он готов помочь мне отмыть шкаф под раковиной.

— Да, тебе не составляет труда придумать для парня достойное применение! — сказал он, снова засмеявшись. — Ну хорошо. При одном условии...

— Каком?

— Чтобы меня пригласили на тот день рождения на следующей неделе. — Он указал на приглашение Донны, которое я приколотла к деревянной раме овального зеркала над комодом.

Я была поражена.

— Ах, это! Я не знала, что ты... если честно, я туда не пойду... — внезапно меня осенило. — И даже если бы я пошла, как ты доберешься в Нантвич? Ведь вечеринка закончится не раньше часа ночи.

— Ах, да! А ведь верно. Ну, тогда вопрос закрыт. Я просто помогу тебе с твоим шкафом.

— Хороший мальчик.

— Но сначала мне надо отлить. Чашка чая была очень большой.

— Прямо напротив лестничной площадки дверь без этих дурацких указателей.

Когда дверь туалета захлопнулась, я перестала улыбаться и схватила пиджак Кэллума. Во внутреннем кармане, аккуратно сложенный в маленький прямоугольник, лежал один из рисунков отца по биологии:

Таракан: А) вид сверху; В) вид брюшка.

1. Голова. 2. Грудной отдел. 3. Брюшко 4. Усик
5. Крылья 6. Вены, или нервюры 7. Сегмент 8. Дыхальце 9. Вертлюг 10. Тазик 11. Бедро 12. Лапка.

Я перевернула листок, но на обратной стороне ничего не было. В туалете раздался звук спускаемой воды, и я, быстро сложив листок, сунула его обратно в карман его пиджака. Что же, в конце концов, все это значит? Мне ужасно хотелось спросить его об этом, но я не могла признаться, что шарила у него в карманах.

— Я думал о том, что ты мне только что рассказала, — сказал он, входя в комнату. — Удивительно! И ты так скромно все это преподносишь!

— Но мне в голову не приходило, что тут есть чем хвастать. — Я пожала плечами.

Честно говоря, эту историю мне всегда было стыдно вспоминать.

Он улыбнулся:

— А ты ведь темная лошадка, знаешь об этом?

А ты ведь тоже, — чуть не сказала я в ответ.

— Ты возьмешь коляску Кэтрин? Только мне придется перевернуть ее, — прошептал Винс в дверях.

Я вскочила.

— Нет, — сказала я.

Он ненадолго вышел, потом вернулся с сумкой, набитой одеждой.

— Как насчет ее стерилизатора?

— Нет, — прошипела я, — нет, никакого стерилизатора!

Он остановился, пытаясь застегнуть свою сумку.

— Ну, и как ты собираешься с этим справиться?

Я подняла на него глаза.

— Ох, — сказал он, — ладно!

Он вышел, и стало совсем тихо. Через минуту или две он просунул в дверь голову и сказал:

— Пойду принесу переноску для ребенка, ладно?

Я подошла к детской кроватке попрощаться, но не поцеловала ее, чтобы она снова не начала вопить. Мне не хотелось покидать дом под ее рулады. И потом нельзя было будить Полл. Честно говоря, я не чувствовала ничего, кроме облегчения, покидая своего ребенка.

В машине, перед тем как тронуться, я попыталась объяснить Винсу, что я чувствую.

— Ты знаешь историю про Синдбада, ну когда маленький старичок обманным путем забрался Синбаду на шею и никак не желал слезать? И он ездил на нем верхом, превратив Синдбада в своего раба? И когда, наконец, Синдбад разозлился, старик начал бить его палкой и душить своими тонкими маленьки-

ми ножками? И Синдбаду пришлось напоить старика, чтобы наконец избавиться от него.

Винс уставился на меня, как на больную.

— Ты всегда можешь вернуться назад, когда почувствуешь себя более уверенно. — Это было все, что он сказал.

Он повернул ключ зажигания, и мы рванули в ночь.

Глава пятнадцатая

На следующее утро в одиннадцать на серванте зазвонил телефон.

— Кэт?

— Да?

— Угадай, кто говорит.

— Понятия не имею.

Я действительно не могла узнать голос, по крайней мере, вот так, сразу. Откуда мне было знать, что Кэллум позвонит мне домой. Наконец я его узнала.

— А, так это ты?

— Не стану отрицать.

— Откуда ты узнал мой номер?

— Позвонил в справочную, детка, а ты что подумала?

— Ах, да, конечно. В чем дело?

— Я почти тебя не слышу, ты очень тихо говоришь. Как с другой планеты. Можешь говорить громче?

Это уже вошло у меня в привычку. Даже когда Полл не было дома, как сейчас, я говорила шепотом.

том, будто мне было что скрывать. Хотя не могу сказать, чтобы в моей биографии было так уж много интимных разговоров.

— Извини. А теперь слышно?

— Да. Отлично. Я подумал, что стоит тебе сказать. Я провел кое-какие изыскания. Так вот — есть поезд из Болтона, который отходит в полпервого ночи.

С того места, где я стояла, мне через окно гостиной была видна улица. Мимо дома по направлению к холму двигалась стайка мальчишек лет десяти. Они бросали пистоны на мостовую и пронзительно вопили, когда те взрывались. Я слышала отдаленный собачий лай и крики взрослых, а потом мальчишеский свист, ругань и опять выстрелы.

— Отлично, — сказала я Кэллumu, — куда он идет?

— До Крю. — Его голос звучал спокойно.

— А зачем ты мне это говоришь?

В трубке раздалось негромкое постукивание. Потом снова послышался голос Кэллума.

— Это я постучал по трубке. Послушай, я это к тому, что могу пойти на ту вечеринку, мне просто нужно будет пораньше оттуда уйти. Может быть, десять минут или четверть первого, в зависимости от того, как далеко от клуба находится станция.

— Довольно близко, — проговорила я прежде, чем прикусила язык.

— Отлично.

— Но послушай, Кэллум, я-то не собираюсь идти туда. — Опершись о буфет, я задела какой-то листок, и он упал. Подняв его, я увидела, что это открытка

от Ребекки, которую Полл, должно быть, прочитала, но забыла мне передать.

«Прекрасно провожу время, осматривая достопримечательности Национального общества охраны памятников. Собираюсь завтра осмотреть сад, посаженный Всемогушим Брауном ! Не могу дожидаться дня объявления результатов!!! Бекс Х.

Бекс?

— Я подумал, что это будет забавно, — говорил Кэллум, — я всегда хожу на вечеринки.

— А я не люблю клубы, — сказала я, надеясь, что он не догадается, что я ни разу в клубе не была.

На открытке был изображен белоглазый мраморный Посейдон.

— Какая досада! Это было бы прикольно.

— Это ты так считаешь.

— Эй, Полл дома?

— Нет. Она... — я немного помедлила, — обедает вместе с Собачником у «Работяг».

Полл мало к кому ходит, потому что у людей есть дурная привычка ставить свою мебель в самых неподходящих местах. Но вообще-то Полл со стопкой журналов и несколькими бутылками Гиннеса отправилась навестить Мэгги, которая упала у нас на кухне и повредила колено. Причина, по которой я не хотела говорить об этом Кэллуму, состояла в том, что Мэгги поскользнулась на одной из моих ловушек для Полл. И он видел, как я ее готовила. «Интересно, Кэт, зачем ты проводишь чистящей жидкостью линию через порог?» — спросил он, убирая в шкаф последнюю коробку с крахмалом. «От мышей», — ответила я. Он ничего больше не спрашивал, ну и я решила, что он мне

поверил. Интересно, что бы он стал мне врать насчет отцовского рисунка с тараканом, который он сташил?

— Собачник? — Кэллум фыркнул. — Ну и имя. Хотелось бы мне посмотреть на этого типа. Он действительно похож на собаку?

— Нет, но запах такой же. И если бы он только мог, то непременно вцепился бы тебе в ногу.

— Как мило! Так ты точно не собираешься идти туда в субботу?

— Нет.

— Ну, хорошо. Я... я буду на связи. Ничего, что я позвонил тебе домой?

— Честно говоря, не здорово. Если бы Полл взяла трубку и услышала твой бас, мне бы не пришлось с тобой поговорить.

Могу себе представить, что бы она сказала. Постаралась бы надолго отравить мне жизнь. А если бы узнала, кто он, вообще был бы полный финиш.

— У тебя, наверное, нет мобильного. Или есть?

— Нет.

Но мне по фигу: звонить-то некому.

— А адрес в Интернете? Я бы скинул тебе письмо в библиотеку.

— К сожалению, нет. — Он, наверное, подумал: «Ну и дремучая девица». — Но можно посылать сообщения через мисс Мегеру. Если, конечно, не называть ее так.

Кэллум издал какой-то звук, похожий на тяжелый вздох, а может, он просто слишком глубоко вдохнул.

— Ладно. Я дам тебе знать. Как-нибудь.

После разговора я чувствовала себя полной идиоткой. Я поднялась наверх и снова примерила блузку в обтяжку — теперь она стала слишком свободной — и черную юбку. Потом чуть подкрасилась и намочила волосы, чтобы они не так вились, взлохматила их, закрепила заколкой, а несколько прядей оставила. Я взяла щипчики для ногтей и выщипала из бровей непослушные волоски. Прежде чем все снять, я приспустила шторы, создав полумрак, и постаралась вообразить, как я могла бы выглядеть в клубе. Как идиотка, ответила я сама себе, потом отдернула шторы и убрала наряды. Прическу я не стала переделывать. Кроме того, я слегка сузила блузку, чтобы она сидела по фигуре. Я все еще могла различить легкий мужской запах Кэллума, задержавшийся у кровати.

— Эй, Кэтрин! — я услышала, как распахнулась входная дверь и Полл с грохотом ввалилась в дом. — Ты здесь, Кэтрин?

— Кэтрин! — заорал Собачник своим гнусным голосом. — Катерина!

Она добралась до лестницы и завопила:

— Как насчет обеда? Дикки принес большую коробку бифбургеров, а Мэгги прислала тебе огромный «тоблерон». Ей подарили соседи, но она говорит, что у нее зубы уже не те, чтобы с ним справиться.

Собачник вдруг решил проявить свои более чем сомнительные вокальные способности:

*И я был там, и он, и ты,
Викарий и майор со шпагой,*

*Все жены, леди, госпожи,
Джон Вилли и его дворняга.*

Я взглянула на часы. Пришло время подкрепиться.

За день до вечеринки Донны мне приснился странный сон. Я была в каменной башне, причем увидела ее сначала снаружи, а потом себя внутри, запертую на верхнем этаже. Я снесла яйцо, потом появился Кэллум. Он сказал:

— Я позабочусь о твоём яйце, не сомневайся.

Он положил его себе в трусы, чтобы оно оставалось теплым, а потом полез в окно, ухватившись за мои волосы, чтобы не упасть. Моя голова свесилась через подоконник, и я услышала, как он сказал:

— Я знаю прекрасный рецепт испанского омлета.

Проснувшись, я обнаружила, что мою косу защемило спинкой кровати.

Весь день мне было не по себе, к тому же Полл после полудня решила отправиться по магазинам. Возможно, именно это и явилось причиной той страшной ссоры. Мы пикировались весь день, с утра и за обедом, а затем разразилась гроза. Бродя по магазину, Полл снимала с полки всякие ненужные вещи и складывала в свою корзинку, а я вынимала и с шумом швыряла обратно на полки. Она вела себя хуже непослушного ребенка.

— У нас нет посудомоечной машины, потому что посудомоечная машина — это я, и нам не нуж-

ны таблетки для посудомоечной машины, — прошипела я, выхватывая их из ее сморщенных рук.

— Нет, они для стиральной машины, — раздраженно проговорила она, — я видела рекламу по телевизору — большие белые таблетки. Откуда тебе знать!

— По крайней мере, я умею читать, — сказала я.

Какая-то пожилая женщина, стоявшая за морозильной камерой, увидела белую трость Полл и, нахмурившись, посмотрела на меня. Бессердечная девчонка нападает на беспомощную старушку.

— Кто положил сюда эти прокладки? — как будто я не знала.

— Упаковка напоминает ватные тампоны, — сказала она, сердито глядя на меня, — точно такого же размера. Ты использовала, а мне не сказала.

— Ничего я не использовала. Я никогда не пользуюсь ватными тампонами.

— Ну, значит, ты их куда-то переложила. Ты же знаешь, как для меня важно, чтобы мои туалетные принадлежности находились всегда на месте. Иначе будет беда.

Однажды Мэгги вовремя предотвратила попытку Полл вымыть голову средством для чистки раковин.

— Интересно, как я могу убирать дом, когда всюду груды всякого барахла? — Я бросила в корзину две упаковки «Гэлекси» и большую упаковку «Милки-вей». — Вся полка в ванной комнате заставлена твоими баночками и тюбиками. Иногда мне приходится передвигать их, чтобы стереть толстый слой пыли. На подоконнике всюду валяются

дохлые мухи. Не надо класть в корзину эту упаковку детского питания.

— Но ведь это рис, здесь написано, смотри! — Полл злобно сунула мне в лицо желтую коробку.

— Это рис для младенцев, а не для взрослых. Положи его обратно.

Она положила рис, уронив при этом пачку галет.

— Полюбуйся, что ты сделала! — сказала она.

— Боже. — Я схватила галеты и затолкала их обратно. — Может, мы пойдем дальше? Потому что я уже сыта по горло.

Полл повернулась ко мне, ханжески поджав губы:

— Ты сыта по горло?! Ты?! А ты попробуй представить себя слепой. Интересно, что бы ты запела!

Она повернулась ко мне спиной и вперевалку устремилась к кассе, но зацепилась о вращающийся стеллаж с открытками. Полл грохнулась на пол, а содержимое стеллажа разлетелось в разные стороны. Несколько покупателей бросились на помощь.

— Вы можете встать, милая? У вас не кружится голова? Вы не сильно ударились плечом? Совершенно неподходящее место для стеллажа! Вы можете подать жалобу в суд.

Я дала им возможность проявить сострадание к ближнему, а сама оперлась о полку с охлажденными десертами и поставила корзину, проволочные ручки которой впились в мои ладони. Глядя, как ее поднимают и ставят на тоненькие ножки, глядя на ее съехавший с головы платок, я удивля-

лась, какой беззащитной и трогательной она должна казаться стороннему наблюдателю. Из глубины магазина выплыл менеджер и предложил ей влажную салфетку.

Она гордым движением вытерла лоб и собралась отдать салфетки обратно.

— Нет, нет, оставьте их, — сказал он, вероятно, посчитав потерю в полтора фунта за упаковку салфеток менее убыточной, чем звонок в неотложку.

Когда она опускала салфетки в сумку, по ее ликующему взгляду я поняла, что с ней все в порядке.

— Кажется, я смогла бы идти, если бы выпила глоточек «Бейлиз», — с надеждой сказала она.

Только выйдя на улицу, она прекратила изображать умирающего лебедя и взялась за меня.

— Эти люди в магазине, они больше беспокоились о том, что со мной случилось, чем ты. Стояла, как недоделанная, когда твоя родная бабуля корчилась в мучениях на полу. Как так можно? И прекрати строить рожи. То, что я слепая, вовсе не означает, что я ничего не вижу.

— Как же меня все это задолбало!

Я крепко схватила хозяйственные сумки, и ликер стукнулся о банку с маринованным луком.

— Если ты разобьешь эту бутылку...

— Да оставь ты меня в покое!

— Не смей говорить со мной таким тоном, леди!

Она замахнулась на меня тростью.

— Кажется, ты не моя мать, чтобы так себя вести, — сказала я в ожидании грома и молнии.

Мы как раз проходили мимо церкви, где тротуар довольно узкий. Полл остановилась, как вкопанная, так что я налетела на нее.

— А-а-а! Твоя мать! — Она прислонилась к стене и уставилась на меня, тяжело дыша. — Нет, я не твоя мать и, черт возьми, прекрасно это знаю! Я пока еще в здравом уме. Я не убегала и не оставляла беспомощного младенца на произвол судьбы. Я не разрушала семью. Я не... — Пауза, во время которой она вытаскивала носовой платок из рукава. — Я никого не лишала сына, — вытирание глаз и носа, — нет, я не твоя мать, и, черт возьми, ты должна быть благодарна мне за это! Только Бог знает, что бы из тебя вышло, если бы твоим воспитанием занималась она.

За всю мою жизнь этот монолог исполнялся столько раз, что потерял почти весь свой пафос. Я слегка подтолкнула ее в спину, чтобы она возобновила движение, и потащилась впереди, мечтая поскорее добраться до дома. Мы все еще находились на оживленной Хай-стрит и, о боже, на другой стороне улицы стояла миссис Трелфолл и махала рукой. Слишком поздно было делать вид, что я ее не вижу.

— Мод выписали из больницы! — крикнула она Полл, перекрывая шум мчавшихся автомобилей. Полл стала вертеть головой, чтобы определить, источник звука. — Мод Эккерсли! Ей надо дождаться результатов анализов!

— Ты слышала? — буркнула я, полуобернувшись к ней.

Полл проигнорировала мои слова.

— Пожелай ей от меня скорого выздоровления! — заорала она в направлении миссис Трелфолл.

Затем с обеих сторон последовало множество кивков и взмахов руками, и, наконец, мы двинулись дальше.

Там, где пешеходная дорожка расширилась, я замедлила шаги, чтобы сравняться с ней. Некоторое время мы шли молча, и я попыталась сформулировать свои мысли.

— Послушай, ты сказала все эти слова насчет моей мамы...

— Ну да, сказала, потому что это правда.

— Но ты ведь всегда навязывала мне собственное мнение и не давала возможности решать самой!

— Что решать? Что тебе решать? Эта женщина убила твоего отца, черт подери!

Она снова вытащила носовой платок, остановилась и стала вытирать глаза. Мы уже почти поравнялись с газетным киоском Портера, и я подумала, что, если кто-нибудь сейчас выйдет на улицу, он попадет прямо в мелодраму. Я взяла ее за руку, пытаюсь избежать неприятной встречи, но она раздраженно вырвалась.

— Я не собираюсь прекращать этот разговор, — сказала я спокойно, — какой бы слабой и несчастной ты ни притворялась. Все не так просто, — продолжала я, — до сих пор я принимала на веру твою версию событий. Никто, кроме тебя, не рассказывал мне эту историю, и я ей верила. Но недавно я размышляла над всем этим, и у меня возникло много вопросов. Например, если бы моя мама

действительно была убийцей, настоящей убийцей, почему же полиция сразу не арестовала ее? Почему она сейчас не гниет где-нибудь в тюрьме? — Я внезапно вспомнила книгу, которую читала ребенком, где был именно такой сюжет, — ведь ее там нет, не так ли?

Полл прислонилась к стене киоска, ее слезы мгновенно высохли, и она вытерла губы рукавом.

— Не будь идиоткой. Конечно, нет.

— Так, может, она в бегах? Может, ей пришлось сменить фамилию, чтобы скрыться от властей?

— Скрыться? Вот правильное слово. Она просто симулировала сумасшествие, поэтому ее оставили в покое. Ее нужно было упрятать в сумасшедший дом или в тюрьму, все равно. Я бы лично вздернула ее на виселицу, жизнь за жизнь!

Я уставилась на платок Полл, на маленький подковообразный рисунок, шедший по кантику.

— Послушай, Полл. Посмотри на меня, это важно. — Она слегка подняла подбородок, так что я могла видеть ее слюнявый рот, но не глаза. — Помнится, ты говорила, что она сумасшедшая. Не просветишь меня, как ей удавалось так хорошо притворяться?

— Привет, леди! — произнес жизнерадостный голос. Черт возьми, это был мистер Эшкрофт из «Овер Севентиз», выходящий из газетного киоска с «Кроникл» в руках. — Приятно выйти на солнышко.

— О, да, — сказала Полл без всякого энтузиазма.

Он осмотрел меня с ног до головы и слегка покачал головой, но я к такому привыкла. Я грубо отвернулась, и он обратился к Полл:

— А как поживает ваш маленький песик? С ним все в порядке?

— Отдыхает дома. Он быстро устает.

— Как и мы все. — Мистер Эшкрофт хихикнул. — Я говорю, разве мы все не устаем? — Он перестал смеяться, когда я злобно взглянула на него. — Ну, не буду вас задерживать. Уверен, что сумки в руках Кэтрин тяжелые, не так ли? Хотя она все такая же большая сильная девушка.

Он, наверное, почувствовал в моем взгляде ненависть, потому что заковывал от нас довольно быстро, учитывая его эмфизему. Полл и я потащились дальше.

— Значит, ты говоришь, что на самом деле моя мама не была сумасшедшей?

Полл пожала плечами.

— Я что, врач? Я могу только утверждать, что она была ненормальной, когда ей это было выгодно, вот и все. Потом она очень быстро выздоровела.

Это были хорошие новости, потому что я всегда беспокоилась, не передастся ли мне ее сумасшествие.

— Не знаю, чему ты улыбаешься, — сказала Полл, — ведь это означает, что она была в своем уме, когда сбежала от тебя.

Полл из тех женщин, которые любят сыпать соль на слизняков. Если бы ты была слизняком, подумала я, я бы засолила тебя до смерти. Когда мы остановились, чтобы перейти дорогу, искушение пристроить ее под стремительно приближающийся фургон было огромным. Просто крикнуть: «Путь свободен!» — и увидеть, как она шлепнется

на гудронированное шоссе. Ее забрызганный кровью платок будет валяться в сточной канаве. Но фургон и подходящее мгновение промчались мимо, и дорога опустела. По ней двигался только электрический велосипед мистера Бордмана, который вряд ли годился для этой цели. Зато я удостоверилась, что, переходя дорогу, она ступала в самые большие и грязные лужи.

— Мне все еще хочется знать о ней больше, — продолжала упорствовать я, когда мы повернули к Броу, — что бы она мне ни сделала. Я хочу знать факты: когда она пошла в школу, какая у нее была любимая музыка и любимый фильм. Я никогда даже не видела ее фото, — говоря это, я скрестила пальцы за спиной. — Это ненормально, ведь она моя мама.

Полл тяжело ковыляла с опущенной головой.

— Она ничего для тебя не значит, я же говорила. Тебе гораздо лучше без нее, всегда было лучше. Забудь о ней.

— Это мне решать. Ведь это мое право, не так ли? Я ее дочь.

Гудок автомобиля, раздавшийся совсем рядом, заставил нас обеих подпрыгнуть: дочь Мэгги промчалась мимо в своем серебристом джипе, качаясь, как лунатик.

— Боже ты мой. — Полл схватилась за сердце. — Кто это был?

— Никто. Собака убежала. Но теперь все в порядке. Она убежала в сад к Аспуллам.

— Это радует. Послушай... — Полл снова остановилась и, выпрямившись во весь рост, посмотрела на меня. — Мне надо тебя кое о чем спросить. Скажи,

кто проводил с тобой все ночи до утра неделями, когда у тебя было крупозное воспаление легких и ты не могла дышать? Кто приносил миски с горячей водой для увлажнения воздуха и ставил их возле твоей кровати? Кто отправился в школу, когда тебя сбросили с ограды и вывалили в коровьих лепешках и тебе нужно было переодеться? Кто устроил директору школы выволочку и убедил чиновников в районном комитете образования оставить тебя на год в покое? Кто раскошелится на твою форму самого лучшего качества все эти годы, на блейзеры по шестьдесят фунтов, ведь мы не можем покупать секонд-хенд, потому что там нет твоего размера?

Да, и я отработала тебе все это, каждый пенни, разве нет? Подтирала, прибирала, была твоей бесплатной служанкой. Но я лишь сжала зубы и сказала:

— Я знаю. Но мне все же хотелось бы знать, где она.

— Хорошо, — сказала Полл, бросив на меня злобный взгляд. — Я скажу тебе, что думаю. Судя по тому, какого рода существом она была, почти наверняка она сейчас лежит где-нибудь на дне канала, сдохла от передозировки или выбросилась из окна. Ты ворошишь прошлое и собираешься разыскать ту, о которой тебе бы лучше ничего не знать. Иногда лучше жить в неведении.

— Ну, так это как раз то самое. Жизнь этой чертовой деревни — сплошное невежество. Я устала от невежества! — вырвалось у меня. — Я сыта по горло твоим отношением к миру, ты как страус, который прячет голову в песок. Мне уже восемнадцать, черт возьми! Я могла бы выйти замуж, очень

даже просто, перестань хихикать. Я могла бы уехать отсюда и жить в своем собственном доме, иметь работу и все остальное.

— Ты? Ты бы никогда одна с этим не справилась. Вокруг опасный мир, я достаточно часто тебе об этом говорила. — Мы остановились у нашего дома. — Жизнь почти всегда трагедия; ты сейчас мне не веришь, но ты узнаешь многое, когда доживешь до моих лет.

Как будто с возрастом умнеют. Сколько же в тебе дерьма, Полл Миллер!

Мне просто необходимо было чем-то подсластиться, поэтому я втащила сумки на кухню и выудила «Милки-вей». Я развернула две штуки, потом засунула в шкаф все остальное. Мой рот был набит шоколадом, когда я услышала наверху звук спускаемой воды.

— Полл?

— Что? — отозвалась она откуда-то снизу.

Я высунула голову из двери кухни и увидела, что она сидит на диване, пытаясь снять туфель.

— Послушай... — Я с трудом проглотила шоколад. — Наверху кто-то есть, у нас в туалете.

— О, это, наверное, Дикки. Он сказал, что зайдет.

— Ты оставила дверь незапертой?

— В этом нет необходимости, — ухмыльнулся Собачник, бодро входя в комнату.

— У Дикки теперь собственный ключ, — сказала Полл, и в голосе ее прозвучало: «Ну-ка, попробуй, возрази что-нибудь».

— Да, теперь есть, — сказал Собачник, вытаскивая огромную связку ключей и самодовольно гремя

ими. — Твоя бабушка считает, что так будет лучше. Теперь я в любую минуту могу быть здесь.

Час от часу не легче, подумала я.

— Откуда у тебя столько ключей?

Но Собачник только засмеялся в ответ.

— Ты будешь ставить чайник или нет? — спросила Полл.

Когда я вернулась, Собачник, самодовольно улыбаясь, вертел в руках картонную коробку.

— Вот, смотри, — сказал он, протягивая мне коробку, — что для одного дерьмо, для другого золото.

Я заглянула. Куча старого барахла, какая прелесть!

— Что это?

— Женские штучки. Полл уже порылась в них, но ей ничего не понравилось. Держи.

Я все же взяла коробку, бросив туда оставшиеся шоколадки. Поднявшись к себе, я опрокинула коробку на пол и опустилась на колени. На полу оказалось множество использованной косметики. Будто Собачник вошел в чей-то дом в отсутствие хозяев и смахнул все с туалетного столика в коробку. На расческе даже остались чьи-то волосы. Она сразу отправилась в мусорное ведро. Губная помада уже была использована, а тени для век высыпались из футляров. Но, спасибо старому вонючему ублюдку, он откопал для меня щипцы для волос, которые, кажется, могли в трудную минуту укротить мою шевелюру. Ручка была грязная, а на цилиндр налипла коричневая гадость, которую я приняла за запекшийся лак для волос. Я воткнула вилку, и загорелась красная лампочка, значит,

термостат работает. Пока щипцы нагревались, я сидела, скрестив ноги, перед зеркалом и пробовала новую помаду.

В конце концов, получилось неплохо. Было несколько неприятных моментов, когда горячие щипцы обожгли кожу, но оно того стоило. Первый раз в жизни мои волосы ниспадали вниз, а не торчали в разные стороны. Я изобразила локоны и загнула кончики внутрь, как делали некоторые девочки в школе. Я вспомнила, что сказала мне продавец в отделе косметики, и прикинула, смогу ли сама постричься. Обычно меня стрижет Бетти-мобильник, когда приходит время обновлять перманент Полл. Она неплохая, но умеет стричь только пенсионеров. Если бы у меня были работа и деньги, я могла бы пойти к шикарному парикмахеру на консультацию, спросить, нельзя ли распрямить мои кудряшки, может быть, обесцветить пряди. Но я боялась заходить в такие салоны, там девушки-парикмахеры все как одна с фигурами моделей и в крошечных юбочках. Они поднимут на смех такую толстуху, как я. И еще мне очень хотелось знать, где могут профессионально выщипать брови.

Я надела обтягивающую блузку, длинную юбку и ботинки на толстой подошве и встала перед зеркалом. А что, если пойти на вечеринку к Донне? Я попыталась загадочно улыбнуться своему отражению. Потом, как делают жертвы в фильмах ужасов, стала вглядываться в отражение комнаты и позади себя обнаружила нечто действительно ужасное.

На моем столике у кровати лежал открытый тюбик вазелина, и он не был моим и не принадле-

жал Полл. Присмотревшись, я обнаружила, что на моей кровати вообще кто-то лежал. Возможно, этому имелось самое простое бытовое объяснение, например, Полл приказала Собачнику смазать скрипящую оконную раму или что-нибудь в этом роде, но было ли это правдоподобно? Иногда, особенно в детстве, я представляла себе отца, лежащего здесь и слушающего свои пластинки или читающего книги. А на самом деле оказалось, что это Собачник, смазывающий свои гениталии.

Я закрыла лицо руками и тихо завывала в ладони. Так продолжалось минуту или две.

Потом я подошла к проигрывателю и поставила «Ultravox», очень громко, потом легла на пол, надавив пальцами на глаза, и лежала, пока не увидела искры.

О, Вена.

Он вез меня в центр Чорли, и в свете фар мелькали дорожные знаки. Мы остановились на мощеной боковой улочке, напротив каменного дома с террасой.

— Я была здесь когда-то? — спросила я, когда мы вышли из машины, потому что дом показался мне знакомым.

— Нет, — сказал Винс, дернув дверной звонок. В полутьме его лицо было похоже на череп.

Через минуту на порог вышел в неряшливом халате человек маленького роста, потирая лицо. Я думала, он накричит на нас за то, что мы его разбудили, но когда он узнал Винса, сразу же открыл дверь, и мы вошли.

— Пойду, надену брюки, — сказал он и пошел на второй этаж.

В доме был затхлый воздух. Человек вернулся вниз, надев тренировочные брюки, но без рубашки. Его ребра выпирали, будто он хронически недоедает. Оставив меня в гостиной, Винс и мужчина ушли на кухню для разговора. Я слышала, как Винс спросил:

— Ты уверен, что у тебя все в порядке?

Мужчина ответил:

— Конечно, нет проблем, я должен тебе за один месяц.

— Ты должен мне за несколько, — сказал Винс, — июль, август, сентябрь...

— Что я могу сказать, — проговорил мужчина, — ты просто святой.

— Я дурак, — сказал Винс, но несвойственным ему добродушным тоном.

Мужчина предложил мне стакан бренди, и мы все сели вокруг электрического камина.

— Меня зовут Сту, — сказал он.

Мне это было безразлично. Я выпила бренди и попросила еще.

— Мы можем пожить здесь немного, — сказал Винс. — Сту уезжает отдыхать на следующей неделе.

— В Лансароте, — сказал Сту. — Ты можешь спать на кушетке пару ночей, Винс, пока я не уеду. Я покажу тебе твою комнату, милая. Пойдем со мной.

Он провел меня в комнату, и у меня вдруг возникло ощущение дежа вю.

— Мне кажется, я здесь уже была, — сказала я, — хотя не могу вспомнить, когда.

На стенах были развешаны постеры Тонкой Лиззи и обложки альбомов, а в центре стоял стол со стопками бумаги и компьютером BBC серии B.

— Ты никогда здесь не была, можешь быть уверена. — Он указал рукой на компьютер. — Я возглавляю два журнала для болельщиков, это мой форпост. Вообще-то я сюда никого не впускаю, чтобы не нарушили мою систему. Но я знаю, что ты этого не сделаешь, не так ли? Хорошая девочка. Ванная с той стороны лестницы. — Он указал через дверь.

— Я знаю.

Он покачал головой:

— Ты думаешь о каком-то другом месте. Тут множество домов с точно такой же планировкой.

— Как у Полл, — сказала я тихо.

Только сейчас до меня дошло. Этот дом был близнецом того, из которого я только что сбежала.

— Хорошо. А теперь располагайся, но не трогай мои диски, ладно? Некоторые из них стоят двадцать фунтов.

Я собиралась застелить матрас простыней, но заснула в ту минуту, когда коснулась головой подушки. Мне бы хотелось сказать, что во сне мне снилась Кэтрин, но это не так.

Глава шестнадцатая

Бог знает, сколько я пролежала на полу, по крайней мере, до темноты это точно. Как только кончалась одна сторона кассеты, я вставала, переворачивала ее и снова вставляла в магнитофон. Это повторилось пять или шесть раз, пока, сняв наушники, чтобы снова перевернуть кассету, я не услышала стук в окно. От неожиданности я уронила наушники.

Тук-тук-тук. Как в фильме про убийцу, который всегда так делал, прежде чем нанести удар жертве. Наверное, чертовски высокий убийца. А может, он приставил лестницу?

Я немного отодвинула угол занавески и выглянула наружу.

«Я ГРАБИТЕЛЬ, ВПУСТИ МЕНЯ», — увидела я записку, прислоненную к стеклу. Снизу слышались радостные крики, и бумажка стала вращаться вокруг палки, к которой она была прикреплена.

«ВСТРЕТИМСЯ У ПОДНОЖИЯ ХОЛМА. У ТЕБЯ ЕСТЬ 10 МИНУТ».

Я распахнула окно и высунула голову. Кэллум махал мне рукой из садика перед домом.

— Убирайся оттуда! — прошипела я. — Тебя могут заметить Полл или Собачник.

Я молилась, чтобы у них были задернуты шторы или чтобы они смотрели телик в гостиной.

— Тогда спускайся, — улыбнулся он.

Он опять вставил контактные линзы.

— Не могу.

— Можешь. Если не спустишься, я позвоню в дверь. Ну вот, смотри, я иду, я подошел, я поднимаю руку в опасном направлении, вот мой палец уже в нескольких сантиметрах... — Он протянул руку к двери.

— Ой, ради бога! Это не смешно. Перестань!

— Ну, тогда спускайся. Только на минуту, только поздороваться. Пожа-а-а-луйста.

Он опустил руку и умоляюще взглянул вверх.

Я могла запустить свой «Иллюстрированный словарь» ему в голову, тогда бы он заткнулся. Но эта улыбка...

— Пожа-а-а-а-луйста.

— О, черт! Ну ладно. Только на одну минуту. А ты положи шест для одежды там, где его нашел иними с него это послание. И заberi с собой. Если Полл это прочтет, у нее случится припадок.

Он отдал мне честь и бросил шест на землю. Я мысленно молилась, чтобы поблизости не было соседей. Хорошо, что уже стемнело.

— Увидимся в пять? — Он помахал мне ладонью с растопыренными пальцами.

— Ты сказал, не больше десяти минут.

— Окей. Но, пожалуйста, не трать время на прическу и всякие девчоночьи прибабасы. Ты и так выглядишь классно.

Я почувствовала, что краснею, но потом поняла, что все это он говорит только для того, чтобы я поскорее вышла. Всего лишь для этого.

— Мне надо надеть пальто.

— Совсем не надо, на улице тепло. Выходи как есть.

Я посмотрела на свою полуобнаженную грудь. Нельзя допустить, чтобы меня видели на улице в этой блузке.

— Ну, хорошо, но надо что-то накинуть. Подожди. — Я нырнула в комнату, но он снова позвал меня. — Ты перестанешь орать? Перебудоражишь всю улицу. В чем дело?

— Можешь взять с собой приглашение на вечеринку?

— О господи, ты никак не забудешь про это! — пробормотала я, захлопывая окно.

Я рывком открыла дверцу шкафа и стала рыться в вещах. Под длинным темно-синим кардиганом лежал белый топ, который я купила с Донной. Я отхватила бирку щипчиками для ногтей и начала расстегивать блузку. Потом до меня дошло, что надо торопиться. Я снова застегнула блузку. Вероятно, красный лифчик просвечивал через белую ткань, но я решила не обращать внимания.

Несколько движений щеткой, чтобы пригладить спутанные волосы, и я была готова. В последний момент я просунула приглашение через щель между рамой и подоконником.

Я не видела, где оно приземлилось.

На цыпочках я спустилась вниз и прислушалась.

«Мы знаем, что ты затеваешь, Гастингс. Твой товарищ все нам рассказал». — Толстый полицейский допрашивал кого-то на повышенных тонах.

Я слышала, как Полл сказала:

— Почему они не осмотрят его машину, там наверняка все забрызгано кровью.

А Собачник ответил:

— Просто они тупые, эти полицейские, они не видят, что творится у них под носом.

Мне очень хотелось повернуть направо и выскочить на улицу через холл. Но мои ключи и кошелек лежали в миске для фруктов на буфете, который стоял в гостиной слева. Мне пришлось войти.

Я постаралась не шуметь, но Собачник повернулся на своем стуле, как только услышал шелест двери по ковру.

— Черт возьми, посмотрите на нее! — Он бросил на меня плотоядный взгляд. — Ты неплохо поработала, не так ли? Неудивительно, что ты сидела так тихо весь вечер. Мне нравится твоя кофточка.

Полл тоже оглянулась.

— Ну и куда ты собираешься идти? — спросила она, услышав звяканье ключей.

— На улицу. А что?

— Не надо мне дерзить, мамзель, — проговорила Полл, с усилием приподнимаясь с дивана. Она подошла совсем близко и уставилась на меня, загородив дверь. — Боже милосердный, что ты с собой сделала? Ты выглядишь, как Бэтт Дэвис в том фильме, где сестры постоянно вредят друг другу, как же он назывался? Одна из них была калекой, а вторая сошла с ума.

— Мне кажется, что она выглядит очень привлекательно, — сказал Собачник. — Я бы ее съел. Ням-ням.

— Мне надо идти, — сказала я.

Пока меня не стошнило, хотелось мне добавить.

— Но ты не пила чай. Я звала тебя, но ты никогда не отвечаешь. Была жареная грудинка, но пришлось ее выбросить, потому что она стала как подошва.

— Неважно.

— В твоем возрасте ты не должна выходить, не поев. Не обвиняй меня потом, если у тебя появятся камни в желчном пузыре. Куда это ты направилась? — Полл воинственно выпятила подбородок. — С кем-то встречаешься?

— С Ребеккой. Я иду на день рождения к девочке из нашей школы.

«Ты хочешь, чтобы я этому поверил?» — заорал инспектор из ящика, стуча по столу.

Полл слегка расслабилась.

— День рождения? А где?

— В общественном центре в Харропе, — сказала я быстро. — Там, куда мы ходили смотреть «Красавицу и чудовище». Ребекка подвезет меня туда и обратно. Я не знаю, когда вечеринка закончится, так что не запирайте дверь.

Стоя позади нее, Собачник облизал губы.

— Ты такая хорошенькая, — сказал он. — Очень красивая девушка!

Я проскользнула мимо Полл и бросилась к входной двери.

— Но почему ты не сказала мне об этом раньше? И откуда у тебя этот наряд? — услышала я ее визгливый голос. — Ты без пальто!

Я захлопнула за собой дверь и осмотрелась. Улица была пуста, и я перевела взгляд на холм. Кошелек ударял по груди.

Кэллум стоял у двери маленького фургона. На нем была трикотажная куртка с капюшоном.

— Эй! — крикнул он, увидев меня. — Поторопись. Мы тут стоим уже сто лет. — Он открыл передо мной дверь автомобиля. — Залезай!

Я заглянула внутрь и отпрянула от неожиданности, увидев за рулем рыжеволосого парня.

— Привет, — сказал он, не поворачивая головы. Струйки сигаретного дыма выходили из его ноздрей.

— Все в порядке. — Кэллум кивнул головой в направлении парня. — Это Митч из колледжа, мой приятель. Усаживайся.

Где-то внизу живота я почувствовала дрожь паники. Опасный незнакомец, подумала я. В темное время залезать в машину с двумя парнями! Этого делать не стоит, говорил мне природный инстинкт. Завтра я попаду на первые страницы «Болтон ивнинг ньюс». «Толстушка найдена в канаве. Бабушка обвиняет себя в трагическом недосмотре».

— Но куда мы едем?

— В Болтон. У Митча там кое-какие дела. Я попросил его подвезти меня. Мы просто можем где-нибудь посидеть, ты и я, даже если не пойдем на эту вечеринку. Ну, давай, Кэт, повеселимся для разнообразия.

Вот так люди становятся наркоманами. Но мне не хотелось его обижать.

— Я не знаю.

— Послушай, — проговорил Кэллум, подходя ко мне совсем близко и понижая голос, — обещаю, если ты изменишь свое решение по дороге, тебе стоит сказать одно слово, и мы тут же повернем назад. Ты ничего не потеряешь. Поехали. Всего-то посидим часок-другой в каком-нибудь тихом пабе. Думаю, мы действительно можем неплохо провести время.

— Митч тоже поедет с нами?

Кэллум рассмеялся.

— Да не думай ты, он просто высадит нас где-нибудь в центре города и уедет по своим делам.

Я глубоко вздохнула и залезла в машину, не отпуская дверцу.

— Подвинься, — сказал он, когда я была уже внутри.

Я перетасщила свой зад на другое сиденье, за Митча, который по-прежнему не обращал на меня никакого внимания. Кто он такой и почему у него столько колец на пальцах? — хотелось мне спросить.

— Пристегни ремень, — крикнул Кэллум и со щелчком пристегнулся сам, — мы ведь не хотим, чтобы кто-нибудь сегодня вечером остановил нас!

— Нет, не хотим, — проговорил Митч.

Он повернул ключ зажигания и CD-плеер заиграл танцевальный мотив на басовых нотах, от которых у меня сразу же начало сводить челюсти.

Все казалось мне нереальным — и этот прокуренный фургон, в котором мы едем невесть куда,

а ветер врывается в приоткрытое окно и свистит в ушах. Я поняла, что скриплю зубами от страха, попыталась расслабиться, но ничего не получилось. Я посмотрела на Кэллума, и он улыбнулся мне в ответ. Он курил, и горящий кончик сигареты слегка покачивался в темноте.

— Митч раньше жил в Болтоне. — Кэллум барабанил по приборной доске свободной рукой, будто играл на ней.

— А!

— Дыц-дыц-дыц, — играла музыка.

— Так ты приехал сюда, чтобы встретиться с друзьями? — спросила я у Митча.

— Ага, — сказал Митч, — вроде того.

— А где они живут в Болтоне?

— Знаешь, где была эта перестрелка с ИРА.

ДУМ-ДУМ-ДУМ.

Я кивнула.

— Можно сказать, дверь в дверь.

ДА-ДА-ДА-ДА-ДА-ДА-ДА-ДА-ДА-ДА. ДЫЦ-ДЫЦ-ДЫЦ.

— Понятно.

— Но это было после того, как я переехал.

— А, — сказала я, — надеюсь, в Нантвиче более тихая обстановка? — Я слегка задыхалась от волнения.

— Ну, так было, пока туда не приехал Митч, — сказал Кэллум.

Я думала, что Митч хоть как-то отреагирует на его слова, но в темноте понять это было трудно.

Он высадил нас на автобусной остановке, причем Кэллум выскочил из машины, как танцор, а я вывалилась, как мешок картошки.

— Мы не можем пойти на эту вечеринку, — тут же сказала я.

— Я знаю. Еще рано. Давай сначала найдем хороший паб. — Он большими шагами устремился вперед, а я торопливо засеменила за ним, прижимая кошелек к груди. — Ты знаешь что-нибудь приличное?

— Нет, — сказала я, но мой голос затерялся в визгливом смехе проходившей мимо группы девчонок.

Улица была запружена народом, как в субботний день, когда все заняты шоппингом, но на покупателях обычно бывает больше одежды. У Полл бы случился инфаркт, если бы она увидела столько полуголых тел сразу, а Собачник захлебнулся бы своими слюнями. Среди них я заметила несколько довольно упитанных девиц.

Наконец мы остановились у маленького старинного паба на углу мощеной площади. Там были люди, но не слишком много. Я нашла место у камина и рассматривала балки на потолке, пока Кэллум не принес мне полпинты сидра.

— Бывала здесь когда-нибудь? — спросил он, ставя бокалы на стол.

— Нет.

Интересно, стал бы он смеяться, если бы я сказала ему, в скольких пабах на самом деле я бывала — в одном, да и тот был «Клуб работяг», куда я зашла, чтобы забрать покупки Полл, которые она забыла под столом.

— Здесь, кажется, симпатично, — начал он и замолчал.

— Что-то не так?

— Да нет. Как тебе сидр?

— Неплохо. Вообще-то я уже пила раньше алкоголь.

— Я в этом не сомневался.

— Что ты собирался сказать?

Он сморщил губы и сделал глоток из своего бокала.

— Только то, что мне странно видеть тебя за пределами Бэнк Топ. Как будто вырванной из контекста, вне своего окружения. Как будто ты навсегда принадлежишь этой деревушке.

— Господи, не говори так!

Кэллум поднял бровь.

— А что, тебе это не нравится?

— Не очень. — Я подумала о полях, которые расстилались позади нашего дома, вересковой пустоши за Харропом, молчаливых камнях кладбища. — Нет, мне там кое-что нравится. — Клер Гринхолф, высокая, хорошо одетая, самодовольно ухмыляющаяся мне со второго этажа автобуса, толкающая локтем мальчика рядом и указывающая вниз. — Люди там не ахти, конечно. Но Бэнк Топ — место, где я родилась, мои корни. Место, где ты вырос — это часть твоей личности, нравится тебе это или нет, ведь так?

Кэллум пожал плечами.

— Не знаю. Разве?

— Мне так кажется. Хотя немного стыдно, что я родом из Бэнк Топ.

— Ну, все не так плохо. По крайней мере, ты не живешь в мафиозном квартале или в одном из этих домов-башен, где дети для забавы бросают камни на головы прохожих.

— Конечно, но в деревне тоска и невежество, и каждый сует нос в твою жизнь.

Огни игорного автомата играли на серьезном лице Кэллума, и я снова подумала, как здорово иметь кого-нибудь, кто может выслушать тебя. В следующий раз, когда он придет в мой дом, я покажу ему прах отца, он этого заслуживает.

— Я могу жить в Нантвиче или уехать отсюда, — сказал он, — там неплохо. Не Шотландия, конечно. Но у меня сложилось впечатление, что ты любишь свою деревню, и именно поэтому никуда отсюда не стремилась. Мне кажется, ты привязана к Бэнк Топ некоей духовной связью.

— О, пожа-а-а-луйста.

— Ну да, потому что ты все о ней знаешь, и историю, и все. Да, ты ругаешь ее, но я думаю, что ты делаешь это любя, как дети жалуются на своих мам. Извини, на своих бабушек. Хотя они их любят.

О боже, он думает, что я люблю Полл.

— Нет, я не люблю Бэнк Топ, к твоему сведению, и если и существует какая-то там связь, она готова порваться. Я хочу тебе кое-что рассказать. — Мое сердце начало колотиться, как сумасшедшее. — Только это огромный секрет. Никто о нем не знает, во всяком случае, от начала до конца. Некоторые знают кое-что, но никто не знает всех обстоятельств...

— Ну что ж, начинай, — сказал Кэллум, вынимая сигарету изо рта, — я сгораю от нетерпения.

— Возможно, я больше не буду жить в Бэнк Топ.

Он помедлил, заинтригованный.

— Да ну? А что, работа или что-то другое? А, понимаю, ты едешь в университет. И куда ты собралась? Я все время хотел спросить, куда ты поступаешь. Мне обязательно нужно приподнять свою задницу и отправиться на какие-нибудь дни открытых дверей. Я пропустил кучу в прошлом семестре.

— Я еду в Оксфорд.

— Вот это да! — сказал Кэллум, расплываясь в широкой улыбке. — И ты молчала. В Оксфордский университет? Вот это да! Ты, должно быть, очень умная.

Я тут же пожалела о том, что сказала.

— Я имею в виду, у меня есть место. Курс английской литературы в университетском колледже. Но я не могу туда поехать, потому что не могу оставить Полл. Ей семьдесят, и она совершенно беспомощна, это было бы действительно жестоко. И вообще, я могу не пройти по конкурсу.

— Пройдешь, — сказал Кэллум, перекаывая в пальцах сигарету, — ты получишь все А, уверен. Я скоро узнаю свои результаты, это скорее всего будут Д. Мне все равно. Мама говорит, что моего образования вполне достаточно, во всяком случае, я хочу взять год на размышление. Но Оксфорд — это класс.

— Это секрет, — сказала я, — ты никому не должен об этом говорить.

Он озадаченно посмотрел на меня.

— Так, значит, Полл тоже не знает?

— Она знает, что меня вызывали на собеседование, но думает, что я провалилась. Она была в этом уверена, когда я туда собиралась. Учителя в школе знают, что мне предложили место, потому

что из колледжа прислали письмо, но они думают, что я поеду в октябре. Так все запутано. — Я сделала гримасу.

— А разве школа не уведомила твою бабушку?

— Она никогда туда не ходит. Все семь лет, что я училась в средней школе, Полл никогда не ходила ни на одно родительское собрание. Она говорит, что они там слишком воображают.

— О господи. Но зачем держать это в секрете? Не понимаю.

— Если честно, я тоже.

— Так ты едешь или нет?

— Пока не решила. — Я тряхнула головой, чтобы защититься упавшими на лицо волосами, но я так сильно покрыла их лаком, что они остались как были. Я представила, как глупо это выглядит.

— Выпей, — сказал Кэллум, — я принесу еще. Я хочу послушать, как ты влезла в эту путаницу.

— Это все из-за осы, — сказала я, когда он ушел.

Мы пробыли в этом доме две недели. Винс почти не разговаривал, но это меня устраивало. Я готовила еду, которую никто из нас не ел. По утрам он возился в саду за домом, а я совершала походы в магазин на углу, а потом немного прибиралась. Я обнаружила, что местная библиотека находится всего через три улицы от дома, где мы жили, и проводила там послеполуденные часы. Я не знала, чем он занимается в это время. А по вечерам мы смотрели комедии и всевозможные шоу по телевизору. Спать мы всегда ложились рано.

Через две недели вернулся Сту.

— Посмотрите на мою грудь, — сказал он, задирая рубашку. — Ну как, неплохо? Представляете, руки совершенно облезли. Эй, что вы сделали с садом? Я бы и не подумал, что у меня есть лужайка.

Позже я видела, как на кухне он передал Винсу пачку банкнот. Винс проговорил:

— Полагаю, это намек на то, чтобы мы съезжали.

Сту ответил:

— Только если это тебя устраивает. Мне необходимо сделать кое-какую работу для журнала. Хочу попробовать новый раздел про бутлегерство.

Мы поехали к Полл, но лишь для того, чтобы забрать вещи, которые я в спешке там оставила. По плану, сидя в машине, мы должны были подкараулить, когда она выйдет из дома с коляской, а потом прокрасться внутрь.

— Возьмешь все свои бумаги, — сказал Винс. — Ты должна встать на учет у врача и оформить некоторые документы.

Но я не стала заходить в дом, чтобы не видеть вещей Кэтрин. Мне пришлось закрыть глаза, когда Полл провезла ее в коляске по другой стороне дороги.

Оттуда мы снова поехали в Чорли. Я думала, мы возвращаемся к Сту, но Винс остановился перед рядами магазинов.

— У меня есть квартира, — сказал он, — здесь, над парикмахерской. Пойдем, посмотришь.

Сильно пахло лаком, но в остальном там было вполне прилично. Маленький телевизор, тонконогие стулья, провисший диван. Ванная была отделана коричневыми плитками из пальмового дерева. На голой односпальной кровати лежала стопка простыней и полотенец, завернутых в целлофан.

— Ты справишься сама? — спросил Винс.

— Разве ты не останешься? — сказала я и сразу же испугалась. Вдруг он подумает, что это приглашение.

— Я должен вернуть машину Сту. А потом у меня есть кое-какие дела. Хочу заняться бакалейной торговлей. Ты уверена, что не будешь чувствовать себя одинокой?

— Я хочу побыть одна, — сказала я.

Это было правдой, хотя ночью бывало тяжело.

Он вернулся к чаю с консервами, хлебом и молоком.

— Ты стала кожа да кости, — сказал он, глядя, как я распаковываю продукты.

Прежде чем уехать, он дал мне номер телефона.

— На самый крайний случай. Ты можешь оставаться здесь сколько захочешь, но дай мне знать, когда соберешься уезжать. Завтра запишись в поликлинику и зайди к врачу. Вот, здесь пятьдесят фунтов, перебьешься, пока не поступят деньги в банк. — Он положил деньги на стол и поставил на них солонку.

У Сту было тихо, но здесь после отъезда Винса наступила вообще мертвая тишина. Это меня устраивало. Просто надо было дождаться следующего дня, когда откроется библиотека.

Глава семнадцатая

Пока он был в баре, я рассматривала худющую женщину в ботинках до колен, которая, устроившись на коленях у парня, кокетливо покачивала ногой. Интересно, что бы случилось, если бы я села на колени к какому-нибудь парню. Возможно, он больше не смог бы ходить. На мгновение я представила, как сажусь на колени к Кэллуму. Боже, быстро подумай о чем-нибудь другом! Он подавал мне знаки через стойку бара, и мне пришлось отвернуться, чтобы скрыть краску стыда. Но к тому времени, как он вернулся, я немного пришла в себя.

— Итак, — сказал он, пододвигая стул, — один дурацкий вопрос. Почему ты подала документы в университет, если не собиралась туда ехать?

— От страха, — сказала я быстро. — Я написала в Оксфорд, потому что мне так сказала миссис Ло. Я всегда делаю, как мне велят. Кроме того, она ужасная женщина, мисс Мегера на ее фоне — нашкодившая школьница. Когда я получила ответ, я сказала ей, что не могу ехать, потому что не знаю, на какой поезд сесть и все такое. Я никогда еще не

ездила одна на поезде. К тому же это будет в декабре, а в это время в четыре уже темнеет. Я также сказала ей, что Полл нельзя оставлять на ночь одну. Я думала, что на этом все и закончится, но миссис Ло сказала, что я должна определиться, и стала угрожать, что придет к нам домой и сама поговорит с Полл, как Годзилла с Кинг-Конгом. Я так перепугалась, что попросила Мэгги посидеть с Полл. Она пообещала помочь, дай ей Бог здоровья, но осталась еще проблема с поездом. Полл сказала, что слышала об этом маршруте и знает, что на нем случается гораздо больше катастроф, чем на любой другой линии, а также что там ошиваются типы, которые заманивают пассажиров в машину вопросами типа: «Это не вы потеряли «ролекс?» — а потом показывают им японское порно. Мне кажется, она все это придумала. Но я была так взволнована и ошеломлена, что пошла к миссис Ло и призналась, что просто не хочу ехать.

— Ну и что, она разозлилась?

— Да уж, не обрадовалась. Она накинулась на меня, сказала, что я одна из самых способных учениц, которые учились в их школе, и что будет большой потерей не только для меня с моими способностями, но и для школы, если я наплюю на высшее образование только потому, что не ориентируюсь в железнодорожном расписании. Я заплакала, она смутилась, и все ее старания поговорить закончились моей истерикой. В конце концов ей пришлось позвать сестру-хозяйку, чтобы та помогла меня успокоить.

— Но ты была слишком напугана, чтобы отказаться? — спросил Кэллум.

— Нет, думаю, я все равно бы отказалась, но внезапно мне ужасно повезло. Потому что в последнюю минуту миссис Ло объявила, что едет в том же направлении к своему брату с рождественскими подарками и может составить мне компанию. Туда и обратно. Такое странное везение. Мэгги сказала, что это судьба, и я с ней согласилась. И хотя неприятно было сидеть в машине с миссис Ло все эти часы, это оказалось не так страшно, как я думала. При общении один на один она оказалась даже забавной. Она решила, что из меня все равно слова не вытянешь, поэтому просто рассказывала всякие истории, а я слушала.

Она рассказала о своем детстве, о том, как ходила в католическую школу при монастыре, где надо было делать реверансы перед монахинями, и как они были к ней добры, когда ее отец внезапно умер. Она сказала, что они были добрее, чем ее собственная мать, которая сразу после похорон стала вешаться на мужчин и злоупотреблять спиртным и ни разу даже не обняла свою дочь. Я смотрела на нее и старалась вообразить ее молодой, но не могла.

После долгого повествования о себе она принялась расспрашивать о моей жизни с Полл. Я рассказала ей о том, что должна постоянно ухаживать за бабушкой, и каким переменам настроения она подвержена. Потом перешла к Собачнику и Мэгги. Некоторые из моих рассказов заставили ее смеяться. Я вдруг поняла, что разоткровенничалась и рассказываю уже о моих родителях. Перед тем как выйти из машины и попрощаться, я спросила миссис Ло, занесет ли она все это в мое личное

дело, и она ответила: «Нет, только самое существенное». Я стала просить ее, чтобы она никому об этом не рассказывала, и она сказала надменным голосом: «Неужели ты действительно думаешь, что я кому-нибудь расскажу?!» — и снова стала прежней Ужасной Учительницей.

— Вот что значит учитель для ученика. Никогда нельзя подружиться с учителем, как бы он к тебе не подлизывался. Ну и как проходило собеседование? Наверное, они там все законченные снобы?

— Большую часть времени я проводила, сидя в своей комнате, потому что не знала, о чем с ними разговаривать. Я сделала попытку утром. Я решила спуститься к завтраку и послушать, о чем говорят за столом. Может, узнаю что-нибудь интересное. Я спустилась вниз. Там все было отделано панелями темного дерева, узкие лестницы вели в коридор с резными стенами. На табличке рядом с дверью было написано «Завтрак». Студенты проходили в эту дверь, ну и я, помедлив, тоже туда направилась. Но вот я очутилась за дверью, и меня окутала крошечная тьма. Дверь была на пружинах, и когда она захлопнулась, я вообще ничего не могла различить. Я подумала, что это, возможно, проверка. Может, они наблюдали за мной через инфракрасные приборы, чтобы посмотреть, как я начну паниковать.

— И ты запаниковала?

— Еще как. Я протянула руки перед собой и стала ощупывать все вокруг, но это не помогало. У меня вдруг сжалось что-то в груди и перехватило дыхание, как у астматика. Там было пыльно, словно в старой кладовке. Потом, думаю, что это было

всего через несколько секунд, открылась еще одна дверь, как раз передо мной, и я увидела столовую и какого-то парня, который уставился на меня. Я неуклюже протиснулась мимо, чтобы выйти на свет. Когда я оглянулась, то увидела нечто вроде двойной стены с пространством в центре. Не знаю, кто за это отвечает, но ведь можно же было повесить там хотя бы пару светильников или лампочку. Так что, к тому времени как я уселась завтракать, я была не в состоянии ни есть, ни пить. Я подумала, что если за столом есть преподаватели, то они, наверное, сейчас пьют кофе, закусывают пшеничными батончиками, смотрят на меня и думают: «Боже, какая она бестолковая, даже в дверь войти не может!»

Кэллум улыбнулся и вытащил сигареты.

— Охотно верю.

— Если есть шанс попасть впросак, я его не упущу. А что касается собеседования, там тоже было все необычно, даже сюрреалистично.

— Необычно и сюрреалистично? Это на тебя не похоже, Кэт.

Я толкнула его ногой под столом (я! толкаю мальчика! в пабе!).

— Перестань. В общем, меня привели в старинную комнату, полную книг. Там находились два сотрудника, мужчина и женщина. Женщина чем-то напоминала Онор Блекман, а мужчина был поразительно похож на нашего владельца газетного киоска, мистера Портера, но без татуировок. Нервы у меня были напряжены, не потому, что я так уж хотела поступить в Оксфорд, а потому что не была уверена, что вообще этого хочу. Кроме того,

я просто ненавижу разговаривать с незнакомыми людьми.

— Но ты же вполне нормально разговаривала со мной в первый раз.

— Да, но это было другое. Ты родственник, и мы были на моей территории. И с самого начала в тебе было что-то располагающее.

Я смотрела через столик, как он играл своим брелоком на часах, и думала, хорошо, что он не мог читать мои мысли.

— Давай, Кэт, — сказал он, — рассказывай дальше.

— В общем, — я сделала большой глоток и постаралась снова собраться с мыслями, — не просидела я и двух минут — кажется, они спрашивали, какие тексты я изучала для уровня А, — как почувствовала, что что-то щекочет меня под коленом. Когда я нагнулась посмотреть, что это такое, то увидела огромную осу, которая ползла по моей ноге. Я завопила и вскочила, и Онор уронила свои очки. Оса взлетела, и мы все безотрывно следили за ее полетом до окна, потом она пару раз ударилась о стекло и села на подоконник. Онор сказала:

— Я говорила мистеру Бауману, что слишком сильно топят, это глупо. Все знают, что в бойлерной есть гнездо, Адриан говорил мне на прошлой неделе, хотя, не думаю, что хоть кто-нибудь займется этой проблемой.

Потом я обнаружила, что нагибаюсь за очками Онор. Я так привыкла поднимать всякие вещи за Полл, что сделала это автоматически. Я их протянула ей через стол, она поблагодарила, и мы немного посмеялись, хотя я боролась с начинающей-

ся истерикой. Я снова опустилась на сиденье и... о, Боже, это было ужасно!

— Что? Что?

— Я почувствовала, как что-то вонзилось в мой бок.

Кэллум вздрогнул:

— Bay!

— Я пронзительно вскрикнула и бросилась к двери, а за мной бросилась Онор, которая поймала меня в коридоре и повела в туалет. Пришлось растегнуться, — я доверительно наклонилась к Кэллуму, — потому что, когда я сказала «бок», на самом деле я имела в виду свой зад. Следов укуса не было видно, даже красной точки, ничего такого. Так что я еще немного попаниковала — вдруг эта оса залетела мне в кофту и собралась как следует укусить меня (я не стала говорить Кэллуму, что также сняла и колготки) — и в этот момент заметила пластиковую нитку. Знаешь, на новую одежду бирки прикрепляются пластиковой нитью, которую надо разрезать, чтобы не продырявить ткань. А у меня была новая юбка и новые колготки, и хотя я отрезала длинный конец нитки, другая часть продолжала болтаться на юбке. Именно на нее я села и укололась, а не на осу.

Кэллум покачал головой.

— Так что я вышла из туалета вся провентилированная, и Онор решила, что меня ужалила оса, но я стараюсь не показывать вида. Я не стала ей ничего объяснять, потому что тогда я бы выставила себя в еще более дурацком свете, чем когда сражалась с дверью. Она все порывалась послать кого-нибудь за антигистаминным кре-

мом или, на худой конец, за уксусом, но я сказала ей, что положу влажную салфетку на укус — и все будет в порядке. Она посадила меня в боковой комнате, шикарно убранной, без ос, и принесла стакан воды. Потом спросила, слышала ли я о цветочных лекарствах Баха. Я не знала, был ли этот вопрос частью собеседования, и поэтому старалась говорить уклончиво. Она поспешно удалилась и вернулась через минуту со своей сумкой.

«Вот, возьми», — сказала она и вытащила маленькую темную бутылочку с пипеткой сверху, — это чисто растительное, — сказала она и налила несколько капель мне в чашку.

Я спросила подозрительно: «А почему пахнет бренди?»...

— Если тебе не нравится этот сидр, не пей, — сухо сказал Кэллум.

— Он совсем как яблочный сок, правда? — Я сделала еще один большой глоток, чтобы показать, что я в порядке. — В общем, эта Онор уверила меня, что это только запах, на самом деле там нет алкоголя, и что эта штука поможет мне успокоиться, если я буду пить ее медленно.

— Ну что, помогла?

— Еще как! Она оставила меня одну, чего я и хотела, и сказала, что вернется через пятнадцать минут. А потом странности продолжились. Появился маленький мальчик.

— В смысле, у тебя начались галлюцинации?

— Нет. Наверное, это был чей-то сын или что-то в этом роде. Он не должен был там находиться, как мне кажется, но, вообще-то, и я тоже. Он просколь-

знул в дверь, уставился на меня и замер, как свойственно детям. Соломенные волосы, трикотажная майка с изображением Человека-паука. Я думаю, ему было около четырех или пяти. Потом он говорит: «У индюшки есть сережки?» Цветочное средство, вероятно, подействовало, потому что вместо того чтобы проигнорировать его вопрос, я сказала: «А отчего курица все время хмурится?» Потом он сказал, хитро прищурившись: «Почему индюк не носит брюк?» А я ответила: «А котятки носят перчатки?»

— Пример заразителен.

— Так мы продолжали бы до вечера — хорьки носят носки, клещи носят плащи...

— Ну да, комар не носит шаровар.

— А сардинки не носят ботинки, молодец, ловишь на лету. Он был знаток, этого у него не отнять. Я начала говорить всякие глупости...

— В противовес тем умным вещам, которые ты говорила до этого.

— Ага, и когда мне в голову уже не лезли рифмы с одеждой, мы стали придумывать всякие дурацкие фразы: «Какая тетя живет в болоте, голубки курят трубки, гепард не ест петард». Потом Онор вернулась, и он удрал куда-то вверх по лестнице. Меня снова позвали на собеседование, только к этому времени я сильно возбудилась. Если раньше я молчала, как рыба, то теперь болтала без умолку.

— Ты с ними не стала играть в эти игры: козы — занозы?

— Нет, конечно, с ними я говорила вполне нормально, слава богу.

Я чувствовала вдохновение. Мне показалось, что я произвела на них впечатление, и от этого мне захотелось говорить еще и еще.

Кэллум издал губами легкий звук, вынимая сигарету.

— И они предложили тебе место?

— Через три дня после Рождества я получила письмо.

Миссис Ло сказала, что они выбирают эти дни, чтобы дать людям... гм... социально незащищенным что-то вроде форы. Так что обстоятельство, что никто из нашей семьи никогда не получал университетскую степень, работало на меня. Я все же получила два А и В.

— Ты должна ехать. Я имею в виду Оксфорд. Разве не так?

— Иногда я думаю, как я могу не ехать? Эта оса была предзнаменованием, я уверена. Зимой осы просто так не появляются. Она была послана, чтобы я прошла собеседование, потому что сама я никогда бы его не осилила. Потом я вижу Полл, ковыляющую по дому и намазывающую горчицу себе на тост вместо джема, и думаю, как могла я даже помыслить о том, чтобы оставить ее?

Интересно, что она сейчас делает? Там ли еще Собачник или она сидит в темноте одна?

— Ммм, — неопределенно произнес Кэллум, — трудный выбор. Разве социальные службы не могут как-то решить эту проблему?

— Кто с ней будет сидеть двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю? К тому же есть всевозможные правила и предписания, их невероятно

сложно применять, для чего, собственно, они и придуманы. Это слишком тяжело. И я не хочу об этом говорить.

Некоторое время мы сидели в молчании. Между нами клубился сигаретный дым, рядом в ресторанном зале кто-то пел «Леди в красном».

— И все же, — сказал Кэллум наконец, — ты получила место. Это так круто. Ты не прячешь под спудом светильник собственной мудрости. Ты умная, остроумная...

«Я толстая», — подумала я.

Чтобы перестать краснеть от смущения, я сказала:

— А также неплатежеспособная. Извини. Я думала, у меня больше денег в кошельке.

— Что за ерунда. — Кэллум поднялся с места. — У меня тоже деньги никогда не держатся.

Он направился к бару, а я устремилась в туалет. В зеркале я увидела, что моя прическа все еще сохраняет первоначальную форму, а лицо по-прежнему матовое. Я вытащила губную помаду и (невероятная вещь) расстегнула две пуговицы на блузке. Мне казалось, что я здорово выгляжу, пока худенькая девушка с голым пупком не подошла и не встала рядом. Я могла прочесть мысли, которые крутились у нее в голове: вот это да, ну и туша! Но когда я повернулась, чтобы уйти, я увидела, что у нее никак не получалось справиться с контактными линзами, из глаз текли слезы, и она, возможно, даже меня не заметила. «Стеснительность — это род тщеславия», — вспомнила я высказывание Кисси. Она сказала, что прочла это в «Ридерз дайджест».

Когда я вернулась к нашему столику, место уже было занято, так что мы переместились к боковой двери и стояли там на проходе. Мы начали разговор об учителях, о самых плохих, которые когда-либо нам попадались. Кэллуму было что сказать на эту тему, а потом он поделился своими планами на следующий год и рассказал, в какой университет собрался поступать после возвращения из путешествия по миру (Ньюкасл). Он рассказал мне о каникулах, которые провел с мамой в Таиланде, и о том, как она однажды предсказала кому-то судьбу и ей за это подарили старинное ожерелье, но она не стала его носить. Она сказала, что ощущает его темные вибрации. Он стал описывать свою будущую жизнь на небольшой ферме, как у него будет там фотостудия, а вечерами он будет врубать музыку на полную катушку, потому что вокруг не будет соседей и никто не станет угрожать и жаловаться.

— Единственная вещь, которую я ненавижу в нашем теперешнем жилище, — сказал он, наклоняясь, чтобы погасить свою сигарету в чужой пепельнице, — это то, что наша квартира расположена над магазином. Есть три группы людей, которые обычно жалуются на шум. Мне по фигу, но вот старуха, что живет за стенкой и считается глухой, ей-то что мешает?

— Это нормальное состояние для стариков...

— Ты так считаешь? Мой дедушка всегда был очень терпимым. Таким и умер. Мама всегда говорила, что он меня испортил.

Я достаточно этого наслушалась — о том, что дедушки и бабушки портят внуков. Интересно, почему такого не случилось со мной?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он внешне.

Я перенесла вес с одной ноги на другую.

— Ничего. Спина устала, я бы немного посидела. Может, пойдем в сад и найдем там столик?

— Между прочим, — Кэллум улыбнулся, — мы могли бы пойти на эту вечеринку.

— Ради бога! Я ведь сказала, что не пойду! — Он меня даже развеселил. — Ставлю тебе высшую оценку за упорство.

— Я ужасно настойчивый. Я мог бы заняться политикой, если с фермой прогору.

— Но я не взяла с собой приглашение.

— Я его подобрал. Ты ведь выбросила его из окна. Я поймал. Пришлось бежать за ним через дорогу. — Он полез в карман.

— Но тебе придется идти самому, потому что у меня только одно приглашение.

— Одно-то одно, но на нем ясно написано: «На два лица». Он помахал приглашением перед моим носом. — Ну что, пойдем?

Я выхватила у него листок, чтобы проверить, хотя была уверена, что он не врет.

— Скажи, почему ты так хочешь пойти туда? Ты же никого не знаешь.

— Такие вечеринки самые интересные, — сказал он. Его лицо было наполовину в тени, скулы выделялись. Из-за коротко стриженных волос его глаза казались особенно большими. — Просто мне нравятся вечеринки.

— Но как это сочетается с желанием жить на ферме?

— К тому времени я стану старым и откажусь от своих прежних пристрастий. Ну, пошли, Кэт, я продел такой долгий путь!

Я тебя не просила, подумала я.

— А что, если сделать так: мы туда идем, смотрим, как там, и, если тебе не понравится, просто уходим.

— Куда уходим? Пабы скоро закроются.

— Пожалуйста! — Он поправил воображаемый микрофон: — «Уйдем с тобою в ночь под тихий шепот звезд...»

— «Звездные дни»?

— «Ангел-охотник». — Он казался довольным собой. — Я проводил собственные исследования музыки восьмидесятых. Это, наверное, одна из любимых пластинок твоего отца?

— Да. У него был сингл. Я ставлю ее иногда, когда хочется улучшить настроение.

— Итак, — сказал Кэллум, беря меня за руку, — давай сходим туда хотя бы ради «Звездных дней»!

Лицо Донны, когда я вошла вместе с ним!

«Это моя девушка», — сказал он.

Я позволила ему взять себя за руку и вести на встречу гибели.

Пять минут спустя мы были у входа в «Стим».

— Ты замерзла? — спросил он.

— Нет, с чего бы?

— Мне показалось, ты дрожишь. Вот, пожалуйста. — Он протянул приглашение одному из вышибал, который молча указал наверх. — Пошли.

Люди, которые шли позади нас, спускались в подвал, а мы стали подниматься по освещенной лестнице вверх, откуда глухо звучала музыка. На

лестничной площадке парень, которого я никогда прежде не видела, ворчал и охал, прислонясь к стене. Рядом сидела белокурая девушка с хмурым лицом. Мы не стали задерживать на них внимания. Взгляд Кэллума был устремлен к двери, лицо горело. Он резко дергал головой в такт музыке.

Когда мы прошли внутрь, туда, где сверкали огни, я услышала мелодию, от которой по спине прошла дрожь. Я сжала плечо Кэллума.

— Это «Машины», они завели Гэри Ньюмана.

Это был еще один знак, и мое сердце подпрыгнуло от предчувствия. Но композиция закончилась, и зазвучало что-то модерновое, чего я не знала.

— Это сэмпл! — завопил он, перекрикивая шум. — Арманд Ван Хелден, диск называется «Kooshy». Отличный. Давай возьмем что-нибудь выпить и пойдем на балкон.

Музыка была такой громкой, что голова перестала соображать. Огни беспорядочно плясали у меня в глазах. Я видела знакомые лица, ловила изучающие взгляды, которые меня не задевали, если в них не читалось: «Боже, как она выглядит, глупая корова!» Кэллум вернулся из бара, потом пошел танцевать, а я, облокотясь на перила, наблюдала за ним. В голове все плыло, но я не хотела упускать его из виду. Донна была поблизости, в центре толпы, я помахала ей, но она меня не видела. Кто-то пытался поцеловать ее, кто-то водружал корону королевы вечеринки на ее голову. Черноволосая девушка танцевала рядом с Кэллумом. Она махала руками перед его лицом,

демонстрируя выступающие ребра, обвивала руками его шею. Кэллум смеялся, отводил ее руки, отстранялся и, наконец, отошел в сторону. Девушка продолжала танцевать одна, потом повернулась, чтобы найти кого-нибудь другого. У меня отяжелели руки и ноги, но мысли лихорадочно крутились в голове.

— Когда Митч собирается за нами заехать? — прокричала я, когда Кэллум вернулся, раздетый по пояс и мокрый от пота.

— Дай мне этот стакан, — жестом показал он и стал пить так быстро, что половина жидкости потекла по подбородку. — Господи, как я вымотался! — Он уселся на пол, опершись спиной о перила. — Подойди ко мне. — Он дернул меня за юбку, и мне пришлось опуститься рядом с ним.

Проходившие мимо Алекс и Зита, увидев меня, толкнули друг друга локтем. Кэллум им подмигнул, они захихикали и подмигнули ему в ответ.

— Почему ты не танцуешь? — крикнул он мне в ухо.

Я только покачала головой.

— Тут здорово. Я попрошу их поставить «Коочу», если хочешь. А?

— Нет, спасибо.

— Пошли со мной, а потом тот, кто тебе нравится, пригласит тебя.

— Нет, — вздохнула я, — я не очень подхожу для этого.

— Что?

— Ничего. Я не хочу танцевать, понятно?

— Как знаешь. Кстати, выглядишь ты просто отлично. Правда. — Он улыбнулся и ткнул меня под

ребро. — Тебе надо иногда расслабляться. Можно даже слегка напиться. — Его щека прикоснулась к моей.

Я ощутила странное чувство — опьяняющее, тревожное, возбуждающее и легкомысленное.

— Послушай, — закричала я ему в ухо, — хочешь узнать еще один мой секрет?

— Черт возьми, что еще, Загадочная женщина?

Я начала хихикать.

— Я лесбиянка.

Я увидела, как его лицо расплылось в медленную улыбку.

— Да ладно!

— Нет, правда. Я лесбиянка.

— Нет, это не так, ты сама знаешь.

— Почему это?

Улыбка была очень уверенной.

— Потому.

Мое сердце забилося так, будто стало живой летучей мышью, трепеща, взлетая и падая. Он был совсем рядом, я чувствовала его запах сквозь сигаретный дым, видела щетину на его подбородке. И я поцеловала его.

Он не отодвинулся. Я поцеловала его еще, и на этот раз он мне ответил. Кровь застучала у меня в висках, я подумала, что сейчас упаду в обморок. Потом он отодвинулся и положил ладони мне на плечи, чтобы держать меня на расстоянии.

— Нет, — сказал он, — вот этого не надо.

— Извини, извини. Я знаю, я слишком толстая. Не понимаю, что на меня нашло...

Кэллум уставился на меня, будто я сошла с ума.

— Ты о чем?

Я начала что-то беспорядочно говорить, пыталась остановить выступившие слезы стыда.

— Я слишком большая и не могу тебе понравиться. Все думают, что толстяки не могут любить, что у них нет чувств, но на самом деле они есть. Душа есть не только у стройных и красивых, разве это...

— Перестань. — Кэллум притянул меня к себе, и мне показалось, что сейчас он снова поцелует меня. Но он отстранился и поднял руки вверх, как бы говоря, чтобы я помолчала. — Кэт, Кэт, это не имеет никакого отношения к твоей фигуре. Я считаю тебя классной. Я думаю, что ты действительно фантастическая. Я...

— Что?

— Я не могу любить тебя, то есть я люблю, но я не должен. О, черт. — Он треснул себя по лбу ладонью. — Зачем я в это ввязался?

Я смотрела на него в замешательстве.

— Мне так неудобно. Я должен был рассказать тебе с самого начала, но тогда бы ты не захотела иметь со мной дела.

— Что сказать?

— Не презирай меня, Кэт. — Он закрыл глаза, как от сильной боли. — Я твой брат.

Я научилась жить в этой библиотеке. Стояла у дверей, ожидая открытия, и уходила самой последней. Никто не возражал, потому что я не шумела и не сорила. Я предпочитала фэнтези для детей — Сьюзен Купер, Клайв Льюис, Андре Нортон. Но раз в неделю

перечитывала «Гордость и предубеждение». Мне хотелось проникнуть в книгу и навсегда забыть о реальности. Я не любила среды и воскресенья, потому что в эти дни библиотека не работала.

Было как раз воскресенье, когда я позвонила Винсу. Я устала от чтения. За окном было темно. Снаружи доносились крики пьянчуг, толпившихся у бесплатной столовой на углу.

Я сидела на диване, держа на колене подушку, и вдруг заметила, что поглаживаю и баюкаю ее. Это сумасшествие, подумала я, и опустила подушку. Но моим рукам чего-то не хватало. Некоторое время я таскала ее по квартире, баюкала, потом решила позвонить ему. Просто чтобы услышать его голос.

Он долго не подходил, а когда взял трубку, голос звучал устало. Но он постарался придать ему бодрость, когда узнал меня:

— Как дела, моя хорошая?

Я сказала, что все в порядке. Я получила жировку и таблетки от доктора. Я решила поступить в колледж и выучиться на библиотекаря. Радость послышалась в его голосе, когда я ему все это сказала. Никто из нас не упоминал о Кэтрин.

Потом я услышала в трубке крик младенца.

— Подожди минуту, — пробормотал он, но я не поняла, кому он это сказал, потому что там была женщина. Я услышала, как она говорит: «Думаю, у него режутся зубки, посмотри на его щеки». Это не был голос Полл.

Я положила трубку, потом позвонила на телефонную станцию.

— Куда я сейчас звонила? — спросила я.

— В Шеффилд, — ответили мне.

Я не могла найти свои щипчики для ногтей, те, со скрипкой. Винс спрятал их. Но я заметила точилку для карандашей в одном из кухонных шкафов и ухитрилась отвинтить лезвие краем монетки. Остальное было делом техники.

Глава восемнадцатая

— Наполовину брат, — сказал он, посадив меня в такси и дав наставления шоферу, — только наполовину. — Как будто это делало сообщение менее невероятным.

Он увел меня из комнаты туда, «где мы смогли бы поговорить нормально», и мы встали на лестнице вместе с другими парами.

— Я не понимаю, — повторяла я, — ведь ты мой двоюродный брат.

— Я врал, — сказал он. — Твой отец был и моим отцом. Просто у нас разные матери.

Мне пришлось осмысливать его сообщение несколько секунд, настолько все это было абсурдно. Потом я обрушилась на него:

— Это вранье. Моему отцу было всего восемнадцать, когда он погиб, как это могло произойти?

— А вот так. — Кэллум затеребил свою цепочку на шее. — Он встретился с моей мамой в университете, а с твоей в школе. Прости меня...

Конечно, теперь он просит прощения.

— Кто-нибудь обязательно сказал бы мне — Полл, Кисси или кто-нибудь в деревне. Ты все это выдумал. Это полная чушь.

Кэллум поморщился, но продолжал:

— Мама рассказывала, как ходила к Полл, но та отказалась ей верить и прогнала из дома. Даже пыталась убить ее.

— Не говори ерунду. У Полл скверный характер, но не надо делать из нее убийцу. Ради бога. Наверное, твоя мама просто была не в себе. Она знает, что ты здесь? Это она послала тебя устроить нам веселую жизнь?

— Нет. — Он покачал головой. — Она об этом не знает. Ей я тоже соврал.

— Значит, единственная причина, по которой ты сюда приехал, это разузнать о твоём... — я не могла произнести это слово, — отце.

— Нет, — он вскинул голову, — нет! Признаюсь, сначала я действительно думал об этом, но я не знал, как все обернется. Я не предполагал, что ты так мне понравишься...

— Но ведь это отвратительно! Ты только подумай, что говоришь. Ведь это инцест, вот что это такое! За это тебя могут посадить в тюрьму.

Кэллум внезапно сжал мои руки и держал их, глядя мне в лицо.

— Я могу сейчас уйти. Я мог сбежать от тебя и от этой ужасной путаницы, и никогда больше тебя не видеть. Но ты должна меня выслушать. Мы два звена, мы связаны. Ты ведь это почувствовала, ведь правда? Правда? — Он затряс меня, но я не ответила. — Признай, что можешь говорить со мной так, как ни с кем другим. Ведь иначе ты бы не рассказа-

ла мне свои секреты. И эти тучи, никто больше не интересуется моими фото туч, кроме тебя. Ты моя сестра, моя единственная родная сестра, и это естественно, что я чувствую то же, что и ты.

Я вырвалась и с грохотом помчалась вниз по лестнице, к выходу. Кэллум бросился за мной.

— Отстань от меня или я закричу! — прошипела я, когда мы выбежали на улицу. Один из вышибал просунул голову в дверь и посмотрел на нас.

— Ты можешь просто послушать? Дай мне договорить! — Жакет, который он обвязал вокруг талии, начал соскальзывать вниз. Он выглядел потным и грязным. Мне хотелось как можно скорее убежать от него.

— Нет. Я еду домой.

— Каким образом?

Мое сердце застучало в панике.

— С Митчем, — сказала я неуверенно.

Кэллум покачал головой.

— Дай мне хотя бы посадить тебя в такси. Мне нужно, чтобы ты спокойно добралась домой, это самое малое, что я могу сделать.

Я разрешила ему проводить меня до стоянки такси и договориться с шофером. Мне не хотелось, чтобы он платил, но у меня не было выбора. Я проплакала всю дорогу домой, но шофер не сказал мне ни слова. Думаю, они часто такое видят.

Наш дом стоял, погруженный во тьму, и даже на первом этаже не горел свет. Я положила ключи и кошелек в вазу для фруктов и стала подниматься вверх, чтобы умыться. Когда я проходила мимо комнаты Полл, она окликнула меня.

Я сделала вид, что не слышу, и закрылась в ванной. Я тщательно, как только могла, смыла с лица косметику, закусив губу от боли, вычесала лак из волос, а потом заплела их в тугую косу. Одежду я бросила грудой под раковину. Разберусь с этим утром. Может, сожгу. Когда я вышла из ванной, Полл громко звала меня.

— Подожди минуту, — сказала я.

Я зашла к себе в комнату и надела длинную ночную рубашку с оборками. В ней было так приятно после блузки в обтяжку! Я прошла мимо зеркала, даже не заглянув в него.

Полл ждала меня, сидя на кровати. У ее изголовья горел ночник. Она, кажется, ничего не заметила. Уинстон сопел где-то в темноте.

— Слава богу, с тобой все в порядке, — сказала она дрожащим голосом, — я воображала себе всякие ужасы.

Вряд ли ты могла вообразить вовлечение в инцест, подумала я.

— Все нормально, — сказала я, — я в целости и сохранности. Когда ушел Дикки?

— Около десяти. А сейчас сколько?

— Скоро час.

Интересно, успел ли Кэллум на свой поезд, а может, за ним вернулся Митч? Кэллум. Нельзя думать о нем.

— Мне было страшно, — у нее блестели щеки, — в полночь Уинстон начал лаять, и его невозможно было успокоить. В соседней деревне грабители в полночь вот так ворвались в дом, мне Мэгги рассказывала. Вокруг шныряет столько бандитов!

- Но я же вернулась.
- На улице так опасно.
- Да, опасно. Но я уже дома.

К кому я могла пойти, кроме Кисси? Когда я вошла в ее пансион, жизнь там так и кипела. Фредди, менеджер, стоял при входе на стремянке, прикрепляя флаги к стальным балкам, а женщины за стойкой надували шарик. Мимо галопом пронеслась Элли. Ее шея была обмотана лисьим мехом.

— Привет, — пропела она и помахала мне лисьим хвостом. Маленькие мертвые лапы болтались на ее мощных ягодицах.

— Что, во имя всего святого, здесь происходит? — спросила я Кисси, когда обнаружила ее в вестибюле, нумерующую палочки с леденцами.

— Завтра у нас праздник, неужели ты забыла? Я думала, вы с Полл придете.

— Придем, придем, — поспешно сказала я.

Полл начнет суетиться, как только я ей про это скажу.

— Принеси с собой какую-нибудь мелочь. Будут продаваться пирожные и старые книги, настоящая ярмарка, ты должна в ней поучаствовать.

— Здорово.

На самом деле я ненавижу ярмарки. Когда одна такая была в моей начальной школе, кто-то прицепил мне на спину табличку, гласившую, что я — водонапорная башня. Я носила ее весь день, пока миссис Киртлэн не заметила и не оторвала.

— Еще будет поэтический конкурс, лучший исполнитель получит большую корзину с лакомства-

ми. Только для постоянно проживающих. Мистер Пул собирается сделать попури из Ивлина Во. Мне надо запастись носовым платком для «Могилы Вилли».

— Я спешу, — сказала я. — Для чего этот мех на Элли?

— Понятия не имею, наверное, его достали из мешка со всяким хламом. Она чудачка, точно тебе говорю. Ой, на каком леденце я остановилась?

Я помогла ей закончить помечать леденцы, а потом мы отправилась к ней в комнату. Пока она снимала со стула шляпу, я повесила на дверь табличку «Не беспокоить» и захлопнула ее.

— Мне надо тебя кое о чем спросить, — выпалила я, как только она села на стул.

По моему лицу она поняла, что это серьезно.

— Дорогая, это про Донни?

Донни? Она сбила меня с толку.

— Да нет. Про отца.

Она встрепелась.

— А что такое, детка?

— Я все знаю.

— Что ты знаешь?

— Про его другую женщину. Ту, с которой у него была связь перед тем, как он погиб.

Ее морщинистые губы сжались, и она откинулась на спинку стула.

— И про его другого ребенка, — продолжала я. — Бесполезно делать вид, будто ничего не было. Слишком поздно. Но я хочу послушать твои объяснения.

— Проклятье! — сказала она. — Я догадывалась, что в один прекрасный день это случится. Откуда

ты узнала? Кто тебе сказал? Ты не должна верить ничему, что тебе говорят. Здесь есть всякие дрянные люди, которые только и думают, как бы подгадить.

— Именно поэтому я пришла к тебе. — Я наклонилась к ней. — Я знаю, что могу тебе доверять, что ты скажешь мне правду.

— Правду? Правда — лживая нищенка. Моя правда, твоя правда. — Она тяжело вздохнула. — Все это так расплывчато. Ты услышала это от Полл?

— Нет. Она понятия не имеет, что мне что-то известно.

— Тогда от кого?

— Послушай, Расскажи мне свою версию событий, и тогда я скажу тебе, как я это узнала.

Лицо Кэллума промелькнуло перед глазами, и что-то сжалось в груди. Не надо думать о нем.

Кисси, обвиснув, сидела на стуле.

— Я думаю, ты должна об этом знать. Тебе сейчас сколько? Восемнадцать. Раньше не стоило этого делать — рассказывать о прегрешениях твоего отца, — это не привело бы ни к чему хорошему. Он ведь для тебя был всем, твой папа, что бы он ни сделал. Как можно от тебя это скрыть? Я никогда не была о нем высокого мнения, но не собиралась ничего рассказывать, чтобы не огорчить тебя.

— Но мне надо узнать правду.

Глядя ей в лицо, я видела, что она никак не могла подобрать слова.

— При условии, что ты не рассердишься на меня. Не стреляйте в гонца, как говорят. Я всегда старалась защитить тебя, как могла, с моими огра-

ниченными возможностями. Ты была мне как дочь. — Она протянула руку, я встала и опустилась на колени у ее стула. Она взяла мою руку и сжала пальцы. — Ты мне очень дорога.

— Хорошо. Расскажи, что знаешь.

Ее голос перешел в шепот:

— Полл рассказала мне это примерно через месяц после того, как Винс бросил ее. Она была растеряна, оказавшись с тобой на руках. Ты ведь не была легким ребенком, благослови тебя Господь, а она так была потрясена смертью сына! И тогда же ее оставил муж. Но это ты наверняка знаешь: Винс сбежал с твоей матерью. Представляешь? Говорю тебе, в тот момент, когда Элизабет Кэсл вошла в эту семью, она начала отравлять ее. Она была злом.

Так вот, Полл пришла навестить меня, я была дома, и мы открыли бутылку шерри. Мы говорили о прошлом. Когда ее младшая сестра Мэри умерла от полиомиелита, ей было только семь, и Полл все для нее делала, а ведь Флоренс так часто болела. Одевала ее, кормила. Они были очень близки. Смерть малютки Мэри была страшным ударом для Полл. Джин не так страдала; она всегда была в стороне. Я совсем не удивилась, когда она эмигрировала.

Мы помянули ее отца, который так внезапно умер от перитонита, ему было всего пятьдесят. Вся страна отмечала коронацию, радовалась, и им от этого было еще тяжелее. В 1979 году Полл потеряла мать. Один удар следовал за другим.

Когда мы расправились с бутылкой шерри, она была уже порядком пьяна. Она сказала мне:

«Кисси, я больше никогда ни о ком не буду жалеть. Все это причиняет такую боль».

Потому что она боготворила Роджера, просто души в нем не чаяла. И после его смерти была уверена, что хуже уже ничего не может быть. И вот неожиданно появляется эта женщина с крошечной девочкой и говорит, что это его дочь, и что он ее обрюхатил во время Недели первокурсника, будь она неладна.

— С девочкой?

— Вот почему Полл была такой негостеприимной. Все могло быть иначе, если бы ребенок оказался мальчиком. Она мечтала о внуке. Она ведь не особенно жалует женщин, наша Полл.

Я была в полном замешательстве. Неужели мой отец сделал еще и третьего ребенка?!

— Полл сказала мне, что вышвырнула эту женщину из своего дома, потому что та явно лгала. Она попала в затруднительное положение, нуждалась в деньгах и опустилась до того, что пошла с такой придумкой к убитой горем матери. Роджер никогда бы не стал вести двойную игру, сказала Полл. Но даже когда мы сидели вместе и качали головами, мы обе знали, что мог. Он был избалован, вот в чем была его проблема. Его баловали с самого рождения. Я, конечно, не сказала ей этого и поклялась хранить все в тайне. Мне действительно было ее жаль, ну и потом я знала, что это разговор на пьяную голову и что на следующее утро она проснется и пожалеет о своей откровенности. С тех пор мы ни разу не говорили об этом.

— Но — девочка? Кисси, этого не может быть!

— О чем ты, дорогая?

И я рассказала ей о Кэллуме. Как впервые разговорила с ним на автобусной остановке, как встретила его в библиотеке, и кто он такой, по его утверждению.

— Он сказал, что нашел меня по Интернету, — сказала я, вспомнив, какой счастливой я была в тот день в кабинете мисс Мегеры, и что теперь все хуже некуда. — Он рассказал мне о своей жизни и своих увлечениях, о том, что он «прямой и откровенный». Я хорошо это запомнила. Конечно, теперь я не верю ни единому его слову. Он может быть кем угодно и жить где угодно. И он все время расспрашивал про отца — какую музыку тот слушал, какие картины смотрел и все такое. Притворялся, что его интересует моя мать. — Я вспомнила, как он сосредоточенно рассматривал ее фото. Господи, каким он, оказывается, был хорошим актером!

— Ты самапустила его в дом? — Кисси помрачнела. — Знаешь, я думаю, ты легко отделалась. Он мог с тобой что-нибудь сделать.

Я вспомнила, как он украл отцовскую схему таракана. Что еще он мог стащить, пока был у нас в доме?

— Он показался мне милым.

— Они все кажутся милыми. Ты не обращалась в полицию?

Несмотря на всю тяжесть ситуации, я не смогла сдержать улыбку.

— И какое ему предъявят обвинение? Что он притворился моим кузеном?

Кисси нахмурилась.

— Один телефонный звонок не повредит. Может, он числится у них в картотеке.

Я покачала головой. Как объяснить ей, что, несмотря на всю ложь, мне он стал единственным, лучшим другом, и я скучаю по нему, как сумасшедшая. Лето Кэллума. Лучшее время в моей жизни. Как я могла рассказать Кисси про его запах, его смех, его глаза? Про тот поцелуй. О боже, тот ужасный поцелуй.

— С тобой все в порядке? Ты стала какого-то странного цвета.

Я сглотнула.

— Я все стараюсь сообразить, как соотнести эти две истории. Ты говоришь, что была девочка, а потом оказывается, что мальчик. Или Полл что-то перепутала, и ребенок был мальчиком, или у меня есть еще и наполовину сестра от еще одной другой женщины.

Когда я высвободила руку и встала, на меня навалилась такая тяжесть, словно я вышла из воды. *«Не проси меня расслабиться, — было написано на плакате рядом с кроватью Кисси, — только напряжение заставляет меня держаться».*

— В любом случае, — наконец сказала я, — мой отец был не особенно хорошим человеком, а?

— Я думаю, что он любил тебя, — ответила Кисси, в волнении глядя на меня снизу вверх.

— Ну да, — сказала я.

Но подумала, что ей ничего не стоит солгать, разве нет? Это ведь всего лишь слова.

Я чувствовала себя так, будто разом потеряла двух близких людей. Поднявшись в свою комнату, я внимательно вгляделась в портрет отца, приказывая ему все мне объяснить. Усмешка, небрежная челка. Можно было подумать, что ничто на свете

его не заботит. Я старалась разглядеть в его лице черты Кэллума. Словно впервые я увидела эти длинные ресницы, хотя подбородок был не такой. Или нет? Я уже ни в чем не могла быть уверена. Небо за окном почти очистилось от туч и стало голубым, с неясной дымкой за маяком. Потом она исчезла.

— *Это была вина твоей матери.* — Я представила, что он это говорит. — *Она достала меня своим сумасбродством.*

Значит, я тоже виновата в том, что была трудным ребенком?

— *Нет, вовсе нет. Ты была прелестна. Ты была моей маленькой девочкой.*

Крик Полл прервал мои фантазии.

— Помоги! — кричала она. Ее голос звучал встревоженно.

Я отправилась к ней в комнату и нашла ее сидящей на кровати в свитере, болтавшемся на шее, и в разодранном в клочья лифчике — ее старые груди свисали над вздутым животом.

— Проклятье, — сказала она, — я не знаю, что произошло!

Я старалась не смотреть, когда снимала свитер и расстегивала лифчик. Я никогда не делала раньше таких интимных вещей, и нам обеим было неловко.

— Что, черт возьми, ты сделала?!

— Не знаю. Я ведь не вижу ничего, ты что, не в курсе?

Обычно она сама справляется с лифчиками. На рынке она выбирает те, у которых спереди шелковые розовые цветочки. Она сама может

отрезать этикетку. Если в наличии не имелось лифчиков с розовыми цветочками, я пришивала пуговицу от кофты между чашечками, чтобы она могла сама ее достать. Не самая гламурная вещь, зато удобно.

— Ты умудрилась перекрутить каждую чертову бретельку. Господи. И погнула крючок, он больше не застегивается. Потому что ты его дергала. Мне придется его отрезать и пришить другой, если я не смогу выпрямить кусачками. Слушай, сними этот лифчик и надень другой!

Я рывком открыла ящик комода с бельем и бросила ей новый «плейтекс». Она поймала его, когда он свалился ей на грудь, и начала расстегивать, нащупав пуговицу, которую я пришила. Я подошла сзади, чтобы помочь.

— Теперь все в порядке, — проскрипела она, — пойдй поставь чайник, сделай что-нибудь полезное!

Сбежав по лестнице на кухню, я приготовила две чашки чая, потом со своей чашкой отправилась к дивану и села рядом с Уинстоном. Я погладила его твердый лоб, но он не проснулся.

— Все эти дни он только и делает, что спит, — сказала Полл, заглядывая куда-то за диван, когда проходила мимо, — смотри-ка, ему от этого лучше. Во сне он не кашляет. — Она подошла, держа в руке чашку, и уселась в кресло. — Дикки говорит, если до понедельника его кашель не прекратится, нам нужно будет отвезти его к ветеринару. Может, у него в горле застрял кусок кости. Или клочья шерсти — он выкусывает у себя шерсть, так что это вполне возможно. Дикки намазал ему нос вазели-

ном, чтобы ему было легче дышать. Это средство помогает кошкам. Они его слизывают, и он смазывает им внутренности. Дикки видел это в программе «Помоги своему питомцу». Я бы делала это сама, только могу перепутать нос с хвостом. — Она хрипло засмеялась.

— Или вместо вазелина взять «Викс» и сжечь ему нос.

— Точно.

— Я знаю. Мне надо попробовать, как это — быть слепой.

— Ну да, попробуй. Тогда у тебя появится больше терпения. — Полл добродетельно потягивала свой чай.

— Сама хороша. Ты самый вспыльчивый человек из всех, кого я знаю.

— Мне приходится многое терпеть.

— Как и всем остальным.

Уинстон издал шумный протяжный вздох. Мы обе затаили дыхание, слушая, не кашляет ли он, но он только зевнул и понюхал еду в своей тарелке.

Она пробормотала что-то себе под нос и поднялась.

— Что?

— Я сказала, что извиняюсь, если была немного резка с тобой наверху. Извини.

Я чуть не уронила чашку на ковер.

Она продолжала:

— У нас нет солодового хлеба? Я бы немного поела.

— Дай мне минуту, чтобы прийти в себя, а то голова кружится. — Она не заметила моего сарказ-

ма. — Ладно. — Я поставила чашку на подлокотник дивана и встала. — Я отрежу, а ты намажешь маслом. Мне до смерти надоела кровь на пирожных.

Через неделю я отправилась навестить отца. У меня не было ключа, а когда я позвонила, никто не ответил. Мамины цветы в горшках засохли, на коврик у прорези для почты лежала куча конвертов. Я залезла внутрь через кухонное окно.

Я сразу поняла, что здесь что-то не так. Чем-то воняло. На полу вокруг мусорного ведра была разбросана еда и куда-то исчезла сушилка для посуды. Я была в шоке, потому что мама всегда держала дом опрятным и красивым. Я подумала, что отец умер. Сейчас я загляну в комнату и найду его распростертым на ковре.

Он лежал на диване, но он не был мертвым. Он даже не спал. И удивился, когда меня увидел.

Я сказала:

— Я начну с кухни.

Когда я вернулась в комнату, он ушел наверх, и я подмела и протерла пыль под диваном. На полу стояла бутылка «Лукозейда», но, когда я его понюхала, оказалось, что это вовсе не «Лукозейд». Я вылила жидкость в унитаз и бросила бутылку в мусорное ведро.

Через полчаса он спустился. Он переоделся. Я молча продолжала убирать.

— Я бы тебя не узнал, — сказал он, — ты стала такой тоненькой.

— У тебя есть молоко? — спросила я.

Он только опустил голову.

— Я схожу в «Хазлет» и куплю. Может, купить что-нибудь еще?

Он продолжал смотреть на меня, будто я марсианка.

— Я слышал о твоём парне. А где ребенок? — наконец спросил он.

— Я его потеряла, — сказала я. Что, в общем-то, было правдой.

Он кивнул.

— У нас нет хлеба и туалетной бумаги, — сказал он. — Тебе, наверное, захочется хрустиков. Я напишу список. У тебя есть машина? Ты могла бы съездить в «Теско» .

— Нет у меня машины, — сказала я, — и сейчас мне не до хрустиков.

— Ну, как хочешь, — сказал он и, шаркая тапочками, вышел из комнаты.

И все-таки я была дома.

Глава девятнадцатая

Я больше не хотела видеть его, однако мне нужны были объяснения. Но шли дни, от Кэллума не было никаких вестей, и я подумывала о том, чтобы избавиться от кулона с осой. Я представляла, как бросаю его в реку Дуглас или закапываю где-нибудь на кладбище. А может, положить на рельсы? По рельсам промчится поезд, и кулон превратится в бесформенную массу. Полл так делала с мелкими монетками, когда была девочкой, но только это были деньги других детей, а не ее собственные.

Меня останавливали два соображения. Во-первых, этот кулон являлся единственным осязаемым напоминанием о моем брате, и, выбросила бы я его или нет, я все равно продолжала бы думать о нем. Во-вторых, оса имела некое отношение к месту в Оксфорде, если, конечно, осы могут приносить удачу, и утрата кулона означала бы утрату этого качества. Я решила носить его хотя бы до тех пор, пока не узнаю результаты.

Накануне вечером позвонила взволнованная Ребекка. Ей приснилось, что она сдала не те лис-

тки, и она спрашивала меня, не слишком ли поздно звонить миссис Клеменс, чтобы та проверила. Я особенно не парилась по поводу результатов экзамена, но после ее звонка тоже начала волноваться.

— Ради бога, сядь. Устанешь смотреть на тебя! — стонала Полл, когда я бесцельно слонялась между кухней и гостиной.

— Оставьте ее в покое, видите, она нервничает! — сказал Собачник, оборачиваясь. — Эй, Кэтрин, раз уж ты на ногах, можешь нам сделать тосты с сыром?

Я приготовила их без возражений, а сама съела пол-упаковки рулетов с инжиром, пока смотрела за грилем. По крайней мере, Собачник был безобидным, в нем не было тайн. Он вызывал отвращение, но от него вроде бы не следовало ждать сенсационных разоблачений. Лучше уж Собачник, знаете ли.

Прошла целая вечность, пока я смогла заснуть в ту ночь, и мне приснилось, будто я снова на собеседовании, и Онор задает мне вопросы по англосаксонским текстам. Вопросы не были сложными, но каждый раз, как я начинала отвечать, мой рот забивался жевательной резинкой. Я сплевывала, но ее становилось все больше и больше, длинные нити вылезали изо рта, пока вся блузка и руки не оказались испачканы. Онор была буквально в ярости, и я поняла, что провалилась.

В шесть утра я проснулась оттого, что Уинстон хакнул мне прямо в ухо. Я спустилась вниз в ночной рубашке и стала ждать почты. Через два часа вниз приковыляла Полл.

— Ну что, пришло что-нибудь?

— Нет.

— Ты должна позвонить Мэгги, если что-то придет, не забудь!

Я снова поднялась, чтобы умыться, но все время прислушивалась, не появился ли почтальон.

— Кто-то пришел!— услышала я крик Полл.

Я бросила полотенце на пол, натянула ночную рубашку и помчалась вниз.

«ВЫ ПРОШЛИ 10/10», — было написано на листке, который она держала в руках. Это был обрывок пакета из-под хлеба. Мерзкий Собачник.

— Что там написано? — спросила Полл.

Собачник постучал в окно.

— Мне нужно к девяти к доктору, не могу даже заглянуть. Увидимся позже.

Он стал гримасничать через стекло. Долго пялился на мою грудь, прежде чем вернуться на тропинку. К моему удовлетворению, он споткнулся о край парапета и сморщился от боли.

— Счастливая карта, — сказала я Полл, — а теперь мне надо пойти одеться.

Повернувшись, чтобы идти, я заметила почтальона, который направлялся к нашему дому. Я так спешила, что не постеснялась бы выскочить голый.

Стукнула крышка почтового ящика. В нем лежало мое будущее. Я бросилась вынимать конверт.

— Он там? — слышался голос Полл откуда-то сзади.

Я испустила горестный вопль и упала на стул.

— Я провалилась! Не верю, неужели я провалилась?! Но почему?! Почему это случилось?! О черт, черт! — я зарылась лицом в подушку, а Полл выхватила у меня листок и пошла искать свою лупу.

Я привстала и увидела, как она, нахмурившись, стоит у окна. Если бы она могла прочесть там что-нибудь другое!

— Я не могу разобрать, слишком мелкие буквы.

— Там два «a» и два «b».

— Два «a» и два «b»? Почему же это провал? Ты говорила, что не проходишь, если получишь У. На что это похоже? Каждый раз одно притворство! Тебе не не что расходовать энергию? — Она бросила в меня клочок бумаги, и он медленно спланировал на пол.

— Но оценка «a» по общим предметам не считается. Боже, я должна была получить, по крайней мере, «aab». Как же так, почему я получила В по английскому? Как это могло случиться?

— Что значит «я должна была получить»?

Я закрыла лицо ладонями.

— Теперь-то тебе можно сказать, потому что я туда уже не еду. У меня было место в Оксфорде. Я тебе не говорила, потому что это было маловероятно. Теперь-то уж точно ничего не выйдет.

Пока Полл стояла и почесывала в затылке, я бросилась вверх, в свою комнату, чтобы переодеться. Мне нужно было выбраться из дома, и побыстрее.

Должно быть, час или больше я просидела у памятника жертвам войны. Почему моя жизнь такая дерьмовая? Почему мне не может повезти хоть в чем-то? Я знаю, что я умная, и это не хвастовство,

это эмпирический факт, основанный на многолетних результатах экзаменов, курсовых работ и докладов, а также на том, что сказала мне миссис Ло, и еще бог знает на чем. Я столько лет жила с клеймом зубрилы и не требовала никаких наград, и все же это было так несправедливо.

Ты все равно не поехала бы в университет. Ты знаешь, что не смогла бы оставить Полл на произвол судьбы. Ты всегда это знала. Тебе никогда не следовало...

Я могла бы поехать. Могла бы! Теперь, когда это место в университете у меня отобрали, я поняла, что никогда ничего не хотела так сильно. Полл могла бы договориться с Собачником или Мэгги, а я пошла бы в городской совет и попросила помощницу по дому. Только потому, что ее жизнь ограничена, я не должна поступать так же со своей жизнью. Я бы решила этот вопрос.

Это все неправда, выдумки, ты сама это знаешь. Даже если не думать о Полл, это всего лишь прикрытие, ложный маневр. Ты слишком боишься жизни. Ты думаешь, что никогда не справишься сама.

Справлюсь. Наверняка справлюсь. Там все живут в общежитии, там есть «университетские родители», которые помогают по хозяйству; там есть клубы по интересам и консультанты, с которыми можно посоветоваться, если у тебя проблемы. Там кормят три раза в день, а я умею готовить и убирать. Благодаря Полл я могу поменять за несколько секунд пробки.

А разве ты можешь свободно общаться с чужими людьми? Находить дорогу в незнакомых местах? Ты когда-нибудь думала, какая сложная жизнь у взрослых? Поезда и автобусы, которые надо догонять, карты, ко-

торые надо читать, банковские счета, в которых надо разбираться, поликлиники, в которых надо регистрироваться, отношения, которые надо создавать, поддерживать и заканчивать, все виды общественных событий, в которых надо участвовать. Рано или поздно придется научиться водить автомобиль, устраиваться на работу, снимать квартиру. Ты можешь реально представить, как справишься со всем этим?

Но ведь я не единственная, там будут и другие студенты, которые тоже боятся уезжать из дома. Я подумала о Ребекке, Донне, Никки, Алекс. Какими бы ни были сегодня наши результаты, все мы страхнем с себя путы старой жизни и помчимся навстречу неизвестному. Страшно. Но ведь люди с этим всегда справлялись, разве нет?

Ты не должна никуда ехать. Клер Гринхолф купила дом в двух шагах от своей матери, и каждый вечер ходит к ней пить чай. Скучно, зато безопасно. А что почувствует Уинстон, если ты его бросишь и уедешь? Ты ведь не сможешь ему ничего объяснить. Может, он зачихнет от тоски, и это будет твоя вина.

Дождливые послеполуденные часы с Уинстоном на коленях и коробкой шоколадных конфет между мной и Полл, сидящей на диване. Разве это такая уж плохая жизнь? Быть сиделкой — важная работа, так сказал мне специалист по трудотерапии в социальном центре. Мир не может существовать без сиделок. Мне никогда не придется находить оправдания моему образу жизни, если о мою руку будет опираться Полл.

Потом в мыслях внезапно возник Собачник. Однажды после большого выигрыша на бегах он пригласил нас в кафе в Болтоне. Я заметила, что

другие посетители оставляют чаевые. Собачник стал кричать: «Чаевые? Им нужны чаевые? Я дам им на чай. Они этого никогда не забудут». Все уставились на него, пока он хохотал над своим остроумием.

Я должна была поехать в Оксфорд. Я должна была поступить в Оксфорд или умереть. По дороге домой я смотрела на небо в перистых облаках. Вот в чем ирония судьбы, думала я, пытаясь вспомнить экзаменационные вопросы, в которых могла допустить ошибку.

Когда я вошла, они сидели за столом — Мэгги, Собачник и Полл. На столе царил рулет с вареньем.

— Тебе звонила миссис Лорд! — прокричала Полл. — Она сказала что-то о резерве, кажется, так. Она сказала, чтобы ты ей обязательно позвонила.

Я знала, о чем будет разговор. О резервном запросе в Абериствис. Но я написала его только потому, что надо было что-нибудь написать, а он оказался первым в списке.

Трясущимися руками я набрала номер школы, но было занято.

— Знаете, Винс был умным мужчиной, — сказала Полл, — он великолепно считал. Ему надо было пойти в бухгалтеры, а не работать все эти годы в локомотивном депо.

— И твой Роджер тоже. — Мэгги сочувственно кивнула.

— Он был очень сообразительным. Помнишь, я сдавала экзамен «одиннадцать плюс», и там было написано, что его могут сдавать только шестеро?

— Да, помню, — сказала Мэгги, — это была опечатка?

— Не знаю. Но мой отец настоял, чтобы я его сдала. Он был немного с придурью, этот директор школы, и мог бы допустить меня до экзаменов просто чтобы обеспечить себе спокойную жизнь.

— Но все закончилось забавно?

Полл скрипуче рассмеялась:

— Все из-за статуй. Этих голых статуй в комнате.

— И где это было? На механике?

— Нуда. Я никогда не видела ничего подобного. И они посадили меня как раз рядом с мраморным мужчиной, а все его принадлежности торчали наружу. Так что первое, что я делаю — опрокидываю чернильницу. Повсюду чернила — на их красивом паркете и на ножках стола. После этого я там никогда больше не была.

Мэгги одобрительно кивнула и взяла еще один кусок рулета.

— В школе я не была умницей. Помнишь тот случай, когда мисс Ивис спросила нас, в какое окно лучше вытряхнуть тряпку. Она хотела, чтобы я ответила, что это зависит от того, куда дует ветер, но я сказала, что в заднее, чтобы соседи не видели, сколько пыли у вас в доме. Она решила, что я ей надерзила. А однажды мне досталось розгами от мистера Марсдена за то, что я назвала экватор воображаемым львом, который огибает земной шар. Тогда они не были такими безобидными, как сейчас, эти учителя.

— Я не способен обучиться чтению, — сказал Собачник.

Телефон зазвонил как раз под моей рукой, и я аж подпрыгнула.

— Алло? Могу я поговорить с Кэтрин Миллер? — Я обрадовалась, услышав суровый голос миссис Ло.

Я начала что-то бормотать о пересдаче, но она остановила меня.

— Я была у куратора приемной комиссии университетского колледжа, и они сказали, что позвонят. В настоящее время ты можешь только ждать. Ты готова пойти на условное место, если тебе его выделят?

— Не знаю. Я боюсь, что если не поступлю в этом году, то не поступлю никогда. Вы меня понимаете?

— Думаю, что да. — Голос у миссис Ло был решительным. — Но ты согласилась бы на это место, если бы у тебя не было других вариантов?

— Думаю, что да.

— Хорошо. Я позвоню, как только что-нибудь узнаю. Идет?

Положив трубку, я оглянулась и увидела Полл.

— Ну, так ты поступила или что?

У Полл что-то есть во взгляде. Может быть, именно потому, что она плохо видит, иногда кажется, что она смотрит тебе прямо в душу. Мэгги и Собачник повернулись ко мне.

— Они сообщат. Но если я получу это место, мне придется туда ехать. Я обязана буду это сделать.

У Полл вытянулось лицо. Я бы сказала, что она в смятении. Мэгги потянулась через стол и похло-

пала ее по руке. Собачник потупился и взял огромный кусок рулета.

— Перейди этот мост, если подошел к нему, — пробормотала Мэгги, все еще поглаживая руку Полл.

— Я поднимусь к себе, — сказала я, беря себя в руки, — возможно, мне снова позвонит миссис Ло, так что прошу не занимать телефон.

— Ради бога, не накручивай себя. Возможно, все окончится ничем, — услышала я слова Мэгги, выходя из комнаты.

Было послеобеденное время, когда миссис Ло снова позвонила. После разговора с ней я сразу пошла к Полл. Она была в кухне с Мэгги, Собачник отправился играть на тотализаторе. Мэгги наблюдала, как Полл собирается поставить чайник. Держа чайник одной рукой, другой она нащупала кран и открыла его, провела рукой по чайнику, чтобы точно подставить его под струю воды и стала ждать, пока уровень в нем не дойдет до ее пальцев. Потом убрала пальцы и по звуку наполнила чайник доверху. Потом стала шарить, ища маленькую кнопку у основания чайника, и нажала на нее. Ее пальцы поползли вверх по ручке к крану. Я подскочила и выключила кран.

— Ну что?

— Меня берут. Мне предоставили место с октября, — сказала я, без сил от страха и от счастья.

— Это потрясающе, дорогая, — сказала Мэгги неуверенно, — представь себе, Полл, теперь нам надо будет разговаривать манерно, держать мизинец на отлете, когда будем пить чай.

На лице Полл было выражение полного смущения.

— Так ты едешь?

Мэгги затаила дыхание.

— Я не могу не ехать. Такая возможность бывает раз в жизни. Другие дали бы руку на отсечение за это место.

— Это правда, — сказала Мэгги, — ты должна получить самое лучшее образование. Хотя в Манчестере тоже очень хороший университет и находится близко от дома. Сын Даунов, Пол, поехал туда и теперь работает в «Маркс & Спенсер».

— Но я не получила места в Манчестере. Я его получила в Оксфорде. Неужели вы не понимаете, что единственное, что у меня есть — это мои мозги. Это место как раз для меня. Там у меня будет возможность решить, что делать дальше. Я вернусь обратно.

— А вернешься ли? — взывала Полл. — Вернешься ли к своей слепой старой бабушке, почувствовав вкус другой жизни? А может, отправишься в Лондон или куда-нибудь еще, найдешь серьезную работу, и у тебя не будет времени даже навестить меня?

— Конечно, она вернется, — сказала Мэгги, — правда, дорогая? Да, смотри, она говорит, что вернется.

— Но как же я буду справляться без тебя?

Чайник свистнул. Полл яростно бросилась к нему и, до того, как Мэгги и я успели ее остановить, схватила его и пролила кипяток на пол и себе на ногу.

— Как я смогу справиться одна? — повторяла она, пока мы стаскивали ее трико и лили на ее голень холодную воду. — Там есть волдыри?

— Нет, только кожа покраснела и все, — сказала Мэгги.

— Жжет ужасно. Надо позвать доктора.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, — сказала я, вытирая пол.

— А если у меня шок? — закричала она.

— Если хочешь, я позвоню в хирургическое отделение и спрошу миссис Эшбернер в приемной.

— Да, позвони. Скажи ей, что у меня ужасная боль.

Я скажу ей, что ты — ужасная боль, подумала я. Она нарочно себя ошпарила, миссис Эшбернер. Что вы посоветуете с ней сделать?

— Вот что, — сказала я, останавливаясь в дверях, — я схожу туда и спрошу, что нужно купить в аптеке. Ты можешь остаться, Мэгги?

Мэгги кивнула. На пороге она догнала меня.

— Ты должна понять, дорогая, она ведь потеряла сына, когда тот уехал и поступил в колледж.

«Неужели ты думаешь, что я такая тупая?» — чуть не сказала я.

— Я знаю. Но там было другое.

— Я просто тебе напомнила.

Я выскочила на улицу, захлопнув за собой дверь. Мне необходимо дойти до библиотеки и повидаться с мисс Мегерой.

— Это было не очень похоже на «Хлеба зеленеют», — сказала я мисс Мегере. Никто не водрузил меня на плечи и не пронес с триумфом по улице: не нашлось подходящих силачей.

— Я думаю, что твоя бабушка горда твоим успехом, но ей требуется время, чтобы привыкнуть к мысли об этом. Во всяком случае, ни о чем не думай. Ты прошла, вот что важно, — сказала она и вдруг обняла меня. Мисс Мышь, стоявшая рядом, дотронулась до моей руки и смущенно улыбнулась. Это было не так неожиданно. Я давно не была так счастлива.

— Мы принесли тебе вот это для твоих занятий. — Мисс Мегера вытащила из-под прилавка портфель от Уотерстоуна. — Я бы подарила его тебе в любом случае, потому что знаю — он тебе пригодится.

Оказалось, что это тяжелый, как камень, «Оксфордский спутник английской литературы». На чистом листе в начале книги обе женщины подписали свои имена под пожеланием всего наилучшего. Я оглянулась, не смотрит ли кто, но в помещении почти никого не было; ну да — четверг, без четверти два. В половине третьего, когда закончатся занятия в школе, станет болеелюдно.

— Я очень заинтересована в том, чтобы ты получила образование. — Мисс Мегера подняла стопку брошюр со стола и стала тасовать их, как карты, пока они не легли ровнехонькой стопочкой. Она подравняла их на углу прилавка. — Мы полагаем, что тебя ждут большие успехи. Пришло время улететь от нас, расправив крылышки.

Зазвонил телефон, и мисс Мегера сняла трубку. Я постояла некоторое время, ожидая, что это короткий звонок и я услышу еще что-нибудь лестное про себя. Мисс Мышь тоже ждала, с ее лица не сходила улыбка.

— Молодец! — шепнула она дважды и исчезла.

Я проследила, как она тенью мелькнула меж книжными стеллажами, а потом села за стол, за которым мы сидели с Кэллумом, когда были здесь вместе. Опять Кэллум. Когда он перестанет преследовать мои мысли? Мне до умопомрачения хотелось рассказать ему свои новости. Я молилась, чтобы он позвонил, хотя бы только затем, чтобы я бросила трубку.

Я оглянулась на смелую, замечательную мисс Мегеру, которая нервно постукивала по блокноту пальцами с закругленными ногтями. Ее лицо выражало нетерпение. Она стояла очень прямо и одергивала жакет. С кем-то она бывала суровой. Но я ей нравилась. И, что бы мне ни говорили, даже если она лесбиянка, не было ничего лесбийского в этом объятии. Оно было теплым и добрым, ответно радостным, материнским.

* * *

Через некоторое время Винс связался со мной. Я не знала в точности, что надо делать, когда покидаешь съемную квартиру, так что взяла ключи, но оставила на телевизоре записку с номером телефона моего отца. Глупо, конечно, но я не могла собраться с мыслями.

Мы встретились на ступеньках ратуши. Я сообщила ему, где буду жить. Когда я передавала ключи, он сказал:

— Ты уверена? Ты могла бы остаться дольше, если хочешь.

— Ты вернешься?

— Нет, — сказал он. — Сейчас мне надо заботиться о ней. У нее не все в порядке со здоровьем. — Он рас-

терянно почесал в голове. — Ее трудно было разыскать.

— Кого? — спросила я, потому что хотела услышать это от него.

— Джудит.

— И ребенка.

— Ну да, парнишку. Маленького Кэллума. — Он радостно улыбнулся, а мне захотелось его ударить.

— Ты мне больше не нужен! — сказала я грубо.

— Я знаю, — сказал он, — но все же я буду посылать тебе деньги.

Героини в фильмах обычно говорят: «Мне не нужны твои деньги», — но я промолчала. Переводы приходили потто много лет, пока я училась в колледже, и я их получала.

Не думайте, что я его любила, потому что это не так. Я давно поняла, что он не был бы хорошим отцом ни мне, ни Кэтрин. Он был просто необходим на какое-то время.

Глава двадцатая

Ребекка получила место в Бристоле, Донне почти чудом удалось поступить в колледж в Ланкастере. Целых две недели я прощалась с Бэнк Топ, чтобы уехать в Оксфорд, пока судьба снова не поставила мне фингал под глазом.

Полл, Мэгги и Собачник атаковали меня дома с трех сторон, пытаясь отговорить от поездки.

— Тебе придется совершенно измениться, понимаешь? Они никогда тебя не поймут. Они будут думать, что ты ненормальная (Полл).

— Я принесла тебе буклет манчестерского университета. Он шестилетней давности, но я не думаю, что с тех пор много изменилось. Даун говорит, что Пол приезжал домой каждый уикенд и мог оставаться, если хотел, и ездить хоть каждый день. Это сэкономит тебе кучу денег. Иначе ты влезешь в ужасные долги на много лет (Мэгги).

— Я принес тебе видео о девушках из колледжа, их всех по очереди убивают. Киллер прячется на крыше, спускается вниз по ночам и режет их на кусочки (Собачник).

Почти все свободное время я проводила в библиотеке, где мисс Мегера составляла мне список для чтения, пока мы ждали официального приглашения.

— Некоторые книги мне пришлось заказать в Центральной библиотеке Манчестера, — сказала она, изучая колонку заголовков. — Конечно, у тебя скоро будет доступ к одной из самых лучших библиотек в стране. — Она посмотрела на меня поверх очков для чтения. — Знаешь, ты счастливая девочка.

— Я ценю это.

— Как твоя бабушка?

— Обозлена.

Мисс Мегера вздохнула и положила руки на стол.

— Я отдала десятки лет своей жизни, ухаживая за своим отцом. А после того как он умер, знаешь, что мне осталось?

— Нет.

— Бунгало в Харропе и одиночество. Конечно, у меня есть мои знания и моя работа, я тружусь, я член Королевского общества защиты птиц... Но мне почему-то кажется, что я могла бы сделать немного больше, если бы сделала другой выбор. Что бы ни говорила твоя бабушка, ты сама должна распоряжаться своей жизнью.

— У меня будет собеседование с чиновником реабилитационного центра, мы обсудим, как ей можно помочь.

— Это просто замечательно. Предпринимаешь практические шаги, это хорошо.

— Ага. Проблема в том, что она такая упрямая. У них есть люди, чтобы подготовить ее, показать,

как можно делать обычные домашние дела с ограниченным зрением, но она не пускает их в дом. Она говорит, что они за ней шпионят. И еще у них есть всевозможные приспособления: говорящие часы, шрифты для слепых, великолепные вещи, но она ужасно привередлива.

Мисс Мегера нахмурилась.

— Но почему так происходит? Ты же говоришь, что она любит независимость.

— И да, и нет. То она вопит, что ей немедленно нужно помочь, то, буквально в следующую минуту, может тебя прогнать. С ней очень трудно. А все эти приборы и приспособления стоят денег.

— Разве она не получит их бесплатно? Ей должны их предоставлять, пенсионерке без... Извини, но мне кажется, что она ограничена в средствах. Это не мое дело, конечно.

— Нет, вы правы. Она все время твердит, что бедна, как церковная мышь.

Вот почему у нас нет ни мобильного телефона, ни компьютера, и вся одежда с распродаж. Но я не хотела, чтобы мисс Мегера думала, что меня заботят такие вещи.

— Так в чем проблема? Или социальные службы не справляются? Я слышала про всякие ужасные истории о проверке реальных доходов.

— Да нет, с социальными службами все в порядке. Ну, однажды они потеряли какую-то анкету, и мы ждали сто лет, но обычно они готовы помочь. Это Полл чинит всякие препятствия. Она говорит, что не разрешит им копаться в своих личных бумагах. Она говорит, что принадлежит к тому поколению, кто привык сам решать свои финансовые

проблемы, и не понимает, почему совершенно незнакомым людям необходимо удостовериться, что у нее совсем мало денег, чтобы посмеяться над ней.

Мисс Мегера покачала головой.

— В возрасте твоей бабушки люди часто горячо отстаивают свою правоту. Думаю, она также против кредита, не так ли?

— Конечно, и не в последнюю очередь потому, что для получения кредитной карты нужно сообщить о себе подробную информацию. Она буквально выходит из себя, когда ее останавливают посреди улицы и начинают спрашивать, что она предпочитает на обед. Однажды она даже ударила за это женщину. Мне было так стыдно!

— Могу себе представить!

Мисс Мышь проскользнула мимо и улыбнулась уголком рта, не поднимая головы.

Я снова почувствовала себя в обществе единомышленников.

Идя обратно по деревне под хмурым небом, готовым пролиться мелким дождиком, я попыталась взглянуть на Бэнк Топ отрешенно. Интересно, если я больше не буду здесь жить, стану ли я скучать по нему? Вот местная поликлиника с ее вонючей приемной. Там каждый раз задают дурацкие вопросы, когда тебе нужно получить рецепт. Вот церковь, куда я ходила на Пасху, на Рождество и в Праздник урожая, где посещала церковную школу и где преподобный Роуланд однажды произнес зажигательную проповедь о хулиганстве, которая,

однако, не имела ровно никакого эффекта. Вот кондитерская, методистская церковь, а дальше дорога ведет к главному значному месту Бэнк Топ — ресторану. Невозможно воспринимать эту длинную улицу просто как дорогу с домами по сторонам. Здесь все наполнено воспоминаниями.

Воспоминания навели меня на мысли об Оксфорде. Что же это такое — учиться в университете? Интересно, у меня будет своя комната? Может, даже с умывальником? А что, если там негде будет блевать, и я стану весить тонну?

А вдруг я заблужусь по дороге на занятия? Преподаватель подумает, что я прогуливаю, и сделает заключение, что я лентяйка? А вдруг окажется, что все остальные знают больше, чем я? Если выяснится, что я получила только «b», а все остальные студенты — «a»? А вдруг они решат, что меня приняли только потому, что я из бедных? Нужно ли там писать, кто ты такая, чтобы все знали? А вдруг они читают это вслух на первом же семинаре?

А что, если остальные студенты сплошь богаты и у всех есть дорогие увлечения, которые мне не доступны? Или они носят самую дорогую и модную одежду? А вдруг они не поймут меня из-за моего произношения?

А что, если предзнаменованием была дверь, а не оса?

Господи, о чем я думаю? Уехать из дома, мне?! Я не выдержу и двух минут.

Мне хотелось зайти на кладбище, но я уже отсутствовала дольше, чем обещала, и к тому же надо было выгулять Уинстона. Я поспешила домой, чувствуя себя совершенно подавленной.

Я полезла за своим кошельком, в котором лежали ключи, но потом вспомнила, что оставила его на буфете. Я позвонила и стала ждать. Обычно за этим следовало царапанье когтей по дереву, сопение или лай, сопровождающиеся старушечьим ворчанием. Но сейчас за дверью стояла тишина. Полл могла пойти к Мэгги или выйти в сад. Я обошла по дорожке вокруг дома, потом повернула к воротам. Сад был пуст, а задняя дверь заперта.

В сарайчике, где Полл раньше держала уголь, а теперь хранилась сломанная стиральная машина, которую Собачник намеревался когда-нибудь починить, я пошарила над притолокой в поисках дубликата ключа. Он оказался на месте. Я прошла на кухню и включила чайник. Открыв крышку хлебницы, я извлекла кусок шоколадного бисквита из пластиковой упаковки и отправила его в рот.

Я увидела Полл только когда вошла в гостиную.

Это было похоже на триллер, когда сначала в кадр попадает рука. Секунду я, оцепенев, смотрела на ее скрюченные пальцы, потом обежала диван и увидела остальное. Полл лежала на спине, одна рука была закинута за голову, глаза закрыты. Юбка задралась выше колен, из-под нее виднелись панталоны, а лоб был в крови: падая, она ударилась о камин. Не хватало одного тапочка. Сначала я подумала, что на нее напали. Потом заметила Уинстона, тоже без движения лежавшего у ее ног. Наверное, это дико, но сначала я бросилась к нему.

Я осторожно подняла его голову и повернула. Когда я ее отпустила, она упала на ковер. Его тельце было бездыханным, оно напомнило мне пустую коробку из-под ночной рубашки. В нем не было жизни.

— Полл! — крикнула я в ужасе. — Полл? Ты меня слышишь?

Я опустилась на колени у ее головы и дотронулась до щеки ослабевшими от страха пальцами. Ее веки дрогнули.

— Полл!

Нет ответа. Вскочив, я бросилась к телефону. Вся дрожа, набрала номер «Скорой помощи» и, услышав голос врача, ответила на вопросы. Мне сказали, что с ней надо постоянно разговаривать, найти ее лекарства, не пытаться ее двигать и тем более не давать ей ничего из еды или питья. «Скорая помощь» должна была приехать в течение пятнадцати минут.

Мне следовало пойти и сесть рядом с ней, но вместо этого я позвонила Собачнику на мобильник. Сначала я хотела позвонить Мэгги, но у нее нет машины и ей нельзя поднимать тяжести.

— Я сейчас на вершине Броу, — услышала я его крик сквозь шум машин, — я все равно собирался приехать, прибить гвоздь для того ковра на лестничной площадке. Дай ей немного ликера, может, ей полегчает.

Я проигнорировала этот дурацкий совет и подошла к Полл, которая теперь судорожно дергала головой и что-то бормотала, как во сне.

— Все нормально, — как заведенная повторяла я, что было огромной ложью, но именно эти слова

говорят жертвам несчастного случая, даже когда они парализованы. — Я вызвала «скорую», и Дикки едет сюда. — Я задумалась, стоит ли соврать насчет Уинстона.

Дверь распахнулась, и Собачник влетел в комнату, как обычно держа в руках две сумки со всяким бараклом. Он бросил сумки на пол.

— У тебя есть одеяло? — спросил он. — А еще надо подложить ей под голову подушку.

— Я думаю, что нельзя двигать пациента, — сказала я и понизила голос, — чтобы не парализовало. — Но все же пошла за полотенцем.

Когда я вернулась, он ощупывал Уинстона и одновременно разговаривал с Полл. Указав мне на собаку, он провел ладонью поперек горла, потом присел на корточки и уставился на Полл.

— Что у нее в волосах? — просипел он. — Вроде мышинного помета.

Я наклонилась над ней.

— Это третий шоколад, — сказала я, как будто это было в порядке вещей. Я знала, что Собачник мог его также видеть у меня на груди и вокруг рта. — Подвинь ее немного, и я смогу накрыть ее одеялом. Ты оставил дверь открытой, чтобы мог войти врач?

Как раз перед тем как они вошли, чтобы забрать ее, Полл пришла в себя. Мы видели, как ее взгляд приобрел осмысленность, потом она зашевелила губами.

— Я споткнулась об Уинстона, — еле слышно проговорила она.

— Я знаю, я догадалась.

— Он болен, мне кажется. — Она попыталась поднять голову.

— Нет, с ним все в порядке. Спит без задних ног, — сказал Собачник.

Она снова впала в забытие. Но потом, когда врачи закричали из прихожей, она искоса взглянула на меня.

— Ты выбрала подходящее время!

Врачи бодро задавали вопросы:

— Как вас зовут, дорогая? — Пауза. — Как ее зовут?

— Полианна Миллер. Мы ее зовем...

— Полианна? Полианна, вы слышите нас, милая? Вы ведь пережили войну, правда? Но вы в надежных руках. Скоро будете танцевать брейк-данс. Можете нам сказать, где у вас болит? Вот здесь больно? Можете сжать мою руку? Отлично. А теперь мы положим вас на носилки, так что вы...

Когда они положили ее на носилки, Собачник направился к Уинстону и осторожно завернул его в одеяло.

— Я о нем позабочусь, — прошептал он, — а ты поезжай с Полл.

— Ты отнесешь его к ветеринару?

— Думаешь, в этом есть смысл?

— В верхнем ящике комода есть немного денег для оплаты счетов. Возьми их, пожалуйста. Вдруг понадобятся.

— Хорошо, хорошо. — Собачник взял на руки сверток с собакой, как ребенка. — Ты позвони из больницы, ладно?

Я кивнула, и мы вышли из дома.

— Вы закрыли парадную дверь, милочка? — спросила женщина-врач, когда мы стояли у машины

«скорой помощи». — А то есть мерзавцы, которые именно в такие моменты залезают в дома.

Я побежала проверить, хотя знала наверняка, что заперла.

* * *

Этот день был длинный, а ночь еще длиннее. Меня отправили домой около девяти. К этому времени они пришли к выводу, что Полл пострадала только от падения (она вывихнула лодыжку), но хотели оставить ее для обследования. Интересно, что ей написали в истории болезни? «Полианна Миллер. Упала, споткнувшись о собаку».

Мне пришлось дожидаться автобуса в темноте. Я была без пальто, денег хватило только на обратную дорогу. Когда я добралась до дома, стало прохладно. Дом стоял темный, без единого огонька, и, когда я поднялась на крыльцо, меня трясло от холода и волнения.

Я проверила каждую комнату, прошла по всему дому и зажгла везде свет, чтобы убедиться, не залез ли грабитель и не спрятался ли под кроватью, в шкафу, в чулане, под лестницей, за стиральной машиной или за длинными шторами в гостиной. Я старалась не думать об убийцах, скрывающихся в мансардах, и о насильниках, влезающих в дома по трубам.

Наш вход на чердак был над лестничной клеткой и, поднявшись туда и обнаружив нетронутую паутину, я убедилась, что ни один психопат там явно не прячется. Но мысль о человеке, взбирающемся по стене, влезающем в окно и крадущемся за мной в темноте пугала меня так сильно, что я

проверила все окна. Потом снова посмотрела в шкафах, под кроватями и т. д., чтобы убедиться, что никто не забрался наверх, пока я была внизу. Конечно, я отдавала себе отчет, как это глупо. Ведь даже если бы вместе со мной была Полл, что мы могли бы сделать против убийцы с топором?

Потом я представила, как на мою защиту бросается Уинстон, слабый и маленький, и почувствовала себя такой несчастной и одинокой, что заплакала. Когда я звонила из больницы, Собачник сказал:

— Ветеринар считает, что Уинстона сбила машина.

Он, должно быть, незаметно удрал за ворота, хотя я никогда не оставляла их открытыми. Может быть, Полл подумала, что закрыла их, а сама забыла. Наверное, он что-то увидел на противоположной стороне дороги и бросился туда. Никто не постучал в дверь и не сказал: «Я, кажется, сбил вашу собаку».

Но, может быть, водитель его даже не заметил, ведь он такой маленький. В его испражнениях была кровь, сказал ветеринар. Это означало внутреннее кровотечение, а когти были стерты на кончиках, как будто его на скорости протащило по шоссе. Собачник сказал, что Уинстон дополз до дома, смог дотащиться до столовой, свалился между диваном и креслом и умер. Я отчетливо представила эту картину. Но как сказать Полл?

Полл, распростертая на полу, Полл под белой простыней на металлической каталке с тусклым остекленевшим взглядом, и эта ужасная рана у нее на лбу... И я, в смятении ждущая приговора врачей.

А что, если они ошиблись и у нее что-то гораздо более серьезное? Я приду завтра в больницу, и меня отведут в боковую комнату, как они делают, когда надо сообщить плохие новости, и спросят: «Вы ее ближайшая родственница?»

Теперь я совсем одинока и несчастна, и у меня нет даже собаки. Я никогда не думала, что мне ее будет не хватать так сильно. Я не провела в одиночестве ни одной ночи. Отец сейчас не мог мне помочь, конечно, он только самодовольно усмехался, глядя с фотографий на стене. Большой обманщик. Я не стала говорить с ним, потому что, когда я пришла на кладбище, чтобы спросить о Кэллуме, единственным его ответом был след азбуки Морзе между туч.

— Идиотская символика! — крикнула я в небо. — Почему ты все время говоришь загадками?

Я чуть не позвонила Собачнику еще раз — настолько я была несчастна, хотя, вероятно, тогда возникла бы ситуация «из огня да в полымя». Я представляла, какое утешение он мог мне предложить, если бы ему дали хоть четверть шанса. Ну да, счастливую возможность созерцать достоинства, которые прятались под его старым вонючим пальто.

Вместо этого я позвонила Мэгги и все ей рассказала, хотя я сообщила ей наши новости еще из телефона-автомата в больнице.

— Я разбудила тебя? — спросила я, когда поняла, что она без зубов.

Она сказала, что нет, так что я растянула разговор минут на пятнадцать. Я не понимала половины того, что она говорила, но это не имело значения.

Потом я спустилась на кухню, навалила на тарелку какой-то еды, сделала еще один разведывательный круг по дому и заперлась в своей комнате, для верности подоткнув стулом ручку двери. Я открыла «Гордость и предубеждение», потому что это моя самая любимая книга, при чтении которой мне всегда становится лучше. Мне так хотелось спрятаться в библиотеке мистера Беннета. Но дом скрипел и стонал, будто внизу рыскала целая армия ночных грабителей, и я не могла продвинуться дальше первой страницы. Казалось, я разучилась читать. Прошло много томительных часов, пока за окном снова не рассвело.

Нет лекарства лучше книги. Я бы умерла, если бы не могла читать.

Глава двадцать первая

Прошла целая неделя, пока Полл наконец вернулась домой (у нее возникли проблемы с давлением и подозрение на черепно-мозговую травму), и десять дней, чтобы понять, что я никуда не еду. До начала занятий оставалось еще полтора месяца, но я знала, что сама мысль о том, чтобы уехать за сто миль отсюда и стать студенткой, всегда была фантазией. Мое предчувствие меня не подвело. Я никогда, никогда не смогу распоряжаться своей жизнью.

Хотя, может, это даже к лучшему, потому что Полл сильно изменилась.

— Не знаю, что они с ней сделали в больнице, — прошептала Мэгги, когда Полл удалилась наверх, хромая, вздыхая и хватаясь за грудь, — у нее продолжают эти постоянные приступы паники, как она их называет. У нашей Дон были такие же после рождения крошки Кейли. Один раз она не могла выйти из дома, а у нее кончились подгузники. И когда я пришла, то увидела, что она намотала на ребенка бумажное полотенце и прикрепила его скотчем.

Я передернулась. Я ненавидела младенцев. Дон могла бы завернуть его в фольгу, мне это было безразлично.

— Как долго это продолжалось?

— Что? Скотч?

— Нет, приступы паники.

— Она очень долго об этом не говорила, чтобы не подумали, что она никудышная мать и не передали Кайли на воспитание в другую семью. Но, в конце концов, она пошла к доктору, и он дал ей таблетки. Псориаз, они так вроде назывались.

— Псориаз — это болезнь такая.

Мэгги сощурила глаза.

— Ну, не знаю. Что-то в этом роде. Я спрошу, когда ее увижу. Но Полл пришлось пережить потерю своей собаки, это был для нее ужасный удар. К тому же еще это падение. И твой отъезд...

Я быстро встала и ушла на кухню. Я смотрела сквозь грязное стекло на длинный узкий сад с могильным холмиком Уинстона в глубине, на тусклые белые тени раскисших гномов Собачника, на отвисшую веревку для белья, мокрую после дождя. Я могла бы просто сказать, что никуда не поеду. Не знаю, почему я не сказала сразу. Может, не хотела, чтобы у Мэгги возникло ощущение победы. Все равно она и Полл очень скоро узнают, что я не еду в Оксфорд.

По почте пришло Руководство для первокурсников, и я почувствовала что-то вроде облегчения после того, как просмотрела его и бросила в мусорную корзину. Надо было проходить медосмотр, а я всегда их ненавидела. Раздеваться до нижнего белья, ощущать, как медсестра разглядывает склад-

ки жира у тебя на животе, потом эти весы с движущимся цилиндром, который все время приходится отодвигать назад, назад, пока врач не поднимет брови в изумлении. На повестке дня там имелись караоке, викторины, поиски сокровищ, катание на коньках — все виды безумного веселья. В туалетах Центра отдыха и развлечений для студентов были предусмотрительно разложены кондомы, ведь кто знает, может, в середине праздника захочется перепихнуться с кем-нибудь, с кем знаком всего десять минут. Моя неделя первокурсника состояла бы из ста шестидесяти восьми часов сидения в своей комнате и попыток избежать любого общения. Но через некоторое время я вытащила конверт из мусорного ведра. Я спрячу это руководство вместе со списком литературы и первым письмом, где мне предлагалось условное место, в отцовском учебнике вместе с фото моей матери. Я полагала, что в память о хорошем стоит сохранить их — как доказательство того, что я могла бы поехать в Оксфорд, если бы захотела.

— Но, — сказала я Мэгги, когда мы мыли посуду, — если я останусь, здесь должны произойти некоторые изменения. Мне нужно больше свободы.

— Скажи это своей бабушке, — ответила Мэгги, стирая башмаком след от слизняка на заднем коврике у двери.

— Я это сделаю. Я составила список.

Полл сидела перед телевизором, сгорбившаяся и жалкая. По словам Мэгги, «вся воинственность из нее улетучилась», и это было действительно так. Кстати, вполне подходящий момент, чтобы ставить условия.

— Я тут подумала... — начала я, присаживаясь на край дивана рядом со стулом Полл и уменьшая звук телевизора.

— Да? О чем?

Мэгги ободряюще улыбнулась мне:

— Давай, дорогая.

Я сделала глубокий вдох:

— Мне уже восемнадцать, я закончила школу, и мне нужно больше свободы.

Полл повернулась и уставилась на меня:

— Что?

— Я останусь в этом доме, буду присматривать за тобой...

Полл быстро пробормотала:

— Это скорее я присматриваю за тобой.

— Продолжай, — кивнула мне Мэгги.

— Но здесь должны произойти некоторые перемены.

— Неужели?

— Да, именно. Например, я хочу уходить и приходить, когда мне вздумается.

— Но у тебя же есть ключ! — раздраженно проговорила Полл. — Не понимаю, на что ты жалуешься.

— Да, есть, но я все равно должна сообщать тебе каждый раз, куда я иду, разве нет?

— Да, и это простая вежливость. Не могу же я все время гадать, где ты находишься. А что, если тебя похитили? Приезжает полиция и первым делом спрашивает: «Куда она пошла?» По-твоему, я должна сказать: «Извините, офицер, но я не знаю»? Чтобы мне было стыдно, когда это будут показывать в новостях?

— А ведь Полл права, — сказала Мэгги. — Только один короткий телефонный звонок, чтобы сообщить о том, что ты задерживаешься. Ты просто даешь ей знать, что ты в безопасности.

— Но не сто гребаных вопросов каждый раз, как я собираюсь выйти за порог.

— Не стоит так выражаться, — сказала Полл, — все нормально. Ты говоришь, куда идешь, и мне нет необходимости задавать вопросы.

Я перешла к следующему пункту:

— Я хочу носить то, что мне нравится, а не те вещи, которые ты покупаешь мне на распродажах. В них я выгляжу как... как ты. Как тогда, когда мне стукнет семьдесят.

Это ее уязвило.

— Носи, что тебе заблагорассудится, пожалуйста, сейчас все без исключения оголяют грудь и укорачивают юбки. Но я не буду оплачивать это, ты должна сама находить средства. Я не собираюсь давать деньги на наряды, которые выглядят как нижнее белье. Если ты будешь одеваться как проститутка, ничего хорошего из этого не выйдет.

— Да, это верно, — сказала Мэгги, — и куда только катится молодежь? Они все выставляют наружу свои прелести, ох уж эта мода!

— Я сказала, что сказала. — Полл ткнула пальцем мне в лицо. — Ты сама убедишься.

— Это мне решать. И если уж на то пошло, я не хочу слышать никаких насмешек по поводу моих бойфрендов, если я приведу кого-нибудь домой.

Полл ничего не сказала, она расхохоталась, что было еще хуже. Я в отчаянии взглянула на Мэгги.

— Она красивая девушка, — сказала Мэгги, — у нее прекрасная соблазнительная фигура. Если бы она заколола волосы назад, чтобы можно было увидеть ее лицо... — Она перегнулась через диван и убрала мне волосы со щек. — Ты как будто хочешь спрятаться, дорогая. Голову вверх, плечи назад. Ты все время закрываешь лицо, зачем? У тебя прекрасная кожа.

Полл продолжала смеяться, но уже через силу.

— Если ты так говоришь, Мэгги...

— Я хочу смотреть программы, которые мне нравятся, — продолжала я. — Я сыта по горло всякими домашними ремонтами и телевикторинами. И вообще, я хочу иметь собственный телевизор в своей комнате. У всех ребят в школе есть телевизоры.

— У всех в твоей школе больше денег, чем у нас, — огрызнулась Полл. — Я пенсионерка, к твоему сведению.

— Послушай, помнится, у миссис Даун есть старый телевизор, — вмешалась Мэгги. — Я думаю, она отдаст его тебе почти даром. Я поговорю с ней, — она улыбнулась Полл лучезарной улыбкой, — все утрясется.

— Спасибо, Мэгги. Что я говорила? Ах, да. Я хочу в некотором роде пройти курс открытого университета. Я попросила мисс Стокли помочь мне составить заявление, и я могу пользоваться компьютерами в библиотеке для выполнения заданий.

Я подумывала о профессии библиотекаря, но не сказала этого Полл. Я надеялась, что мисс Мегера будет так приятно удивлена моим выбором

профессии, что простит мне отказ от Оксфорда. Полл только дернула плечом.

— И последнее. Мне осточертело, что Дикки все время здесь болтается. Он может посещать нас пореже? Он как будто поселился у нас, ей-богу. Я чуть не спотыкаюсь об него. А теперь он еще заходит всюду без предупреждения.

Она выпрямила спину, на лбу собрались морщины.

— Дикки — мой друг. Он так добр к тебе, не понимаю, чем он тебе не угодил. Ты же гуляла с ним, вы нормально общались, и ты считала его забавным. Разве нет? Ты не отходила от него, когда он появлялся. Честно, Мэгги, так и было.

— Я знаю, я помню. — Мэгги радостно улыбнулась. — Ты была такой резвой малышкой, всем интересовалась, строила свои маленькие планы.

— Разве ты не помнишь, как Дикки построил тебе кормушку для птиц, чтобы ты могла проводить наблюдения для школы? У тебя короткая память, дорогая.

Это было еще до того, как у меня выросла грудь.

Я сказала:

— Он изменился.

— Нет, это ты изменилась, — сказала Полл. — Съеденный хлеб скоро забывается. Тебе следует быть благодарной за то, что имеешь, а не скулить о том, чего нет. Дикки — это как семья. Во всяком случае, для меня.

Семья. Удачное слово для спекуляций.

— Он безвреден, — сказала Мэгги, кивая. — Ты не должна воспринимать его всерьез. — Она погладила меня по колену. — Ну что, все выяснили?

Полл и я сердито посмотрели друг на друга.

— Тогда, — продолжала Мэгги, — я хочу показать вам одну вещь. — Она вытащила из своей хозяйственной сумки скатанный в трубку журнал и раскрыла его на странице, угол которой был загнут. — Возьми свою лупу, Полл. Поднеси эту лампу ближе, Кэтрин. Видите?

— Это что, пингвин? — Полл подняла голову.

— Нет, это каменная собака. Видишь, она сидит на задних лапах и служит. Вылитый Уинстон. Я подумала, что вы можете поставить ее в саду на могиле Уинстона.

Полл поднесла картинку ближе.

— Теперь я его вижу. Он просто замечательный!

— «Этот очень похожий на настоящего четвероногий друг, — прочла Мэгги из-за ее плеча, — изготовлен из прочной пластмассы, выдерживает самую неблагоприятную английскую погоду. В жару или холод, Вести всегда готов играть с вами. Цена снижена до 19.99».

— Да, конечно, нам непременно нужна такая собачка. Ты не могла бы заполнить для нас бланк, Мэгги?

Да, на такое у нас всегда есть деньги, подумала я.

Через несколько дней у меня появился телевизор. Это было здорово, потому что я могла подняться к себе, захлопнуть дверь и смотреть интересные

мне программы без беспрестанного ворчания за спиной. Наверное, это было жестоко по отношению к Полл, ведь разыгрываемым ею представлениям теперь явно не хватало зрителей. Но это давало нам возможность отдохнуть друг от друга.

Кроме того, я начала приводить в порядок свою комнату. Я отобрала половину своих вещей и собиралась отнести их в Скуп. Какая-нибудь старая толстая леди будет им рада. Для разнообразия я передвинула мебель и сняла со стен большую часть отцовских постеров. Я была сыта по горло жизнью в усыпальнице. На их место я повесила несколько собственных плакатов. Вирджинию Вульф, сцену из «Властелина Колец» и черно-белый рисунок деревьев на холме. Их дал мне Собачник полгода назад, а я вначале даже не развернула, потому что думала, что это наверняка какая-нибудь пошлятина. Они были оборваны по краям, словно он содрал их со стены, хотя и клялся, что они с распродажи в Харропе.

Кроме того, я покрасила дверь темно-красным лаком из банки, которую нашла в сарайчике в саду, и позаимствовала у Мэгги очиститель пятен для ковра. Ковер совершенно изменил цвет. Теперь, когда повсюду были расставлены свечи, дымились благовонная палочка, а черная кружевная шаль свисала со спинки стула, в комнате стало красиво. Я намеревалась повесить новый абажур и раздобыть покрывало с бархатными подушками. Может быть, я попрошу купить их мне на Рождество.

Полл сказала, что это похоже на пещеру Санта-Клауса, но когда я показала свою работу Мэгги, она пришла в восторг.

— У тебя есть вкус, — сказала она. — Миссис Даун прекрасно рисует по трафарету. Она нарисовала золотых бабочек по всему молдингу. Ты тоже можешь сделать что-нибудь в этом роде.

— Посмотри на это, — сказала я, протягивая руку.

— Что же это такое?

— Разве не понятно? Это трактор.

— Ох, а я подумала, что это старая бобина для ниток, в которую воткнули канцелярскую кнопку.

— Нет, ты не права. — Я положила коллекцию кусочков на туалетный столик и начала их складывать. — Я нашла это, когда убирала комнату; Дикки соорудил это для меня из «Книги о вещах, которые можно сделать своими руками». Я помню, как он отрезал кусок свечи, вытаскивал фитиль и рыскал по всему дому в поисках изоленды подходящего размера. Он все еще работает. Посмотри, его можно запустить с помощью спички.

Мы вместе смотрели, как трактор медленно полз по поверхности стола.

— Он и по горам может. — Я положила книгу на пути трактора, и он вскарабкался на нее. — Дикки сделал зарубки по краям, чтобы он мог цепляться. Здорово придумано, правда?

— Прекрасно, — сказала Мэгги.

— И вот что я тебе скажу. — Я подняла трактор, и деревянная часть спички стала крутиться. — Я решила быть вежливее с Дикки. Сделать над собой усилие. Он не собирается уходить, так что не стоит лезть на рожон.

— Мне кажется, это хорошая мысль, — сказала Мэгги серьезно. — Надо мириться с некоторыми

вещами, вот секрет хорошего настроения. А совсем не деньги.

Мы услышали раздавшийся снизу глухой удар, сопровождаемый пьяным пением Собачника.

— Легко на помине, — хихикнула Мэгги, толкая меня локтем в бок.

— Эй, посмотрите, что я принес! — Собачник стоял у подножия лестницы, держа мокрую хозяйственную сумку, очень довольный собой. Темная жидкость капала на ковер у его ног.

— Что у тебя с ногой? — спросила Мэгги, глядя на палку, которую он держал в руках. — Ты что, поранился? У тебя кровь на брюках, ты это знаешь?

Собачник фыркнул и большими шагами направился в гостиную. Когда мы спустились вниз, он был уже на кухне и держал сумку над раковиной. Красный водоворотик крутился вокруг сливного отверстия. Вероятно, он кого-то прикончил и принес нам сердце в качестве доказательства.

— Ежевика. — На лице его появилась улыбка. Только он произнес «жиика». — Бьюсь об заклад, здесь не меньше двух фунтов. Возле парковки ее полно. Я мог бы набрать двадцать сумок, если бы захотел. Загвоздка в том, что я ее не люблю. И я подумал, что Кэтрин может испечь отличный пирог с ежевикой. Или приготовить джем.

— Но ведь эти ягоды покрыты всякими ядами от выхлопных газов. — Я нашла миску и вывалила туда ежевику.

Собачник посмотрел на меня так, будто я только что сказала что-то игривое.

— Замоchi их в соленой воде и вылови всех насекомых и личинки. Вот и все, что тебе надо сделать. Тебе нравится мой ежевичный посох?

Он попытался вращать свою палку, но со стуком уронил ее на пол.

— Полл в саду, — сказала я, чтобы он не болтался у меня за спиной. — Пришла ее статуя Вести и мы поставили ее сегодня утром.

Мэгги проковыляла через заднюю дверь, а я осталась, чтобы вымыть руки.

— Ежевика всегда напоминает мне о Шеймасе Хини, — подумала я вслух.

— Это твой бойфренд? — спросил Собачник, бросив на меня плотоядный взгляд. — Ты теперь встречаешься не с Пэдди, да?

— Нет и нет. По-моему, тебя зовет Полл. — Я попыталась пройти мимо, но он преградил мне путь.

— Я думаю, это правильно, что ты не едешь в колледж!

— Интересно, почему?

— Там полно альфонсов и гомиков, все студенты такие! — Собачник скрестил руки на груди. — Те, которые в Оксфорде, хуже всех. Надо весь день носить мантию, я видел это по телику, там все в них щеголяют. Потом там все время убийства. По одному в неделю.

— Где, в Оксфорде?

— Ну да. Все эти снобы занимаются только тем, что приканчивают друг друга, когда не слушают оперу.

Я оттолкнула его.

— Инспектор Морс — это вымышленный персонаж. Понимаешь, придуманный! Он не настоящий, это полицейское шоу.

Собачник только улыбнулся и со значением постучал себе по переносице.

— Все равно, ты не захочешь быть студенткой, потому что они целый день бьют баклуши.

— В отличие от тебя, работяги?

Он ухмыльнулся во весь рот:

— У меня есть работа. Очень важная.

— Интересно, какая?

— А ты не знаешь? Я мальчик для услуг, — сказал он, смеясь над моим выражением лица.

Наконец я выбралась на улицу.

Под голубым небом с вкраплениями облаков было тепло, тучи мошкары вились в воздухе. Я направилась к Мэгги и Полл, болтавшим у могилки Уинстона.

— Ты же не хотела бы, чтобы он страдал, — говорила Мэгги. — Он прожил долгую счастливую жизнь. А помнишь, как он появился, Полл? Сбежал от той ненормальной, что жила за церковью...

Полл вздохнула:

— Конечно, помню! Для него это был счастливый побег. У нее в доме была такая грязь! Она держала шесть или семь собак, и они все ели из одного большого корыта. Бедному Уинстону никогда не доставалось ни куска, я в этом уверена. Мы думали, он щенок, такой он был маленький, но она сказала, что ему не меньше двух лет. Как же он накинулся на еду, когда мы его принесли, помнишь?

Уинстон появился у нас, когда у меня в школе был жуткий период. Я тогда предложила завести собаку, ни минуты не сомневаясь, что Полл мне откажет, но она почему-то не возражала.

— А из чего сделаны глаза? — спросила Мэгги, нагибаясь, чтобы поближе рассмотреть статую. — Они стеклянные? Очень похожи на настоящие.

— А помнишь, как у него когти запутались в ковре, а мы подумали, что его парализовало?

— А как он куснул того маленького мальчика, который тыкал в него палкой у киоска Портера. И ты сказала его матери: «Перестаньте скандалить, он получил полезный урок!»

— И это чистая правда. С собаками надо обращаться осторожно, пока не узнаешь их лучше.

— О-о, — произнес голос у моей шеи, — чулочки.

Я повернула голову. Это был Собачник, задравший мне юбку веткой ежевики.

— О, Господи! — Я отскочила от него в ужасе. — Ты соображаешь, мать твою, что делаешь?!

— О-о, — проговорила Мэгги, которая никогда не слышала, как я ругаюсь.

— Что еще стряслось? — устало спросила Полл.

Я отвернулась и пошла по тропинке к дому. Меня тошнило от отвращения.

— Это была гнусная проделка, — услышала я голос Мэгги сквозь смех Собачника.

Я вышла через боковые ворота и направилась к дороге, но на мгновение остановилась.

Я думала, что неплохо выгляжу в своем ярком свитере, подаренном на день рождения, и в косой черной юбке до колен, которую Мэгги купила мне у Даун:

«Видишь, талия на резинке, — показала Мэгги. — Даун говорит, что она слишком стара для этой юбки. Я подумала о тебе».

Я затрепетала от радости, когда она мне подошла. Чулки были точно такими, какие я видела на дневном шоу по телику.

«Черные непрозрачные чулки отлично строят толстые икры», — говорил ведущий, указывая на смущенную женщину с сильно мелированными волосами.

Я подумала, что это стоит принять к сведению, а сама хотела купить колготки в «Бутс», но они оказались слишком дорогими. Потом я нашла черные плотные колготки на рынке в Чорли, но тут выяснилось, что это вообще чулки на резинках.

— Они очень хорошие, — заметила продавщица, заворачивая их, — очень гигиеничные.

Я не поняла, что она имеет в виду, но она оказалась права — чулки мне подошли. Мои ноги в них выглядели подчеркнуто сексуально.

Ах, как достал меня этот Собачник, кипела я, как он задирает мне юбку! Сколько лет он маячит перед носом, пялится, щупает, трется рядом, смотрит похотливыми глазками. Это уже невозможно выносить!

А что, если пойти к мисс Мегере и все рассказать? Она обнимет меня:

«Это ужасно, я не понимаю, как ты терпела так долго. Живи у меня, пока не выучишься на библиотекаря».

Нет, пожалуй, она скажет совсем другое:

«Зачем приходите и рыдать тут, когда у тебя был шанс уехать и ты им не воспользовалась!»

Но я пойду к мисс Мегере, и пусть она говорит что хочет.

* * *

Потребовалось четыре года, чтобы закончить учебу. Отец много раз предлагал купить машину, чтобы мне не мяли бока в автобусах. Но я всегда отказывалась. В автобусе можно читать. Вскоре я привела дом в порядок, и через несколько месяцев отец начал садовничать. Это было знаком, что он шел на поправку. Мы не мешали друг другу. Это было счастливое время. А потом, когда я получила степень и вместе с нею шанс снова быть рядом с Кэтрин, я поняла, что не хочу его упустить.

Глава двадцать вторая

Я медленно шла по дороге. Надо мной простиралось небо с пышными белыми облаками. *Это только водяной пар, он не может предсказывать будущее. Ты создаешь его сама.*

Это нереально. Так не бывает в настоящей жизни. Моей жизни.

Я тосковала по отцу и его письмам, которым больше не верила. Кто была я, чтобы смеяться над Кисси за ее антропоморфизм, когда все прошедшие годы я делала то же самое? Я никогда не знала этого человека. Он был плодом моего воображения, придуманным другом.

Мне хотелось рассказать об этом мисс Мегере и снова попытаться объяснить, почему я не могу поехать в Оксфорд и что произошло между мной и Кэллумом. Я все еще искала его глазами, когда выходила из дома, бросала украдкой взгляды, не мелькнет ли где его силуэт, особенно когда попадала в те места, где мы бывали вместе, словно могла вернуть прошлое. Словно это было странно, что он не сидит на стене часовни, пуская кольца дыма и раз-

глядывая облака. Конечно, его не могло здесь быть. Но если бы он появился, что бы я стала делать?

Я не спешила. Я хотела попасть в библиотеку за пятнадцать минут до закрытия, тогда у меня будет возможность поговорить с мисс Мегерой наедине. Я надеялась, что когда она увидит, как я расстроена, то запрет входную дверь и отведет меня в свой кабинет. Я могла бы попросить, чтобы она приютила меня у себя на несколько ночей, если она не предложит это первая. Логика подсказывала мне, что это было маловероятно, но что еще я могла придумать?

Хотя занятия в школе закончились всего несколько недель назад, школьники выполняли задания на осень. Средняя школа Бэнк Топ передала в дар библиотеке несколько деревянных фигурок белочек для украшения окон, а также рисунки листьев и стихотворения об урожае, которые висели на доске объявлений. В епархии мисс Мегеры всегда полный порядок. Вначале я заметила только мисс Мышь, которая разговаривала по телефону, стоя ко мне спиной. Проскользнув мимо, я села в отделе детской литературы, схватила Жаклин Уилсон и спряталась за подушками. Это место плохо просматривалось, и мне казалось, что я в безопасности. В библиотеке было пустынно, только мистер Роулэнд прикреплял объявления. Из своего кабинета с мрачным лицом вышла мисс Мегера.

Две женщины стали о чем-то тихо разговаривать, и мне показалось, будто они о чем-то спорят. Я не понимала, в чем они вообще могут быть друг с другом не согласны. Мисс Мегера выгля-

дела расстроенной. Я была уверена, что никто из них меня не видел, и воспользовалась моментом, чтобы проскользнуть в свой потайной уголок, то есть под портьеру, висевшую за шкафом с книгами для малышей. Я и раньше здесь пряталась, когда в зал заходили люди, с которыми мне не очень хотелось встречаться, например, Клер Гринхолф. Если наклониться ниже подоконника, меня даже с улицы никто не сможет увидеть.

Я положила книгу на пол и села, осторожно прислонившись к стене. Я знала, что мне нужно подождать не больше пяти минут, пока библиотека закроется. Тогда мисс Мышь отправится на автобусную остановку, а мисс Мегера останется одна, и я смогу с ней поговорить.

Я слышала, как мистер Роуленд неудачно пошутил насчет экономии дневного света и попрощался. Скрипнули двери, затем настала тишина.

— Вы тоже можете идти, — раздался голос мисс Мыши. Он звучал весьма властно.

— Но ваш автобус, — тихо отозвалась мисс Мегера.

— Я могу поехать на следующем. Перестаньте спорить, вы не в том положении.

Последовала пауза, и я услышала царапанье ключей по поверхности стола.

— Вы сможете сами все запереть и включить сигнализацию?

— Да, я справлюсь. А теперь идите.

Опять пауза. Голос мисс Мегеры, с извиняющимися нотками:

— Хорошо, я пойду, если вы настаиваете. Должна признать, что боль просто непереносима. Наверное, это абсцесс. Говорят, зубная боль хуже, чем роды, — слабый смешок, — правда, не нам с вами судить. Хорошо, я ухожу.

— Счастливо, — сказала мисс Мышка, — надеюсь, вы с ней расправитесь.

Двери скрипнули еще раз. Черт, подумала я. Ну, надо же, такая невезуха! Спасибо тебе, судьба-индейка. И как же мне, скажите на милость, выбраться отсюда, не выглядя при этом полной дурой?

Судя по звукам, по комнате двигались. Книжки со стуком ставили на полки, стулья тихо передвигали по ковру, шелестели листки укладываемых на место газет. Потом выключили свет — клик, клик, клик. Если меня не заметят, я смогу остаться здесь на ночь. Это было бы не так уж плохо. Если я выйду сейчас, после того, как столько времени просидела в своем укрытии, с мисс Мышкой может случиться сердечный приступ. Я слышала легкий шелест задергиваемой шторы и понимала, что она подходит все ближе. Мисс Мегера вошла бы в мое положение, но мисс Мышь такая нервная. Она еще подумает, что я собиралась наброситься на нее или стащить компьютер. Она может нажать кнопку тревоги, и тогда придет полиция. Об этом напишут в газетах, а наутро их прочтет вся деревня. Собачник от смеха заработает грыжу, а Клер Гринхолф будет тыкать в меня пальцем и называть чокнутой.

У меня перехватывало дыхание, а сердце глухо стучало. Я чуть не умерла, когда чей-то голос произнес:

— Свет выключен. Теперь ты можешь выйти.

Ничего не оставалось делать, как подчиниться. Я робко отдернула штору, чувствуя, что мои волосы так наэлектризованы, что потрескивают. Она стояла в шести футах от меня, опустив руки, из-под манжет выглядывали кончики пальцев.

— Я ждала мисс Стокли.

Она кивнула:

— Пойдем в кабинет.

Я потащила за ней от безвыходности.

— Садись. Я приготовлю кофе.

Я снова вспомнила о Кэллуме, как он сидел напротив меня за столом, вертя в руках кулон. Но это было слишком больно, и я отвернулась, чтобы не смотреть на нее. Сегодня на ней была длинная черная юбка и мешковатый джемпер оливкового цвета на пуговицах. Мне всегда казалось, что она носит одежду на два размера больше, чем нужно.

— Молока не осталось, — сказала она, обращаясь к стене над раковиной. — Не возражаешь против черного кофе?

Гадость, наверное, но я промолчала. Мне необходимо было с кем-то поговорить, а заваривание кофе гарантировало, по крайней мере, четверть часа общения.

Наконец она уселась напротив меня за стол, но боком, словно в любую минуту готова была встать и убежать. Она здорово нервничала, это было заметно. Может быть, оттого, что я видела ее так близко; обычно она стояла спиной или сидела, уткнувшись в книгу. Я заметила более темные пряди в ее волосах и подумала: неужели она мелирует

волосы? Хотя это было маловероятно для женщины, которая никогда не пользовалась косметикой.

Мне хотелось сказать ей: «Это я, не бойтесь меня. Мы почти никогда не разговаривали, но ведь мы друзья, правда?»

— Ты выглядишь расстроенной, — сказала она. — Хочешь рассказать мне, что случилось?

А почему бы и нет, подумала я.

— Да, разные домашние дела. С моей бабушкой жить не так-то просто. Вы ведь ее, кажется, не знаете? Она никогда сюда не приходит. Она считает, что ходить в библиотеку — пустая трата времени.

— Мисс Стокли говорила мне о ней. — Поверхность кофе в ее чашке подрагивала. — Я полагаю, она весьма строга с тобой?

— Была. Но больше этого не будет. Мы поменялись ролями, теперь я за все отвечаю сама. Когда я была маленькой, она всегда поучала меня. Но теперь я сказала ей, что уже взрослая и могу сама принимать решения.

— Это правильно, — осторожно проговорила она.

— Ммм... Хотя на самом деле так не бывает.

— Как не бывает?

— В жизни все по-другому. Во взрослой жизни. Ты не можешь просто так делать, что захочешь. Я думала, что могу, но оказалось, нет.

Мисс Мышь сжала губы и слегка нахмурилась:

— А чего ты хочешь, Кэт?

— Хочу поехать в Оксфорд! — ответ был прост. — Хочу занять свое место и учиться. Но не могу этого

сделать, потому что Полл не в состоянии справиться без меня, ни эмоционально, ни практически. Несколько недель назад она облилась горячей водой, спустя пару дней споткнулась и упала, и ее пришлось отвезти в больницу. К тому же собака умерла... Я не могу ее оставить. Она меня вырастила. Я не могу бросить ее после всех этих лет, это ее может убить. В таких ситуациях не бывает компромисса. Если ты остаешься, значит, ты святая, если уезжаешь — предательница. Никакой золотой середины.

Мисс Мышь ничего не ответила. Она просто смотрела мне в глаза. Я увидела, как обозначились морщинки в углах ее рта.

— Так что, — продолжала я, — я сделала свой выбор, и я рада следовать ему, ну, не совсем рада, но согласна оставаться дома и присматривать за ней. А в свободное время могу заниматься заочно. Я все равно буду продолжать учебу. И одновременно выполнять свои обязанности, и все будет совсем неплохо. За исключением Дикки, ее приятеля. У него есть ключ, и он приходит, когда захочет. Как будто имеет право жить в нашем доме. Но тогда почему бы ему не ухаживать за ней? Считается, что он работает, но я никогда не видела никаких признаков этой работы. Он либо играет в тотализатор, либо торчит у нас. Он, по сути дела, настоящий бездельник.

Я сделала паузу, ожидая ее сочувствия, но она молча помешивала кофе.

— Вы его знаете? Дикки Ноулза? У него немые соломенные волосы, и он всегда носит старое бежевое пальто. Он не читает книг, поэтому не

бывает в библиотеке. Я знаю, вы живете не в Бэнк Топ, но могли видеть его на улице.

Мисс Мышь покачала головой.

— Если честно, он отвратителен. И он пристаёт ко мне. В общем, я сыта всем этим по горло!

Считается, что становится легче, когда выговоришься. Конечно, лучше бы напротив меня сидела мисс Мегера, она бы знала, какими словами поднять мне настроение. Я вспомнила фильм, в котором на приеме у психиатра женщина все время плакала, и единственное, что сделал врач, — это дал ей носовой платок, когда она перестала плакать, и сказал: «Приходите на следующей неделе в то же время». Может, это и есть верный способ решения проблем?

Я сказала:

— Возможно, если быть совсем откровенной... — Ее взгляд устремился на меня. — Виновата не только моя бабушка. Отчасти я тоже.

Мисс Мышь подняла брови.

— Дело в том, что втайне я даже рада, что не могу ехать — только ради бога, обещайте, что не расскажете об этом мисс Стокли и всем остальным. Ведь вы этого не сделаете?

— Я никому не скажу ни слова.

— Дело в том, что, когда я была маленькой, меня приглашали на всякие праздники, и я всегда там ужасно себя чувствовала. Я сидела в углу и смотрела, как остальные дети носятся вокруг и делают дурацкие трюки с воздушными шариками и чайными ложками и мечтала быть где-нибудь подальше. Однажды я взяла книжку, поднялась на второй этаж и спряталась в комнате хозяйки, пока все

остальные возились. Надо было производить какие-то манипуляции с апельсином, кажется, катить его между ног. Я знала, что не смогу этого сделать. Когда хозяйка дома обнаружила меня в своей комнате, она очень разозлилась. Она сказала что неприлично пробираться в чужие спальни без разрешения. Она отчитала меня перед другими детьми. Так что в следующий раз, когда я получила приглашение (только потому, что пригласили весь класс), я сказала, что меня не пускает бабушка, и мне поверили.

Я все говорила и говорила и никак не могла остановиться.

— И потом, когда происходило какое-нибудь событие, ну, что-то общественное, у меня вошло в привычку говорить, что мне не разрешают туда идти. В средней школе я всегда так поступала. Я делала вид, что самочувствие моей бабушки хуже, чем было на самом деле, что ее нельзя оставлять, и другие девочки даже стали мне сочувствовать. Они считали меня занудой, но перестали надо мной смеяться.

Так что на самом деле Оксфорд — только продолжение этой темы. И, думаю, я смогла бы убедить себя, что все к лучшему, если бы не Дикки и его шаловливые ручонки. — Я набрала в грудь воздух и медленно выпустила его. — Извините за то, что я вас напрягаю, но...

— Но тебе очень хочется поехать в Оксфорд, — сказала она. — И мне кажется, ты с твоими способностями вполне могла бы там учиться, во всяком случае, так сказала мне мисс Стокли. При поддержке социальных служб и друзей твоей бабушки.

Кроме того, семестры в Оксфорде такие короткие, они длятся только девять недель. Ты вернешься прежде, чем она сообразит, что ты уехала.

Когда она говорила, все казалось так просто.

— Но что я могу поделать со своими страхами? В ту ночь, когда Полл увезли в больницу, я чуть не сошла с ума, потому что осталась в доме совсем одна.

— Это еще одна причина, по которой ты должна уехать. Иначе можешь остаться совсем одна. Ты понимаешь это?

Ее бледные щеки порозовели.

Я представила себя сорокалетней. Я безвылазно торчу в своем доме, где обстановка все та же, только еще более обшарпанная. На камине урна с прахом Полл. Я целыми днями сижу у телевизора и ем и наконец перестаю пролезать в дверь.

— Ты это понимаешь? — повторила мисс Мышь, более настойчиво.

— Думаю, да.

— Если ты не поедешь, то можешь стать очень несчастной и ожесточиться. Ты ведь не будешь каждому встречному и поперечному говорить: «Я могла бы учиться в Оксфорде»?

— Ну да.

— Может быть, еще не поздно написать, что ты изменила свое решение и приедешь? Это возможно?

Я хихикнула от смущения.

— Во-первых, я им ничего не писала. Даже не собиралась.

— Это означает, что ты намеревалась туда поехать, не так ли?

— Это означает, что я всегда терпеть не могла выражать свои намерения на бумаге.

— Я тоже.

— Правда? — комната, казалось, начала качаться, и я снова подумала о Кэллуме, о его удивлении и восхищении, когда я рассказала ему, что меня принялив Оксфорд. Он снова стоял здесь, у раковины, мыл чашки и усмехался.

— Мне кажется, этот кабинет построен на пересечении каких-то магических линий. Здесь происходит все самое важное. Это место, где моя жизнь переворачивается с ног на голову.

Я засмеялась, а потом заплакала. Мисс Мышь встала и очень осторожно коснулась рукой моих волос, потом дотронулась до рукава. Она гладила мой рукав, а я в удивлении смотрела на нее.

— Я удачно подгадала, выбрав тебе это, правда? — сказала она.

Я открыла рот:

— Так это были вы? Это от вас был тот пакет с одеждой, который я нашла на пороге?

— Да.

— Боже, она просто великолепна, как и все, что там было! А вы видели меня в блузке с поясом? Вы не знаете, вы просто не знаете, что сделали...

Теперь все встало на свои места, как будто пыль стерли со старинного фарфорового изделия, и оно засияло белизной.

— Мне кажется... — начала я.

— Я сделала это девятнадцать лет назад. Девятнадцать лет назад я совершила свою первую ошибку. Мне хотелось все исправить.

Ее глаза блеснули.

— Так значит, вы...

— Хотя я никогда не смогу оправдать свой уход. Я это понимаю.

— Мне кажется, я знаю, кто вы!

Все случайные мгновения, которые кружатся вокруг нас годами, внезапно выстроились в новую картинку. Сквозь слезы я видела, как она кивнула, потом мы стояли обнявшись. Я ощущала ее худобу. И даже тогда думала: я не должна к ней прикасаться, ведь она меня бросила! Но объятие было таким крепким, что я больше не сопротивлялась, а комната кружилась, и я была сама не своя.

Мы долго стояли так, потом я отстранилась, и мы сели на диван. Она сжимала пальцами мое запястье.

— Ты можешь пойти ко мне сегодня вечером? — спросила она робко. — Нам нужно о многом поговорить.

Когда я была маленькой, то часто представляла себе это мгновение. Хотя эту женщину на этом месте я бы не представила никогда. Я часто воображала себя взрослой, успешной женщиной, сидящей за огромным дубовым столом или в зале шикарного дома с полосатыми обоями и розами в вазе на столе. Однажды она придет, начнет просить прощения, а я скажу ей все, что думаю.

«Ты разрушила мою жизнь, — крикну я, — трусливая мать!»

Она повернется к двери и, сутулясь, выйдет, а я крикну ей вслед:

«Ничем не могу быть вам полезной!»

Я хлопну дверью и подведу жирную черту под своим прошлым.

Kate Long

SWALLOWING GRANDMA

Я так часто себе представляла эту встречу! Но где же слова, которые мне так нужны? Куда они подевались?

* * *

Боже, научи меня правильным словам.

Глава двадцать третья

К собственному удивлению, первое, что я сделала, это позвонила Полл и сказала, что остаюсь ночевать у школьной подруги. Я не стала слушать ее возражений, хотя отчетливо могла разобрать ее недовольное ворчание. Я сказала ей, что позволю утром.

Мисс Мышь — мама — обошла библиотеку, проверила, все ли заперто, и включила сигнализацию. А потом у нас — меня и мамы — была эта сюрреалистичная, дурманящая прогулка к автобусной остановке. Мы обе молчали, и я чувствовала, что моя голова сейчас лопнет от множества мыслей.

У тебя нет ночной рубашки, как она могла вот так сбежать, кто подаст Полл ее глазные капли, осмелюсь ли я спросить ее, виновна ли она в смерти отца, знает ли она про Кэллума, где ее дом, живет ли с ней Винс, как могла она сбежать, как могла меня бросить?

Какие-то пьяницы перекликались через улицу.

Я сказала:

— Из-за меня вы пропустили свой автобус?

— Нет, автобусы ходят каждые полчаса.

Я подумала: что бы ни случилось, мне хочется иметь какую-нибудь память об этом вечере, что-нибудь осязаемое, что я смогу положить в шкатулку вместе с осой Кэллума, извещением из Оксфорда и ее фотокарточкой. Я спрячу автобусный билет и сохраню его навечно, еще я могу поднять с мостовой эту палочку от леденца и хранить, как сокровище. Как доказательство, что все это было.

Она заговорила о мисс Мерефе.

— Моя лучшая подруга, — сказала она.

— Я так и думала, — ответила я. Я не стала говорить о своем минутном подозрении, что они любовницы.

— Она не только ввела меня в курс дела, она поняла, что мне нужно.

Мне было не совсем ясно, что она имела в виду, но я одобрительно улыбнулась.

— А она знает? Насчет меня и вас?

— Нет. Я никому не говорила об этом. Но она была очень добра ко мне, когда в прошлом году умер мой отец.

Мой второй дедушка.

— О, — сказала я, — у мисс Стокли тоже умер отец, она мне говорила.

— Возможно, поэтому она проявила участие по-настоящему близкого человека.

Это был странный разговор, не в последнюю очередь потому, что его предмет не имел отношения к мыслям, которые проносились у меня в голове. Как будто одновременно включили радио и телевизор. Подъехал автобус, и мы вошли. Я засунула свой билет в кошелек, и мы сели впереди за

местами для инвалидов. В стороне от нас нижняя площадка была свободна.

— Я имею в виду, — продолжала она, — что Дина жила со своим отцом, как и я. Они, конечно, были гораздо ближе, они многое делали сообща, когда он был здоров. Мы с отцом жили вместе, но каждому нужно было личное пространство.

— А теперь вы одна?

— Да.

Значит, Винс Миллер не живет с ней.

Над нами гудела лампа, ее было слышно, когда автобус работал на холостом ходу. Флик-флик-флик — проносились мимо окна фонари. Мне казалось неправильным, что я вот так сижу в автобусе и веду вежливую беседу. Это должны быть громы и молнии, взаимные упреки, выбегание в ночь и рыдания до рассвета во влажной луговой траве. Или истерические слезы счастья, сопровождающиеся судорожными подергиваниями конечностей, как у жертв сериала «Сюрприз, сюрприз». Донна Френч, например, никогда не упустила бы возможность проделать подобные штуки.

— По правде говоря, я даже не скучаю по нему. — Мама скатала свой билет между пальцами в длинную палочку. — Возможно, это звучит ужасно, но мы помирились, и он ушел быстро, не мучаясь. Несколько раз он говорил, что собирается переехать в Эксмут, чтобы жить рядом со своей кухней, так что я часто представляю себе, что он просто уехал туда ненадолго.

Для меня это звучало немного странно, но ведь каждый по-своему справляется с горестями.

— А что случилось с вашей матерью?

Может быть, в этом был ключ к разгадке ее побега.

— Я потеряла ее, когда была подростком. — Мама развернула билет и теперь складывала его во много раз.

— Что вы имеете в виду? Вы расстались? — глупо сказала я.

— Она умерла от рака желудка, — сказала мама.

Я отвернулась и некоторое время смотрела на волосатые руки шофера, считая его золотые кольца. Я никогда не знаю, что сказать, когда слышу о таких вещах.

Мы помолчали. Потом она проговорила:

— Это был не лучший период в моей жизни. Некоторое время я болела.

Я затаила дыхание, ожидая, когда в рассказе всплывет малютка Кэт. Но она сменила тему:

— Я живу в районе Уиндермир. Недалеко от нового шоссе в Чорли. Я всегда езжу на автобусе, вернее, каждый раз, когда открыта библиотека, потому что остановка находится в минуте ходьбы от моей двери. У меня красивый дом. Когда я уезжала и отец жил там один, он запустил его. Пришлось долго приводить все в порядок. Ты могла бы занять свободную комнату, она довольно просторная. Я могла бы постирать твою одежду, и ты бы надела завтра все чистое. А на время, пока она сохнет, можешь воспользоваться дедушкиной пижамой.

Ну да, подумала я, ведь мамина одежда мне не подойдет. Почему я не такая тоненькая? Но тут же внутренний голос сказал мне: как ты можешь думать о своем весе в такую минуту? Ведь ты наконец-то встретила свою мать!

— Ты точно можешь остаться?

— Конечно, — сказала я, стараясь говорить уверенно, будто сама распоряжаюсь своей жизнью, — все нормально.

Дом оказался довольно большим, постройка тридцатых годов, с крытым входом, похожим на огромную каменную замочную скважину. Загорелся огонек сигнализации, когда мы проходили через металлические ворота, за которыми показалась мощеная дорожка, окаймленная каменными цветочными горшками.

— Если бы ты видела, что здесь было при отце — все бурьяном заросло.

В длинном холле на полу лежал ковер, вдоль стен шла белая балюстрада. Я почувствовала запах освежителя воздуха. Все выглядело очень чистым. Я прошла за ней на кухню и стала смотреть, как она наливает воду в чайник.

— Пока закипает чайник, я поднимусь наверх и застелю тебе постель, — сказала мама, снимая пальто и вешая его в шкаф под лестницей. — А ты посиди пока в гостиной.

Она указала рукой направление. Просунув голову в дверь, я увидела обычную комнату, немного старомодную, со множеством книг, лежавших всюду. Потом я вернулась на кухню, чтобы заварить чай. Чайник закипел. Я оглядела кухню. Все поверхности были безупречно чистыми. Кроме чайника, радиоприемника и тостера, я ничего не увидела. Ни стеллажа с кружками, ни кухонной утвари, ни чистящих жидкостей. Никаких растений на подокон-

нике, никаких магнитов на холодильнике. Не было признаков домашних животных. На стене висели лишь календарь и репродукция Констебля.

В поисках чая я открыла кухонный шкаф, но нашла только множество фаянсовой посуды и кастрюль. Наконец, в шкафу над холодильником я обнаружила несколько банок и свертков, половину маленькой булки в пакете и банку с сублимированным чаем. В холодильнике лежали диетический йогурт, обезжиренное молоко и гроздь бананов, больше ничего. Не было даже масла.

— Ну, все готово, — сказала она, входя в гостиную, где я накрывала на стол. — Сейчас я что-нибудь разогрею нам поесть.

Интересно, что, подумала я, бульонные кубики с хлебом?

— А вы хоть интересовались мной все эти годы, — внезапно вырвалось у меня, — все это время вы знали, что со мной?

Она собиралась сесть, но после этих слов вскочила и стояла очень прямо, обвинив себя руками.

— Да.

— А почему вы мне не сказали хоть что-нибудь?

— Я попыталась, несколько лет назад. Я позвонила тебе по телефону, но ты сказала, чтобы я убиралась из твоей жизни. Именно так ты сказала: «Убирайтесь из моей жизни»!

Мое сердце глухо застучало, потому что я такого никогда не делала.

— Этого не может быть! Я ничего не знала о том, что вы звонили. Когда это было? Что еще я сказала?

Она невесело покачала головой.

— Я говорила с твоей бабушкой. Я хотела с тобой встретиться. Это было лет шесть назад, через год после того, как я получила место в библиотеке Бэнк Топ. Я звонила ей несколько раз, и она все время отвечала, что ты не желаешь иметь со мной ничего общего. Однажды я сказала, что не верю ей, и тогда она подозвала тебя, а ты крикнула, чтобы я оставила вас в покое. Это была ты. Я собиралась рассказать тебе, кто я такая, когда ты приходила за книгами, но после этого не отважилась.

— Но я этого не помню. Полл никогда не говорила мне, что вы звонили.

— Вполне возможно.

— А вы говорили Полл, что работаете в библиотеке?

— Нет. Я только сказала, что хочу тебя видеть. Я не осмелилась сказать ей, где меня можно найти. Думаю, она попыталась бы убить меня, если бы узнала. Эта женщина сумасшедшая. Она напала на собственного мужа, избила его.

Когда она так заговорила о Полл, у меня возникло странное чувство.

— Она думает, что вы сбежали вместе с ним.

— Он помог мне уехать, вот и все. А потом наши пути разошлись. Я не знаю, где он теперь. Боже мой! Он же был такой старый! Это было все равно что тайно сбежать с собственным отцом. — Она на мгновение закрыла рукой глаза и невесело рассмеялась: — Какая же злая эта женщина!

Значит, Кисси и здесь ошиблась, подумала я. Но она узнала это со слов Полл, так что неудиви-

тельно. Может, Полл действительно больная на голову.

— Вы специально нашли работу поближе ко мне?

Мама кивнула.

Она по-прежнему смотрела в потолок и глубоко дышала, словно старалась остановиться и не сказать слишком много.

— Но разве не было огромным риском приезжать сюда? А если бы вас кто-нибудь узнал?

— Да, действительно было рискованно, но я была к этому готова. Со времени моего отъезда прошло десять лет, и я сильно изменилась. Я очень похудела, покрасила волосы и сделала короткую стрижку. Я изменила имя, кстати, совершенно легально. Теперь я Энн Оллертон, ты никогда не должна называть меня Элизабет. То была другая жизнь. Кроме того, когда я жила в Бэнк Топ, меня почти никто не видел, за исключением Полл и Винса, потому что я все время болела и почти не выходила из дома. Но Винс исчез...

— А Полл почти сразу же начала слепнуть. Вы знали это, когда вернулись?

— Однажды я видела, как она шла, опираясь на свою белую трость.

Да, вам это как раз было на руку.

— Была одна женщина, Мэгги, Мэри... не помню точно, возможно она меня видела, потому что как-то пришла, когда я была у Полл.

— Вам повезло, — сказала я, — Мэгги читает книги, но предпочитает благочестивые книги из церковной библиотеки или романы с рынка, где героиня начинает свой путь в дешевой шали, а

заканчивает в брюссельских кружевах. Так что она не утруждает себя хождением в библиотеку.

К тому же, подумала я, если вы не ожидаете встретить кого-нибудь, зная, что этот человек в отъезде, вы можете его и не заметить.

Взгляд мамы все еще был устремлен в потолок.

— Я никогда не анализировала свои поступки, мне просто необходимо было быть рядом с тобой. Ты не понимаешь, как мне этого хотелось.

— Но не тогда, когда я была грудным ребенком.

— Я ведь говорила тебе, что была больна. У меня была депрессия.

Наступила тишина. Мне хотелось спросить ее об отце и о Кэллуме, но я боялась.

— Знаешь, что я думаю? — внезапно проговорила она. — Я думаю, что нам надо выпить.

А мне надо было сделать кое-что еще.

— Можно воспользоваться вашим туалетом?

— Вверх по лестнице и направо. Шерри, бренди или martini?

Мне все эти напитки казались отвратительными.

— Мартини — это классно!

На лестничной площадке я остановилась. Ванная комната была налево, предполагаемая моя комната — прямо передо мной. Шторы были опущены, свет включен, пижама лежала на кровати. Справа было еще две двери. Я вошла в ее комнату.

Наверное, мне хотелось, чтобы это была келья. В комнате преобладали цвета сосны и пастели. Она была ничем не примечательна, за исключением

того, что вдоль стены, под окном, лежали стопки книг. Туалетный столик был пуст, на нем не было косметики и даже на прикроватной тумбе я увидела лишь пару очков для чтения и пузырек с таблетками. Но над комодом висели две газетные вырезки, на которых я обнаружила свое изображение. На одной я получала приз за победу в викторине в третьем классе, а вторая была сделана на фестивале урожая. Я держала тарелку с луковицами и улыбалась. Обе вырезки были ламинированы и приколоты к стене. Затем я увидела цветное фото. Я вспомнила: его сделала мисс Мегера после того, как я сообщила ей, что получила приглашение в Оксфорд.

Минуту я стояла и улыбалась, вспоминая. Потом в памяти возникла другая картина: я кричу в телефонную трубку, которую держит у моего уха Полл, но так, что я могу только говорить, не слыша собеседника. «Это опять тот ужасный извращенец, — говорит она, трясаясь от бешенства, — не слушай эту мерзость. Просто скажи ему, скажи, чтобы он убирался из нашей жизни!»

Я выключила свет и закрыла за собой дверь.

Когда я спустилась вниз, то увидела на кофейном столике два бокала мартини.

— Я не жалуя алкоголь. Не помню, когда в последний раз пила вино. Но сегодня вечером нам следует выпить. Хочешь, я приготовлю нам поесть?

Это был странный вопрос, потому что единственное, что у нее было из еды — два пшеничных батончика, слегка смоченных молоком, чтобы они сохраняли свою форму, и мартини, если его можно

назвать едой. Мне хотелось помочь ей, но она настояла на том, чтобы я осталась в гостиной у телевизора. В конце концов она принесла тарелку с пастой и брокколи с сыром, приготовленных из полуфабрикатов, в которые надо только добавить воды, и мы поужинали, сидя на диване перед телевизором.

— Я не ожидала, что сегодня буду ужинать не одна, — сказала она, наблюдая, как я ковыряю вилкой маленький запечатанный пакетик с соусом.

— Нет, нет, все очень вкусно! — сказала я, и это было правдой.

От голода я готова была съесть кухонную мочалку. На экране перед нами Стинг пел о невыносимом одиночестве, хотя вид у него был цветущий.

После того как мы поужинали, она провела меня обратно на кухню, и мы стали мыть посуду. Сказалось действие мартини, и я почувствовала, что становлюсь храбрее.

Я спросила:

— Ты очень переживала, когда умер мой папа?

— Да, очень. Я даже заболела.

Я сделала вид, что ничего не знаю.

— Он погиб в автомобильной катастрофе?

— Я не была в этом виновата, — быстро проговорила она. — Так сказал следователь. Было проведено надлежащее расследование, и судья вынес вердикт, что смерть наступила в результате несчастного случая. У меня есть вырезки из газет, где об этом написано.

Я продолжала чистить раковину, смывая кусочки еды в сливное отверстие.

— Я сейчас покажу тебе.

— В этом нет необходимости.

Она положила на стол чайное полотенце и взяла меня за руку.

— Ну да, конечно. Могу себе представить, что тебе наговорили. — Она крепче сжала мою руку. — Я знаю, ты должна меня ненавидеть, я это точно знаю.

— Я не могу определить, что чувствую, — сказала я после некоторой борьбы. Если мы не будем честны друг с другом, ничего хорошего не выйдет. — Тот разговор по телефону — там все было подстроено. Я не собиралась говорить тебе, чтобы ты убиралась. Просто я думала, что это кто-то другой.

Слезы показались у нее на глазах.

— Я всегда была неподалеку. Мне хотелось помогать тебе. Тебе понравилась одежда, правда? Я подбирала эти наряды неделями, месяцами. Я хотела, чтобы у тебя было все самое лучшее.

— Они очень красивые.

В ее комнате я изобразила удивление при виде своих фото.

— Видишь? Я смогла их повесить только после смерти отца, но все эти годы я была рядом с тобой.

Я сидела на кровати и смотрела, как она вынимает из комода небольшой плоский чемоданчик, а оттуда — отчет следователя. Мне было неловко читать его при ней, я бы предпочла остаться одна, но она явно хотела видеть мою реакцию.

— Теперь тебе понятно? — сказала она, когда я закончила читать.

Это была правда. Из бумаги следовало, что она невиновна. Это мой отец был виноват в том, что ехал, как ненормальный. Я думала, какая же Полл лгунья. Я и ненавидела ее, и понимала.

— Он был таким самонадеянным, — начала мама, — он все делал так, как хотел, жил по своим собственным правилам. Он никогда не думал о других...

— Не смей! — закричала я. — Никогда не говори так о нем! Я не хочу это слышать. Если ты станешь говорить о нем плохо, я немедленно уйду из этого дома и никогда не вернусь, обещаю! Я пришла сюда не для того, чтобы слушать, как моего отца поливают грязью.

Я засунула отчет обратно в конверт и бросила его в открытый чемоданчик. Она вышла из комнаты, и через минуту я слышала звук льющейся воды и рыдания. Я не собираюсь чувствовать себя виноватой, подумала я, я ей ничего не должна. Несколько мгновений я колебалась, может, стоит уйти прямо сейчас. Но потом мне на глаза попался фотоальбом. В углу ящика, полускрытая шарфом, темно-бордовая обложка с золотыми буквами: «Мои воспоминания».

Я открыла альбом, и передо мной предстали они — ее воспоминания. Все те фото, которые должны были храниться и у Полл: Роджер и Элизабет, Элизабет и Роджер. Вот они в садике за домом Полл; вот сидят на каменной стене в какой-то местности, заросшей вереском; вот стоят у окна в моей старой спальне; вот держатся за руки на веранде этого дома. У мамы длинные темные волосы с пробором посередине, отец со своей обычной

чертовой улыбкой. Вместе они выглядят странно, словно хотят, чтобы их отрезали друг от друга ножницами.

Я долго смотрела на отца, сидящего в своем «Metro» и улыбающегося через ветровое стекло. В ванной все лилась вода. Казалось, вместе с ней вытекает из меня моя прежняя жизнь.

Я перевернула пару последних страниц и увидела себя. Расплывчатое фото пухлого младенца. Первые фото, где нас трое, потом я и мама, потом я и отец. И, наконец, я одна, с соской во рту и взглядом, устремленным куда-то в сторону. Это была действительно я. У Полл в коробке под кроватью все еще хранилась та самая соска. Странное дело, но на всех этих снимках мы выглядели по-настоящему счастливыми.

Я оставила открытый альбом на одеяле и пошла к маме.

Наклонившись над раковиной, я смотрела, как вода убегала от меня в темное отверстие слива. Я думала: неужели я опять ее потеряла?

Глава двадцать четвертая

Было еще темно, когда я услышала, как она встала, вышла на лестницу и стала аккуратно развешивать на перилах мою чистую одежду. На ней была только рубашка, и я не могла оторвать взгляд от ее тонких рук, которые были сплошь покрыты маленькими серебристыми шрамами, как поперечными черточками. Она поймала мой взгляд и подскочила.

— Я не знала, что ты проснулась. — Она прижала к себе мой свитер.

— А ванная свободна? — пробормотала я, испытывая не меньшее, чем она, желание убежать.

Она кивнула, и мы разлетелись в противоположных направлениях.

Я быстро оделась и умылась, потому что знала, что ей нужно быть вовремя на работе. Что касается меня, то домой к Полл я не торопилась. Я начала репетировать историю, которую расскажу ей про то, где провела ночь. Скажу-ка я ей, что была на оргии в Харропе или баловалась героином на задворках пивной. Все равно это ничто по сравнению с правдой.

— Я собираюсь сказать Полл, что была у моей подруги Ребекки, — сообщила я маме, пережевывая кусок поджаренного тоста.

Она сидела напротив, посасывая кубик замороженного апельсинового сока, с которого время от времени на ее свитер стекали капли. Я представляла себе ее руки под этими ворсистыми рукавами и старалась на них не глазеть.

— Я не люблю врать, но Полл ни в коем случае не должна о тебе знать. Она тронется от злости, она сейчас очень неуравновешенная.

— Хорошо. — Ее голос звучал спокойно, но я уловила в нем разочарование.

А что я еще могу сделать? — хотелось мне спросить. Провозгласить о нашем воссоединении с вершины холма? Одним ударом разрушить мое прошлое? Я могла бы вернуться к Полл, размахивая полученной информацией, как разящим мечом над ее съезжившейся фигуркой, и расколоть ее версию моей жизни на мелкие кусочки. Но что мне это даст?

Здесь, в этой кухне, находилась женщина, которая была рядом и годами наблюдала за моей борьбой и которая даже не сказала своему отцу, что я существую на свете. В моей власти было выложить ей, что я о ней думаю. Сообщить, что я никогда не хотела видеть ее, что объятие в ванной комнате прошлым вечером — всего лишь результат заблуждения и выпитого martinis. Или мне стоит спросить ее о запретной теме, об истории Кэллума и его матери? Знает ли она об этом хоть что-нибудь?

Но я этого не сделала. Если я задену или раню кого-то из них, то задену и раню себя. Мне надо

хранить секреты, пока я не решу, как с ними поступить.

— Нам стоит поторопиться, чтобы успеть на автобус в восемь двадцать, — внезапно сказала она.

Я увидела, как она кладет в свою сумку бананы и хрустящие хлебцы, и почувствовала внезапную грусть. Почему она непременно должна была оказаться такой чертовски слабой? Почему не сумела стать сильной женщиной?

Когда я вошла, Полл устраивала представление под названием «глажка». При этом она делала больше складок на вещах, чем разглаживала.

— О, посмотрите, кто к нам пришел! — проговорила она. — Ты скоро прославишься.

Мне тут же захотелось быть как можно дальше от дома, и я проговорила:

— Как я рада видеть тебя, Кэт! Хорошо провела время у подружки?

Полл всю перекосило.

— Не приходишь домой по ночам. Хорошо, мне нет до этого дела. Я прекрасно справлялась сама.

Я смотрела, как она гладит рукав любимой блузки.

— И это здорово, — сказала я, — потому что сегодня вечером я с ней тоже встречаюсь.

— Как, опять?! Боже всемилостивый! — Полл поставила утюг на подставку. — Весь вечер проводишь с девушкой? Это ненормально. Дикки говорит, что ты, возможно, лесбиянка. Он говорит, что у него есть подозрения на этот счет. Не знаю, что

и думать. Что-то в тебе не то, это я точно чувствую.

— На самом деле я асексуальна.

— И что же это значит, мисс Умница?

— Посмотри в словаре. Да, кстати, ты видела грязное пятно на своей блузке? — Я указала на рыжее пятнышко на рукаве, и она подошла к окну, чтобы лучше его рассмотреть.

— Проклятие. Это коричневый соус?

— Это была божья коровка. Дай сюда, я капну пятновыводителем.

Полл бросила мне блузку через гладильную доску и опустилась на диван с несчастным видом.

— Я беспокоилась, — пробормотала она. — Ненавижу быть одна.

— Разве Мэгги не приходила? Или Дикки?

Она не ответила, из чего я сделала вывод, что они приходили. Я застирала блузку и приготовила себе и ей горячий шоколад.

Потом отрезала нам обеим по толстому куску имбирной коврижки.

После пяти минут сосредоточенного жевания ее лицо стало выглядеть немного менее несчастным.

— Дикки оставил для тебя подарок. Увы, он имеет такое обыкновение, хотя от тебя ему не много радости. Это довольно странно: пропадать всю ночь неизвестно где, но обижаться на безобидную шутку. Ведь он принес извинения. Подарок в сумке, на твоей кровати.

Я отложила коврижку и отправилась наверх. По-новому обставленная комната приятно поразила меня, когда я вошла. Куда бы я ни уехала в буду-

щем, этот дом навсегда останется мне родным. Я подумала: вдруг Собачнику удалось найти мне покрывало или какой-нибудь бархат для диванных подушек?

Но нет, оказалось, что это фартук. Длинный, во весь рост, с мультяшной картинкой лохматой собаки на уровне живота. Я подумала, может, он принес его мне, потому что картинка напомнила ему Уинстона. Я проверила ленты — они все были целые, никаких пятен или пометок. Мне попадались фартуки, которые выглядели, как нижнее белье, слава богу, он не принес мне ничего такого.

Ради смеха я нацепила его и встала напротив зеркала. Что-то было написано ниже собаки витиеватыми буквами. Сначала я этого не заметила. Я попыталась прочесть их по отражению в зеркале: З-А-К-У-С-К-А. Собачник хотел, чтобы у меня под животом было написано: закуска.

— А теперь что ты собираешься делать? — Полл нашла меня в конце сада две минуты спустя, с фартуком и коробком спичек.

— Смотри, — сказала я и чиркнула спичкой. Я поднесла ее к оскорбительному слову. Показалось слабое пламя, потом ткань вспыхнула. Я громко расхохоталась. — И это называется несгораемый? Как его можно носить на кухне? Это просто опасно для здоровья!

— Это тот фартук, что принес Дикки?

— Именно.

— Ты больная, — сказала Полл, — тебя надо отправить в сумасшедший дом.

— Приходи и живи здесь, — сказала мама в тот вечер. — Если захочешь, я куплю тебе новую мебель и ты обставишь комнату по своему вкусу. Денег у меня хватает. Если хочешь, я куплю тебе компьютер. Переезжай сюда.

— Я не могу.

У нее потемнело лицо.

— Но ты же ненавидишь дом своей бабушки.

— Да, но это мой дом. И я... я не понимаю, что я чувствую.

— Что не понимаешь?

Не понимаю, что чувствую к тебе, чуть не сказала я.

— Ничего не понимаю.

— Да, внезапно оказывается, что нужно так много понять.

Ты не знаешь и половины, подумала я.

Сначала я сообщила об этом Мэгги.

— Мне нужно ехать, — сказала я.

Мы лущили горох в кухне, а Полл отправилась наверх вздремнуть.

Казалось, Мэгги сразу поняла, что я имела в виду.

— Да, дорогая, я думаю, тебе нужно ехать. Но примут ли они тебя?

— Да. Я прибуду в Оксфорд в следующее воскресенье на Неделю новичков.

— Это когда они показывают все студентам с севера?

— Нет, это неделя размещения приехавших отовсюду новых студентов, когда они устраивают-

ся, приводят в порядок помещение, знакомятся с кураторами.

— Понятно, — Мэгги толкнула меня локтем, — кураторы. Ты будешь знаменитой. Ты и знать не захочешь нас, простолюдинов.

— Не говори глупости.

Горошины падали в чашку, стоявшую между нами, а в окно кухни светили лучи неяркого осеннего солнца.

— Похоже, ты еще не сказала об этом своей бабушке.

— Пока нет.

Мэгги кивнула.

— Но ты ведь скажешь? Ты не уедешь просто так? Потому что ее это очень расстроит. Хотя у меня есть книга, которая, надеюсь, ей поможет.

— Я скажу ей сегодня, когда она проснется.

Мэгги помрачнела.

— На твоём месте я бы приготовила на всякий случай бутылочку «Бейлиз».

К тому времени, как Полл спустилась вниз, горох был почищен, и мы с Мэгги смотрели «Место под солнцем». Боб и Кэрол из Лидса разглядывали домик в итальянской деревне.

— Все это очень хорошо, — проговорила Мэгги, — в этих заграничных местах. Там теплый климат и все такое, но ведь там никто не говорит по-английски. И все они жутко суетятся.

Когда Полл села за стол, чтобы выпить чаю, а Мэгги встала рядом, держа в руке лавандовую воду, я сказала Полл, что на этот раз точно уезжаю.

— Можешь убираться, — фыркнула она, — мы это уже однажды слышали. — Отодвинь голову, я не вижу экран.

Я не пошевелилась.

— Нет, на этот раз я решила твердо.

Она почесала бок и зевнула.

— Ты не способна принимать решения. Ничего ты не сделаешь. У тебя семь пятниц на неделе. Я поверю, когда удостоверюсь собственными глазами.

В этот момент вступила Мэгги:

— Она действительно уезжает, Полл. Она уже купила билет, я видела.

Я изумленно взглянула на нее. Ведь это ложь! Но потом я поняла, что она сказала так, чтобы до Полл дошло: я не шучу.

— Но ты ведь написала им, что не приедешь, разве не так? Твое место уже отдали кому-то другому.

— Нет, я ничего не писала.

Теперь Полл по-настоящему разволновалась.

— У тебя никогда ничего не получится! Ты из породы неудачниц. Неважно, куда ты поедешь, ты не сможешь там приспособиться. Я уверена, что ты вернешься через пару недель, не так ли, Мэгги?

Мэгги молчала.

— А что будет со мной? Я почти слепая, ты же знаешь. Как я буду справляться, когда окончательно ослепну?

— Этого не произойдет. За последние два года твое зрение не ухудшилось. В больнице мне сказали, что дегенерация роговицы не приведет

к полной слепоте. Я там была, ты ведь помнишь.

Полл поднялась на ноги, дрожа от гнева.

— Того, кто упрекает свою бабушку во лжи, ждет адский огонь, — торжественно проговорила она, тыча мне пальцем в грудь для большего эффекта.

Я неосмотрительно расхохоталась и, прежде чем успела отстраниться, она с силой залепила мне пощечину. Я была в шоке, я не могла поверить, что она это сделала. Подняв руку, я инстинктивно постаралась стереть ощущение прикосновения ее холодных костлявых пальцев и ослабить боль.

— Господи!

— Знаешь, Полл, — проговорила Мэгги, пытаясь оттащить ее от меня, — я понимаю, это трудно, но есть стадии, которые тебе необходимо пройти. Колебание, сочувствие, просьбы, согласие. Вот как справляются с большой потерей. Это есть в книге, которую я принесла. Сейчас ты находишься на стадии колебаний, что вполне естественно, поскольку для тебя все случившееся является шоком, но потом ты выйдешь из этого состояния и придешь к согласию. По крайней мере, так мне кажется. Не надо сводить счеты с Кэтрин, она делает то, что свойственно всей молодежи. Я выплакала ведра слез, когда уехала Дон. Это природа, птенцы всегда покидают гнездо.

— Я договорюсь о том, чтобы тебе помогали, — сказала я. — Я знаю, что делаю это слишком поздно, — но на первых порах за тобой присмотрит Мэгги. В понедельник придет служащая из соци-

альной помощи. Ты ее знаешь, она прекрасная женщина.

— Это та хромоножка с длинными светлыми волосами? — спросила Мэгги, выпуская рукав Полл. — О, она очень милая, правда? Она знает, что такое быть инвалидом.

Но Полл все еще была в бешенстве.

— Ой, сердце! — внезапно закричала она, падая на диван. — Ты меня убила!

Я продолжала стоять на месте, а Мэгги заботливо нагнулась, чтобы помочь ей.

Она погладила лоб Полл и взяла ее руку, потом выпрямилась и полуобернулась ко мне.

— Ей очень трудно. Ведь она любит тебя.

— Нет, не любит, — сказала я. — Она просто хочет, чтобы я осталась здесь в качестве бесплатной сиделки. Она боится остаться одна.

— Это ты всегда всего боялась, — простонала Полл. — А я только старалась защитить тебя.

— Как ты считаешь, стоит мне позвонить доктору? — спросила Мэгги. — Я чувствую, что ее сердце бьется, как сумасшедшее, и она белая, как мел. Как считаешь?

Я направилась к двери.

— Извини, Мэгги, но я не собираюсь смотреть этот спектакль. Делай, что хочешь, вызывай весь штат больницы, если считаешь нужным. «Бейлиз» в буфете. Я пошла.

— Правильно, уматывай! — крикнула Полл, с трудом поднимая голову.

— Именно это я и собираюсь сделать, — сказала я.

— Кого мне жаль, так это Мэгги, — сказала я Кисси, когда мы сидели у венецианского окна, глядя, как садовник сгребает листья с лужайки, — слишком многое ложится на ее плечи. Она начнет проклинать меня еще до Рождества.

— Нет, не начнет, — ответила Кисси. — Ей нравится суетиться вокруг Полл. С ней она чувствует себя полезной. Есть такие люди, которым нужно знать, что они нужны. Мэгги — одна из них. Не успела ее дочь уехать из дома, она тут же начала искать, о ком заботиться. Она будет рада заполнить собой брешь, пока социальные службы не запустили свой механизм. Хотя на самом деле Полл не особенно нуждается в постоянной помощи, не так ли? Есть сотни тех, кому гораздо труднее, чем ей.

— Сейчас она больше нуждается в моральной поддержке, — вздохнула я. — Как ты считаешь, люди не станут критиковать меня за то, что я уехала и оставила ее одну?

— Скорее, они будут хлопать тебя по плечу и подбадривать. Дорогая, тебе пора начать жить собственной жизнью. Наслаждайся жизнью, пока молода. Это скоро пройдет. — Она печально взглянула на свое тело. — А не то закончишь так же, как я. Только посмотри на эти ноги!

Элли тяжело шагала вдоль лужайки и что-то крикнула садовнику, который рассмеялся и выключил свой пылесос. Они весело болтали около минуты, и я увидела, как он несколько раз устремлял свой взгляд на ее блузку. Отойдя, она вильнула задом, а он сложил губы, словно свистел. Откуда взялось у нее это кокетство?

— Могу я у тебя кое-что спросить?

Кисси перестала изучать свои ноги и повернулась ко мне.

— Что, дорогая?

— Скажи мне честно, каким был мой отец?

Она неловко поерзала и уставилась в пространство.

— Нет, расскажи! Я знаю, ты не любила его; я знаю про его роман. Но что он был за человек?

— Дело в том, — сказала Кисси, — что люди кажутся или совсем хорошими или совсем плохими. Нет середины. Хотя на самом деле в каждом перемешано хорошее и отвратительное. Таковы все люди. Некоторые, правда, более отвратительны, чем остальные.

— Как мой отец?

— Нет, дорогая, конечно, нет. Говоря откровенно, я никогда его особенно не любила, но он был неплохим парнем. То есть он был немного испорченным, но не совсем. Такой, как его мать. Но он не был жестоким. Его нельзя винить за то, что он любил жизнь. Я уверена, что он не хотел задевать чьи-то чувства, когда закрутил с той, другой женщиной, он просто не подумал.

Я представила себе маму и Джуд рядом, счастливо улыбающихся друг другу.

— Так кого же он любил в конце концов?

— Если честно, только себя, — сказала Кисси. — Полл всегда давала ему понять, что у него из задницы светит солнце. Что же еще ему было думать?

Потом, возможно, я скажу ей о том, что нашла маму.

Над моей головой простирались две белые полосы, как рельсы на синем фоне, уводящие меня в бесконечность.

— Идите к черту! — крикнула я в высоту. — Нет никаких небесных посланий. И никогда не было.

Когда я была маленькой, отец часто говорил: «Будем медленно-медленно ловить обезьянку». Тогда я не понимала, что это значит. Но теперь я знаю: это означает действовать не торопясь. Я добыюсь того, что она будет со мной, даже если на это уйдут годы. Что еще мне остается в жизни?

Глава двадцать пятая

Открытка была отправлена на адрес библиотеки, но передала ее мне мисс Мегера, а не мама.

Кэт

Прости прости прости. Мне НАДО поговорить с тобой. Полдень пятница?

На открытке была Шарлота Бронте. Подпись отсутствовала, но я знала, от кого эта открытка и где он будет меня ждать.

Когда я засунула открытку в карман, мисс Мегера, подняв брови, посмотрела на меня.

— Я не собираюсь вмешиваться, Кэт, но, если ты больше не хочешь его видеть, можешь написать записку, я передам.

Я оглядела помещение библиотеки, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. Мама нигде не было видно.

— Вам он не понравился, правда?

— Если честно, нет. Слишком много обаяния. Мне он казался приятным минут десять. Вы поссорились?

— Можно сказать, что так. — Я представила его лицо. Оно приблизилось ко мне в полусвете, и я почувствовала словно толчок в грудь. Мисс Мегера с тревогой посмотрела на меня.

— Послушай, ты кому-нибудь сказала, кто он такой, по его словам? Хоть кому-нибудь?

— Никому.

Я чуть не расцеловала ее за старомодную порядочность, строгую клетчатую блузку, допотопные башмаки.

— Спасибо. Я буду скучать по вас, когда уеду.

— Конечно, это не так, ты будешь слишком занята всякими интересными делами. Но все равно спасибо.

— И не надо беспокоиться о Кэллуме. Я с ним встречу. Надо кое-что довершить.

Она бросила на меня долгий взгляд.

— Если ты так решила... Но я его в порошок сотру, если он причинит тебе зло. Скажи ему об этом.

Он сидел на скамейке у библиотеки. Боится войти, подумала я. Волосы немного отросли, очки вернулись на прежнее место. На плечи была наброшена военная шинель.

— Куда пойдем? — спросил он, встав при моем приближении. — Мне не хочется здесь оставаться. Слишком много народа.

Для чего?

— Давай пойдем на кладбище, — сказала я. Губы пересохли от волнения и гнева. — А это для тебя. — Я протянула ему маленький бумажный пакет.

— Это не кулон? Пожалуйста, не возвращай его.

— Нет. Это фото. У тебя, возможно, есть оригинал. Зачем мне изображение любовницы моего отца?

Он побледнел, когда снова увидел беременную женщину, опирающуюся на красную машину марки «Metro», но не сказал ни слова. Я подумала, не лучше ли было бросить обрывки фотографии ему в лицо, но было слишком поздно. Он положил пакет в карман, и мы пошли по дороге вдоль деревни.

Мне не хотелось говорить, пока мы не придем на место, но и сдержаться тоже не было сил.

— Мне кажется, я не смогу больше верить тебе, — проговорила я, не глядя на него. — Не понимаю, зачем тебе понадобилось обманывать меня. Мне казалось, мы друзья, я тебе нравлюсь. Почему ты не сказал мне правду с самого начала? Да, кстати, зачем тебе вообще понадобилось приезжать сюда?

Он опустил голову.

— Парню всегда надо знать, кто был его отец. Я давно хотел иметь сведения о нем. Мама никогда бы мне ничего не рассказала.

Неудивительно, черт побери, чуть не вырвалось у меня.

— В общем, мне это все надоело, и я решил сам во всем разобраться. Я разместил запрос на веб-сайте, на котором оставляют сообщения люди, которые потеряли друг друга, в основном, приемные дети. Не на том, который называется «Друзья встречаются вновь». Этот называется «Поиск». Через день после размещения запроса я получил

три письма, в которых говорилось, что имеется только одна Полианна Миллер, зарегистрированная в Англии. В двух из них был указан твой адрес и телефон.

— Но почему совершенно незнакомые люди послали тебе информацию такого рода? Я тебе не верю.

Он пожал плечами.

— Попробуй сделать так сама. Может, это какие-то Интернет-энтузиасты, которые только этим и занимаются. Одна женщина написала, что она частный детектив, и за небольшое вознаграждение может собрать о тебе информацию или организовать нашу встречу. Я не ответил никому из них. Интересно, что бы ты стала делать, имея телефонный номер, который так и хочется набрать? Знаешь, перед тем как встретиться с тобой, я приходил посмотреть на ваш дом.

— Ты ненормальный.

— Я не хотел торопиться. Надо было во всем разобраться.

Мы поравнялись с методистской церковью, когда услышали голос:

— О, давно не виделись! — Это была старая Дженни Маршалл, которая несла охапки цветов в церковь. — Вы все еще проводите ваше... как бы это сказать... исследование? — Она мерзко подмигнула.

— Нет, мы уже закончили, — сказал Кэллум, — спасибо за вопрос. Всего хорошего.

Лицо Дженни окаменело.

— Будем надеяться, что у старой коровы случится удар, — сказал он громко, ускоряя шаг, — почему

в этом Богом забытом месте нельзя сделать и двух шагов, чтобы кто-нибудь не сунул нос в твои дела?

Я была ошеломлена.

— Какого дьявола тебе надо было все это делать? Господи, Кэллум! Я ведь живу здесь, и ты это знаешь.

— Я думал, ты едешь в Оксфорд. Или тебя не взяли?

— Взяли, черт возьми! Я уезжаю в воскресенье. Полл говорит, что все хорошо и она сама справится.

— Ну что ж, прощай, Бэнк Топ!

— И все-таки это мой дом. Семестр длится всего восемь недель. Я вернусь очень скоро.

— Через восемь недель эта старая луковица все забудет, — сказал Кэллум, засовывая руки в карманы. — К тому времени все в этой церкви будут в радостной суете мастерить колпаки из туалетной бумаги для рождественской ярмарки. Перестань ты так волноваться! Есть многое в жизни поважнее этого вашего идиотского Бэнк Топ.

Я была так зла, что должна была минутку помолчать, чтобы не сказать лишнего. Мне так много нужно было у него узнать до того, как изгнать из своей жизни. Мне не хотелось слишком рано начинать ругаться. Только когда мы подошли к кованым железным воротам, я повернулась к нему.

— А теперь объясни мне, зачем было придумывать, что ты мой двоюродный брат? Почему ты не сказал правду с самого начала?

— Потому что тогда ты бы меня возненавидела. Если бы я возник вот так внезапно и объявил, что у твоего отца была любовница, о существовании

которой ты и предположить не могла, ты бы, я думаю, очень сильно разозлилась.

— Я была бы в шоке. Но я бы справилась. Я имею право знать все.

Кэллум покачал головой и свернул на тропинку, посыпанную гравием.

— Ну, извини. Я просто хотел узнать хоть что-то о моем отце. Если бы ты впала в ярость и заявила, что видеть меня не желаешь, я бы ничего не узнал. Я просто использовал свою единственную возможность. У меня ведь тоже есть на это право.

— Ты мог бы спросить у своей матери.

— Я так и сделал на прошлой неделе. Мы разговаривали о нем. Я рассказал ей о том, что был здесь и встречался с тобой. Она очень расстроилась. Она швырнула в меня чашкой. Но когда успокоилась, рассказала много интересного. Это было здорово, мы очень сблизились.

— Рада за тебя.

— Да ладно! Она рассказала, что отец погиб в автомобильной катастрофе и что с ним кто-то был в машине. И что у него был ребенок.

— А когда ты нашел меня в июле, ты уже знал, что моя мать сбежала?

Он остановился под тисом и, шурясь, посмотрел на солнце.

— Да. Об этом было написано в письме, которое я нашел. О том, что она бросила вас, когда тебе было меньше года. Конечно, я не знал, вернулась ли она. Но я подумал, что, если бы твоя мать оказалась дома, я бы сказал, что ищу других Миллеров. Что-нибудь в этом роде. Я всегда найду что сказать.

— Ты просто дрянь! — сказала я. — Откуда мне знать, может, и сейчас ты мне врешь?

— Не вру.

— И что же это было за письмо? Кто его написал?

— Твой дед по отцовской линии, Винс.

— Черт. — Я отошла от него на несколько шагов, потом вернулась. — А почему он вдруг написал твоей матери?

Кэллум подбросил ногой камешек.

— Потому что он давал нам деньги. Он и твоей матери помогал деньгами. Думаю, он чувствовал свою ответственность. Мама говорит, что он был одним из тех людей, которые любят улаживать проблемы. После того как он ушел от твоей бабушки, он нашел маму через университет и проделал долгий путь в Шеффилд, чтобы заботиться о ней. Она разрешила ему остаться на некоторое время, потому что была очень больна. Потом, по прошествии примерно шести месяцев, он уехал. Бог знает, куда он отправился после этого. Но он всегда присылал деньги, каждый месяц. Иначе нам пришлось бы очень туго.

— И откуда он доставал деньги? — Я подумала о том, с каким трудом Полл добывала деньги на жизнь все эти годы.

— Не знаю. Но теперь это прекратилось. Мы перестали получать от него помощь с тех пор, как мне исполнилось девять или десять лет. Так говорила мама. Он просто исчез. Он ведь мог умереть, я так думаю.

Я подняла глаза к небу, но не увидела ничего, кроме облачка пара от моего дыхания.

— Ты все время так складно врешь.

— Сейчас я говорил правду.

— Откуда мне знать?

Я обогнула часовню, подошла к памятнику жертвам войны и села на холодные каменные ступени. Кому тут верить? Если бы у меня было ружье, клянусь, я бы пристрелила его, как только он пришел, прицелилась бы из-за угла и проделала большую дырку в его дурацкой шинели. Он бы умирал, а я стояла бы рядом и смеялась.

— Сколько раз я должен повторять?! — крикнул он. — Извини меня!

Только попробуй подойти и сесть рядом, подумала я, но он застыл в нерешительности, прислонившись к стене часовни в нескольких футах от меня и разглядывая свои ботинки.

— Она потом вышла замуж, твоя мама?

— Нет, я думаю, наш отец слишком избаловал ее, чтобы она смотрела на других мужчин.

Наши матери. Твоя и моя.

— Ты вообще-то совсем на него не похож. Ты это знаешь?

— Ты тоже не очень на него похожа.

— Это был подлый трюк, с фото! Зачем было врать, что это Элизабет? Это было так низко!

Кэллум развел руками:

— Ты ведь сказала, что это единственное ее фото, которое у тебя есть. Я не мог его взять у тебя. Не мог разрушить твои иллюзии.

— Господи! — Я изо всех сил стукнула кулаком по каменной колонне. — У тебя на все есть ответ. Почему все думают, что меня постоянно надо оберегать?

Он молчал. Кожа на моей ладони покраснела и покрылась капельками крови. Внизу, под нами, простирался Харроп, за которым начиналась вересковая пустошь, которая у горизонта сливалась с небом. Скоро все это будет позади, подумала я. Осталось два дня.

— Послушай, — сказал он, подходя ближе. Его голос стал мягким. — Есть другая причина, по которой я вернулся, чтобы повидаться с тобой и рассказать правду.

— Какая?

— Помнишь, в клубе, когда мы... когда я...

— Нет, ради бога, не начинай это опять. Ты или лжец или извращенец, одно из двух! Я не хочу иметь с этим ничего общего!

— Я тогда не врал насчет поцелуя. Ты должна это знать. Ты просто красавица, ты похожа на Бланш Ингрэм.

— *Бланш Ингрэм?* — Я чуть не расхохоталась. — Кажется, это такая толстая стерва, не так ли?

— Нет, не совсем. — На его губах показалась странная улыбка, которая разозлила и смягчила меня одновременно. — Она загадочная. Высокая, сильная, гибкая. Ты светишься.

— Пошел ты!

— Правда. Ну, хорошо, забудь о моих словах. Я не собираюсь надоедать тебе, у меня новая девушка, кстати. Так что тебе ничто не угрожает. Но мне не нравится, что ты считаешь себя некрасивой, когда это совсем не так. Если бы я не был твоим братом...

— Которым ты являешься.

— Я знаю. Но разве ты не чувствуешь, что мы понимаем друг друга с полуслова? Что нас друг к другу тянет?

— Нет. — Я встала. — У тебя заготовлены еще какие-нибудь откровения на сегодня или это все?

— Кэт. — Он взял меня за руку. — Господи, у тебя пальцы как лед. Послушай, я не собирался говорить ничего особенного, но ты моя сестра, и я не хочу, чтобы мы забыли об этом. Теперь, когда я тебя нашел.

— Люди каждый день теряют родных, — сказала я, вырвав свою руку и спрятав ее за спину.

— Да, но от этого они не перестают быть родными. Ты ведь не можешь, закрыв глаза, считать, что стала невидимкой.

— Я ничего не знаю. Мне нужно время, чтобы подумать.

— Кэт. — Он придвинулся, собираясь обнять меня.

— Отойди! Я сказала, мне нужно время. Мне нужно время, чтобы перестать тебя ненавидеть.

При этих словах его лицо сделалось несчастным.

Господи, подумала я. Бьюсь об заклад, ты был уверен, что сможешь убедить меня, подключив свои обаяние и лесть. Ты немного ошибся.

— У меня есть твой номер, — сказала я. — Я буду занята следующие восемь или девять недель, но позвоню тебе перед Рождеством.

— Так нескоро?

— Так нескоро. Но я позвоню. Обещаю.

Он довел меня до ворот и опять попытался обнять, но я отпрянула.

— Мне сейчас направо, — сказала я, — а тебе налево, к станции.

— Хорошо, — ответил он, — согласен. Еще пара слов. Ты меня ненавидишь, но я все же скажу. Моя мама считала, что твоя мама психически больна. То есть совершенно невменяема. Так что, если ты когда-нибудь найдешь ее, если она выберется из психушки, будь осторожна. Возможно, за ней тебе придется присматривать не меньше, чем за бабушкой.

Я смотрела, как удаляется его высокая серая фигура, пока она не скрылась из виду.

На этот раз я собиралась сделать все как надо.

Глава двадцать шестая

Оказалось, что политика малодушия и бездействия довольно эффективна. В Оксфорде очень здорово, потому что все здесь немного с причудами, и я не выделяюсь на общем фоне. Во всяком случае, все, как один, зовут меня Кэт.

Я нахожусь здесь уже шесть недель, учусь в колледже, но большую часть времени провожу неподалеку, в Саммертауне, где мама сняла для меня квартиру. Она приехала две недели назад, отработав в библиотеке положенный срок после подачи заявления об уходе. Когда она найдет работу, то выставит на торги свой дом в Болтоне и купит здесь квартиру. И я смогу переехать к ней. Обо всем этом мы договорились.

Жить с ней легко. У каждого есть собственный кухонный шкаф, и я приняла тот факт, что она практически не ест, а она не возражает против того, что иногда после еды я запираюсь в ванной и включаю радио на всю катушку. Но это происходит не так часто, как раньше. Да и еда в ее доме совсем другая.

Как-то я взглянула на ее силуэт, когда она стояла у окна. Я вдруг увидела, какая она худенькая, и у меня перехватило дыхание.

— Почему я не такая, как ты? — не удержалась я.

Она рассмеялась.

— Это заблуждение, что дети всегда похожи на родителей. Ведь дети не клоны, они похожи на самих себя, они совершенно новые личности. Тебе скоро не захочется быть, как я, обещаю тебе.

Я узнаю о ней все новые факты. Однажды, распаковывая вещи, она показала мне шкатулку, в которой лежал засушенный конский каштан, похожий на маленький коричневый мозг.

— Его дал мне твой отец, — сказала она.

Да, этот подарок не потребовал от него больших затрат, подумала я, но ничего не сказала. Для нее он явно много значил.

В другой раз, просматривая коробку, в которой лежали ее книжки из серии «Народный роман», я нашла папку, полную прокомпостированных листов и закладок, на которых были обозначены годы. Я просмотрела эти листки — это оказались списки книг. Мне стало интересно, почему она хранит их, но тут названия показались мне знакомыми. Это были книги, которые я брала в библиотеке Бэнк Топ. Она заносила в каталог каждую взятую мной книжку.

О некоторых вещах мы не говорим. Она никогда не упоминала имени Кэллума. Только один раз она выразила свое сожаление о том, что я поссорилась со своим бойфрендом. Я не ответила, и

разговор прекратился. Что точно можно сказать о моей маме, так это то, что она не вмешивается в чужие дела.

Но все же я не зову ее мамой. Я зову ее Энн. На вопросы окружающих я отвечаю, что она моя подруга. Я не поощряю расспросы, так как боюсь, что меня загонят в угол. Ведь я никому не сказала, что она моя мать, поскольку не вполне уверена, что это действительно так. Нет, я не сомневаюсь, что она дала мне жизнь, но это не одно и то же.

Я получила открытки от Бекс (*Я ходила в клуб вчера вечером!!!*), от Донны (*Увидела ее и подумала о тебе — картинка «Умной кошки» из Letterland, — продолжай делать трубки*) и от Мэгги (*нас всех миновала простуда, но Дикки прокалал ногу гвоздем. Надеюсь, ты носишь свое зимнее пальто*).

И ничего от Полл, правда, ей трудно писать. Я не очень расстроена, потому что увижу ее на Рождество, и мы помиримся. Также я ничего не слышала о Кэллуме. Может быть, позвоню ему, когда вернусь, может быть, нет. Может, приглашу его на реалити-шоу «Триша» с темой «Я ненадолго втрескалась в своего лживого братца». На Рождество мы с мамой думаем рассказать все мисс Мегере — Дине, как мне хочется ее называть.

Может быть, мы все соберемся за столом под звуки хлопушек.

Некоторые детали истории моего отца знаю только я, что-то известно одной Полл, а что-то — только и Энн и Джуд. Лишь собравшись все вместе, мы имеем шанс составить целостную картину, и

Kate Long

SWALLOWING GRANDMA

то, возможно, не вполне. Я знаю, что каждый раз, когда я выхожу из дома, Энн поворачивает фотографию моего отца лицом к стене, но снимать ее я не собираюсь.

Одно я поняла за свою короткую жизнь: негодяи — совсем не те, кого считаешь таковыми. Но это не страшно. Главное — не сдаваться.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОСТСКРИПТУМ

Я предполагала вернуться и навестить Полл до конца семестра, но у меня не было свободного времени. В Оксфорде заставляют работать в поте лица, и мне это нравится.

Энн должна была пойти на собеседование по устройству на работу, так что я поехала одна. Я справилась с пересадками и остальными трудностями, никто не украл мой багаж, не стащил кошелек и не продемонстрировал мне свой пенис. Я высадилась в Бэнк Топ и потащила чемоданы вверх по холму к дому Полл.

Странно, но в доме никого не было, и, взглянув на почту у порога, я поняла, что дверь не открывали по крайней мере день или два. А ведь я написала, когда приезжаю. Где же все? Открыв дверь своим ключом, я прошла в гостиную. На столе лежали две бесплатных газеты и колпачок от очистителя окон, все остальное выглядело необычно чисто. Большая часть украшений и картин исчезла. Кухня была очищена от мусора, но не вымыта, а

когда я поднялась наверх, чтобы зайти в туалет, то увидела, что все куски мыла и флаконы исчезли с подоконника. Моя комната была более или менее в том состоянии, в каком я ее оставила, зато с кровати Полл было снято постельное белье, а ее стеганый халат исчез с крючка за дверью. В доме пахло пустотой.

Я не знала, что делать. Полл опять забрали в больницу? Или она умерла? Но этого не может быть, потому что Мэгги или кто-нибудь обязательно бы меня оповестил.

Я стала искать записку или письмо с объяснением. Ничего. Я позвонила Мэгги, потом Собачнику, но никто не ответил. Наконец, я вызвала такси и поехала в пансион к Кисси.

За конторкой в холле стоял мистер Пул, на голове у него был колпак Санта-Клауса с колокольчиками, которые все время позвякивали.

— Я наполнию ваш чулок, — услышала я его слова, обращенные к Элли, когда вошла.

— Ну просто беда. — Она выкатила на меня глаза, ее лицо было цвета шарика для крикета. — Они как дети. Еще три недели этого баловства. Подойдите, если хотите украсить мишурой свои ходунки.

Я нашла Кисси в ее комнате. Она выглядела встревоженной.

— Слава богу, ты пришла, — сказала она, увидев меня. — Я получила сообщение с железной дороги.

— Что ты имеешь в виду? — Я подумала, может быть, я забыла что-нибудь в поезде.

— Железнодорожная полиция. Мэгги дала им мой номер, чтобы связаться с тобой, потому что была уверена, что ты придешь сюда. Она хотела встретить тебя на станции, но упала, поскользнувшись на ледяной корке, и ее пришлось отнести в паб. Кажется, она сломала лицевую кость. Она теперь в болтонском госпитале. Эти бульжники на мостовой по дороге к станции скользкие, как стекло. Там собираются устроить бетонированную площадку.

— О боже, бедная Мэгги!

— Да, такая жалость! Она добрая женщина. Слишком добрая. Говорят, она очень беспокоилась о тебе.

Я опустилась на кровать.

— Что вообще происходит? С Полл все в порядке? В доме никого нет.

Кисси поджала губы.

— Все в порядке. Я бы сказала, что она в полном порядке. Она переехала, вот и все.

— Уехала из дома после стольких лет?

— Ну и что?

— Она не подумала сообщить мне! Это на нее похоже. В конце концов, это ведь и мой дом!

— Нет, больше он не твой. Мэгги хотела тебя встретить, чтобы предупредить. Пару месяцев назад Полл решила переехать в новый одноэтажный дом. На прошлой неделе она пришла меня навестить. Я так и подумала: что-то случилось. Принесла коробку конфет «Роузез» и сообщила новость. — Она потянулась за конфетой, но в коробке было пусто. — Я собиралась тебя угостить, но конфеты уже кончились!

— Ничего страшного. Так где же она?

— Ты знаешь ферму Кослеттов? На том конце деревни, на дороге в Эмбли? Она там, в домике, оборудованном специально для инвалидов.

Я мысленно проделала этот путь.

— Рядом с белым фермерским домом?

— Верно. Джон Кослетт построил его для своей матери, она умерла, и один малый из Харропа купил его ненадолго. А потом его опять выставили на продажу.

— Значит, Полл продала наш дом?

— Нет. Еще нет.

— Но откуда она взяла деньги? Или все сделали социальные службы? Объясни, пожалуйста, Кисси, потому что я вообще ничего не понимаю.

— Для меня самой это был шок. Могу передать тебе, что она сказала. Она решила, что, если будет жить одна, дом должен быть для нее более удобным. Везде поручни, никаких ступенек, специальная ванна, большие окна. Это очень дорого и роскошно, она показала мне все в деталях. Там прекрасный сад. Я спросила ее: «А кто будет за это платить?» И она ответила: «Я буду платить». — «Откуда ты возьмешь деньги? Ты выиграла в лотерею?» И она ответила...

— Что?

— Она годами копила деньги, которые получала от Винса. Вернее, это делал Дикки от ее имени. У него была собственность, у Винса. Не знаю, сколько домов у него было, но он покупал дома для того, чтобы сдавать их с тех пор, как его дедушка, а потом и мать оставили ему свои. На полученные

деньги он покупал новые дома. Неказистые, с маленькими террасами, но это приносило доход. Я знала, что он владел парой домов, когда-то давно, но я думала, он продал их за долги. Оказалось, я была неправа.

Когда он сбежал от Полл, она не могла претендовать на эти дома, поскольку они куплены на его имя. Но шесть лет назад он внезапно написал ей и сообщил, что она может получать с них доход.

— Вот это да! Значит, она знает, где он находится?

— Нет, он не писал об этом. Так что Полл уполномочила Дикки получать доходы от домов, ну и что еще нужно. Он периодически собирает деньги и осуществляет общее содержание и ремонт. Она платит ему зарплату, между прочим. Наличными.

— А где хранятся все эти деньги? — Я подумала о нашем старом диване и древнем холодильнике. — Господи, Кисси, сколько же у нее денег?

— Она отказывается говорить. Я сказала, что ей не обязательно декларировать их, но она говорит, что все легально. Она говорит — только послушай! — что у нее есть бухгалтер.

— Не может быть!

— Она так сказала. Не знаю, верить ей или нет. Но домик, в который она переехала, во всяком случае, настоящий. Ты удивишься, когда увидишь его, там все как на картинке.

— О, Кисси! — Мы минуту сидели в молчании, потом я промолвила: — Но зачем было Винсу давать ей все эти деньги?

— Может, он чувствовал себя виноватым? Возможно, он узнал, что она начала слепнуть. А может, он купил еще несколько домов и решил, что столько ему не нужно. Или познакомился с богатой вдовой, или оказался на улице, или, наоборот, преуспел. Мы об этом вряд ли узнаем. Но его никогда не заботили деньги. Мне кажется, покупка недвижимости скорее была его хобби.

— Неплохое хобби. А где теперь Дикки? Он переехал вместе с ней?

— Он, по всей видимости, живет во флигеле. — Она подняла брови. — Не знаю, как они там устроились. Я не спрашиваю. Вот так обстоят дела. Да, она собирается нанять сиделку после Нового года. Ей же надо кого-то тиранить. Мне жаль эту сиделку.

— Кто хочет сладкие пирожки с изюмом? — крикнула Элли из коридора. — Скорее, девочки и мальчики, налетайте, пока горячие!

Ни у меня, ни у Кисси совсем не было аппетита, но мы взяли по три штуки.

— Ты собираешься повидаться с Полл? У меня есть ее номер, он записан в блокноте на столике у кровати.

— Я такая злая, Кисси, я не знаю, что стану делать!

Она сняла упавшую изюминку со своей кофточ-ки и съела ее.

— Да, это Рождество у тебя будет не совсем обычным, — сказала она.

Канун Рождества я провела в Оксфорде вместе с Энн. Мы вместе отправились на рождественскую мессу и возвращались домой, шагая по искрящемуся инею. Там, где тротуар сужался, мне приходилось идти по дороге.

— Так держать! — сказала я, и мой голос разнесся по пустынной улице. Я чувствовала себя немного пьяной.

Она взглянула на меня и рассмеялась.

— Мы все сидим в сточной канаве, но некоторые смотрят оттуда на звезды.

— Оскар Уайльд?

— Последователи. Но я думаю, они украли это у него. — Запрокинув головы, мы стали смотреть на звезды. — Знаешь, как называются эти созвездия?

— Большинство. У меня есть детская книжка. А ты?

— Знаю, — сказала она, указывая рукой. — Большая Медведица, Малая Медведица, Плеяды.

Ее дыхание улетало маленькими белыми облачками. Мне захотелось взять ее за руку и бежать всю дорогу до города, чтобы сохранить волшебное мгновение.

— Когда ты смотришь на ночное небо, ты не чувствуешь себя совсем маленькой?

— Нет, — сказала она. — Показать, почему? — Она подошла совсем близко и обняла меня. — Смотри на звезды!

Мама медленно повернула меня, будто мы танцевали, и небо повернулось вместе с нами.

— Что ты делаешь?

— Мы — ось Вселенной, — сказала она. — Ты должна в это верить.

Я ждала Рождества без всякой радости.

Но все оказалось совсем не так плохо, как я ожидала. Мы включили радио и развернули подарки, которые приготовили друг другу: бархатный жакет и набор профессиональных инструментов для укладки волос для меня; старинную брошь в форме корзинки для нее. Потом я занялась приготовлением обеда. В это время пришла Дина (Мегера) и сообщила, что на автострадах почти нет машин, а Энн включила оперу по BBC2, и мы все нервно хихикали, поскольку наши отношения изменились, и никто не знал, как себя вести. Но потом я проводила Дину в гостевую комнату, в которой Энн собиралась сделать для меня кабинет. Она спросила, счастлива ли я от такого поворота событий, и я ответила, что так близка к счастью, что это почти то же самое. Потом она спросила, не скучаю ли я по Полл.

— Скучаю, — ответила я.

— Позвони ей, — сказала она.

Она уловила сомнение на моем лице.

— Сделай это, ведь что бы она ни сказала, тебе все равно станет легче.

— Но не будет ли возражать Энн?

— Я хочу сейчас пригласить ее пройтись. Нас не будет около получаса.

Мне очень хотелось увидеть Полл, хотя бы для того, чтобы устроить ей головомойку, но я боялась.

После разговора с Кисси я вернулась к Энн и осталась у нее. Я не видела Полл уже около трех месяцев.

К телефону долго никто не подходил, пока Мэгги наконец не сняла трубку.

— Алло?

— Это Кэт. Что ты делаешь у Полл? Я думала, ты у дочери.

— Я только зашла на минуту, отдать ей подарок. Дорогая, я рада тебя слышать. Полл скучает без тебя. С тобой все в порядке? Тебе все-таки разрешили остаться в Оксфорде? Ты не одна сейчас, с тобой есть кто-нибудь?

Вместе с ее голосом из трубки донеслась музыка из «Снеговика» и крик Собачника:

— Что это за чепуха? Идиотский «Снеговик»! Кто на проводе?

— Перестань, — отрезала Мэгги.

— Все в порядке. Я могу поговорить с Полл? — спросила я, и мое сердце глухо застучало.

— Она только что вышла. Через минуту вернется.

— Она была у Кисси?

— Мы ходили к ней сегодня утром. Она прекрасно выглядит, только лодыжки немного отекают. Шлет тебе свои поздравления.

— Послушай, — я стала терять терпение. — Поздравь Полл с Рождеством от меня, хорошо? Я хочу повидаться с ней после Нового года. Тогда и побеседуем.

— Она говорит, — Мэгги понизила голос, — что все останется тебе, когда она умрет, все, до последнего пенни.

— Надеюсь, не вместе с Дикки и собачьей конурой? — в моем голосе была горечь.

— Она говорит, что уже недолго ждать, что она устала от этого мира.

Я услышала, как Полл крикнула что-то насчет «Бейлиз». Это звучало серьезно.

— Что происходит, Мэгги?

— У нее появился щенок, вот и все. Тили. Дикки принес его сегодня утром. Она чуть не сошла с ума. Но он не похож на Уинстона. Это маленький демон, мне кажется, Дикки принес его откуда-то из дома. Он опрокинул ее стакан, и все пролилось на пол.

— Видишь, я не советовал тебе покупать светлый ковер! — раздался голос Собачника. — Видно каждое пятнышко.

— Подожди, я позову ее, — сказала Мэгги. — Я уверена, ей будет приятно поболтать.

— Не теперь, — быстро сказала я и повесила трубку.

Объяснения, извинения, взаимные упрёки — все это может подождать, пока не кончится Рождество.

Потом я наблюдала за тем, как Энн преследовала одинокую индюшачью ножку, которая ускользала от нее на тарелке. Дина рассказывала нам истории о том, как ее отец служил в армии, а я старалась не впасть в панику от того, что объелась. Еще не хватало заболеть на Рождество. Я представила, как в дверь входит незнакомец и видит нас, сидящих за столом в бумажных колпаках. Дородная Дина с красными щеками и намечающимися усиками, тихая Энн с ее худющими руками и я. Мы,

должно быть, представляли собой довольно странную картину. Но это была семья, которую я выбрала себе сама.

Моя жизнь — это паутина лжи. Не только моей, но и других людей. Но на этом строятся любые жизни. Чья семья не держится на обмане? В жизни, которая постоянно меняется, в водовороте судьбы тебе нужна твоя семья, такая, какая есть.

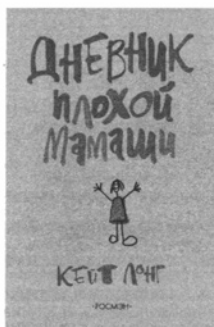
Приходи, Новый год, я готова.

Кейт Лонг родилась в 1964 году. Окончив Бристольский университет, долгое время преподавала английский язык в школе. Там-то она и встретила своих будущих героинь, познакомилась с их мамами и бабушками и захотела рассказать о проблемах современной семьи, где есть дети, которые вот-вот должны окончить школу и начать взрослую жизнь.

Романы Кейт Лонг читают и перечитывают в странах Европы и Америки. На русском языке они публикуются впервые.

*Подробнее о жизни и творчестве писательницы можно узнать на сайте **katelong.co.uk***

«Дневник плохой мамыши» — хроника одного года жизни некой среднестатистической семьи: дочери, матери и бабушки. В тот год Тони Блэр стал премьер-министром, принцесса Диана погибла в автокатастрофе, а семнадцатилетняя Шарлотта, едва потеряв невинность, обнаружила, что беременна. Девушка в отчаянии, ее мать Карен — в бешенстве, а бабуля — в восторге. Приятель Шарлотты Пол вовсе не желает слышать о ребенке, а ее добрый и заботливый друг берет на себя множество забот, чтобы облегчить ее существование. Эта откровенная, веселая и мудрая книга — трезвый взгляд на отношения отцов и детей, матерей и дочерей. Почему так случается в жизни, что дети постоянно повторяют ошибки своих родителей? Как и о чем следует родителям говорить со своими взрослыми детьми? И что следует делать самим родителям, чтобы обрести наконец свое счастье, как это получилось у героев этой книги?

«Дневник плохой мамыши» — литературный дебют Кейт Лонг (р. 1964), вызвавший в Англии настоящий фурор.

Кейт Лонг
Бабуля-суперопекун

Ответственный редактор О. И. ЯРИКОВА
Художественный редактор Н. О. МОСКАЛЕВА
Технический редактор А. Т. ДОБРЫНИНА
Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА

Подписано к печати 29.10.06. Формат 84х108 1/32.
Бумага офс. Печать офсетная.
Гарнитура Баскервиль. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 5000 экз.
Заказ № 4622029

ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС».

Почтовый адрес:

125124, Москва, а/я 62. Тел.: (495) 933-71-30.

Юридический адрес:

129301, Москва, ул. Бориса Галушкина, д. 23, стр. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели
могут оформить заказ, получить
опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу:*

www.gosman.ru

ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:

все города России, СНГ: (495) 933-70-73;

Москва и Московская область: (495) 933-70-75.

Отпечатано на ОАО «Никполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Лонг К.
Л68 Бабуля-суперопекун: Роман / Пер. с англ. Е. Нарышкиной. — М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2007. — 416 с.

Кэтрин восемнадцать, и она живет с бабушкой, которая ее ужасно достает своим занудством и стариковскими представлениями о жизни и о том, чем внучке следует заниматься, во что одеваться и с кем дружить. У Кэтрин нет родителей, ей трудно общаться со сверстниками, к тому же она комплексует по поводу своей полноты. И еще в ее душе живет обида на мать, которая бросила ее, когда Кэтрин была грудным младенцем.

Неужели Кэтрин так и не встретит людей, которым она была бы интересна и с которыми ей было бы легко общаться? Неужели так и не решится уехать из родного дома, чтобы начать наконец свою собственную, взрослую жизнь?

ISBN 978-5-353-02602-0

УДК 821.111-311.1

ББК 84(4Вел)6-44

